

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№3(41) 2021

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
«Я ещё живу и буду жить в будущем...»4

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ
Первая любовь Фёдора Достоевского.....21

Николай ГОЛОВКИН
«Я умру, но не весь...».....105

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН
«Я русский совестью и родом...»9

Виктор КАШКИН
«Господи, смогу ли...»45

Инна МУХИНА
«Свет любви»49

Юрий ЯХОНТОВ
«И плывёт жасмина цвет...»56

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Сияет вера, побеждая страх...»61

Светлана ГОРОШИЛОВА
Осенний вальс.....74

Евгений ХАВАНОВ
Юноше, обдумывающему жизнь.100

Вита ПШЕНИЧНАЯ
«Осень – время прощаний...»126

Антонина БЕЛОВА
Свет упования. Венок сонетов.....133

Нина ГОЛОВАНОВА
Вразной140

Сергей ГАЗИН
«В заветных чувствах...»152

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№3(41) 2021

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 28.11.21.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ Н-6528

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Элла КУЗНЕЦОВА
«Как же жизнь хороша...»154

Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)
«Здесь небо одно над Россией...»167

Василий ЛОВЧИКОВ
И снова от Бога – защитницы роль!179

Анна МАЯКОВА
«Мне не хватает простора...»183

Тамара ПОТЁМКИНА
Моя страна великая...189

ПАМЯТЬ

Владимир КОРШУНКОВ
Слово о друге52

Игорь ГАФУРОВ
Одноклассники.....156

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай КАРТАШОВ
«Самый глубокомысленный из наших
критиков»64

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Пётр и Февронья79

ПРОЗА

Юрий РЫЧЕНКОВ
На исходе лета. Новелла118

Сергей КОЧУКОВ
Знамя.....143

Василий ПОЛЯКОВ
Журавли помогли.....181

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Пустоцвет186

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

На протяжении долгого времени современные мыслители, политологи и публицисты писали о том, что на мир надвигается что-то зловещее, что человечество стоит на пороге больших сдвигов и изменений. Не секрет, что мы уже давно живём в состоянии непрерывного стресса, и уже даже успели привыкнуть к этому. Но то, что происходит в мире в последние годы и месяцы, ещё недавно было невозможно представить даже в самых дерзких фантазиях. На мир надвигается тяжёлая реальность, и у многих такое ощущение, что в нашем обозримом будущем всё уже кем-то решено, и изменить что-то уже невозможно. В этой ситуации можно посоветовать соблюдать выдержку, не поддаваться на провокации и во всех своих действиях подчиняться велениям разума, а не внушениям извне – заполошным, агрессивным, апеллирующим к людским страхам и малодушию, зачастую подлым и бесчеловечным. В мировой истории было много безумного бреда, но мир, несмотря ни на что, продолжает стоять и тревожно всматриваться в будущее. Многое прошло, пройдёт и это.

В отечественной культуре продолжается непримиримое противостояние. Тёмные силы, при бесперебойной и щедрой поддержке мутных структур, растлевают и деморализуют людей через посредство антигосударственных, русофобских текстов, которые под видом «современной российской литературы» агрессивно навязываются нашему народу, особенно молодым поколениям. Бездарные вырожденческие спектакли подменяют великий русский театр. В то же время, есть и признаки осознания опасности и противодействия, в том числе и на уровне государства. Журнал «ВЕЛИКОРОССЬ» в своей деятельности твёрдо стоит на позициях укрепления нашей многонациональной российской культуры, во всём её богатстве и многообразии.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2021

© Авторы, 2021

ЮБИЛЕЙ

К 200-летию

Фёдора Михайловича Достоевского

**«Я ещё живу и буду жить
в будущем...»**

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – гениальный русский писатель, классик мировой литературы – главную цель своей художественной работы видел в том, чтобы «при полном реализме найти человека в человеке». В письме от 16 августа 1839 года к брату юный Достоевский уже осознавал: «Человек есть тайна. Её надо разгадывать, и ежели будешь разгадывать её всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»¹.

Осмысление тайны, «ключи которой у Творца», – сердцевина идейно-художественной системы писателя, которая в целом слагалась на фундаменте его глубоко религиозного мировоззрения.

Неоценимую роль для формирования сознания Достоевского сыграли в его жизни уголовный процесс по политическому делу об участии писателя в социалистическом кружке Петрашевского, пребывание под следствием в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, приговор к расстрелу и обряд смертной казни, заменённой за три минуты до исполнения каторгой и ссылкой².

Полную инсценировку казни, устроенную по приказу царя, Достоевский описал брату из каземата Петропавловской крепости в тот же день, 22 декабря 1849 года: «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семёновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые

¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч. и писем: В 15 т. – СПб.: Наука, 1996. – Т. 15. – С. 21. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

² См.: Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. – М.: Наука, 1971; Гроссман Л. Казнь Достоевского. – М.: Огонёк, 1928.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Живёт в Орле.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

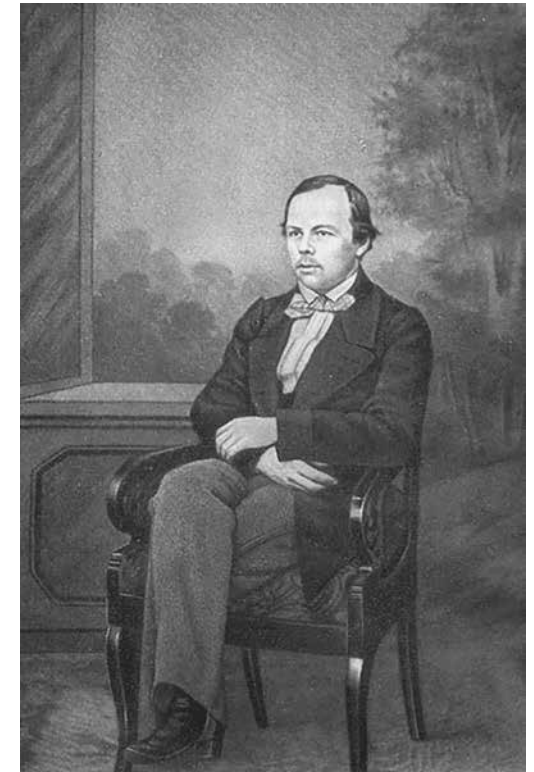

рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры» (15, 81).

Пережитое состояние приговорённого к смерти наложило отпечаток на всю дальнейшую личную и творческую биографию писателя, его религиозно-нравственную, философскую, социально-правовую позицию, в которой ведущее место заняли проблемы жизни и смерти, преступления и наказания, ценности бытия, стремление увидеть мир свободным от зла, общество – освобождённым от произвола и насилия.

Прошло почти двадцать лет после обряда казни, прежде чем Достоевский нашёл в себе внутренние силы для художественного выражения и осмысления происшедшего. В романе «Идиот» (1868) сцены, где главный герой князь Мышкин, которого в подготовительных материалах к роману автор называл «князь Христос», делится своими впечатлениями от увиденной во Франции смертной казни на гильотине, носят характер уникального документа. В этих строках – собственный опыт и последующие раздумья над проблемой самого Достоевского: «Человека кладут, и падает этакий широкий нож, по машине, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочит так, что и глазом не успеешь мигнуть. Приготовления тяжелы. Вот когда объявляют приговор, снаряжают, вяжут, на эшафот взводят, вот тут ужасно! <...> Разве это возможно? Разве не ужас? <...> Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог её доводят? Надругательство над душой, больше ничего!» (6, 23)

Надругательство над душой, «безобразное, ненужное, напрасное» (6, 24) – изощёренная психологическая пытка, которую устроили каратели-палачи противникам своего режима, представлена писателем во всех мучительных подробностях: «А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что *наверно* <...> Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?

Ф.М. Достоевский.
Фотография конца 1850-х гг.

Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?» (6, 24). Достоевский горячо убежден: «Нет, с человеком так нельзя поступать!» (6, 24).

В монологе князя Мышкина писатель аргументирует и отстаивает свою позицию: «Знаете ли, что это не моя фантазия, а что многие так говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу моё мнение. Убивать за убийство несоизмеренно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоизмеренно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно ещё надеется, что спасётся, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он ещё надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают *наверно*; тут приговор, и в том, что *наверно* не избежишь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он ещё всё будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор *наверно*, и он с ума сойдёт или заплачет» (6, 24).

«В горячих словах “Идиота”, – писал о Достоевском его современник, известный адвокат А.Ф. Кони, – он осудил смертную казнь как нечто, ещё более жестокое, чем преступление»¹, следуя евангельской заповеди «*не убий*».

Устами князя Мышкина Достоевский говорит о себе самом: «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “Ступай, тебя прощают”. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» (6, 24).

Далее в изложении героя Достоевский передаёт автобиографически выстраданные свидетельства об оглашении смертного приговора, ожидании казни, о приготовлениях к ней и внезапно объявленном помиловании в новом приговоре к ссылке на каторжные работы: «Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком. Тут одно обстоятельство очень странное было, – странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведён, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрёт» (6, 62–63).

Все детали и подробности навсегда отпечатались в памяти Достоевского: «Он помнил всё с необыкновенною ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трех первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошёл всех с крестом» (6, 63).

Поразительно, насколько возрастает острота восприятия человеком времени на грани жизни и смерти. Время делится уже не только на привычные отрезки: часы, минуты, секунды. Сознанием воспринимаются как величайшая

ценность и «четверть секунды», и «самое последнее мгновение»: «Странно, что редко в эти самые последние секунды в обморок падают! Напротив, голова ужасно живёт и работает, должно быть, сильно, сильно, сильно, как машина в ходу; я воображаю, так и стучат разные мысли <...> а между тем всё знаешь и всё помнишь; одна такая точка есть, которой никак нельзя забыть, и в обморок упасть нельзя, и всё около неё, около этой точки, ходит и вертится. И подумать, что это так до самой последней четверти секунды» (6, 68).

Достоевский перед казнью «счётом отсчитывал» минуты, секунды, доли секунд, чтобы распорядиться ими наилучшим образом: «Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты ещё положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал» (6, 63).

Далее писатель говорит о себе: «Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы *думать про себя*; он знал заранее, о чём он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже *ничто*, кто-то или что-то, – так кто же? где же? Всё это он думал в эти две минуты решить!» (6, 63).

Особенно ужасным при встрече со смертью было мучительное ощущение неизвестности «от этого нового, которое будет и сейчас наступит» (6, 63), – состояние, на которое обречён каждый человек, потому что никому не дано знать, откуда он пришёл в земную жизнь и куда уйдёт после. Сознание приговорённого к смерти обращается к спасительной мысли о Боге: «Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольётся с ними...» (6, 63).

Однако инстинктивно человек противится неизведанной смерти, цепляется за жизнь. Самым тяжёлым на эшафоте была для Достоевского «беспрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!”» (6, 63–64).

Отрицание смертной казни развёртывается у писателя в утверждение высшей ценности жизни: «Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь ещё раз живу! <...> Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла бы быть веком счастья» (15, 83–84), – написал Достоевский брату Михаилу через несколько часов после эшафота. – Как оглянуться на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить, как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, – так кровью обливается сердце моё» (15, 84).

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. – Т. 6. – С. 421.

Однако удалось ли писателю впоследствии жить, не теряя напрасно ни одной минуты, цenia каждое мгновение жизни как наивысший дар судьбы? Удавалось ли это вообще кому-нибудь, даже из переживших тяжкие испытания, буквально возвращённых к жизни? Достоевский отвечает в романе «Идиот» следующим диалогом героев:

«— <...> вы, князь, верно, хотели вывести, что ни одного мгновения на копейки ценить нельзя, и иногда пять минут дороже сокровища. Всё это похвально, но позвольте, однако же, как же этот приятель, который вам такие страсти рассказывал... ведь ему переменили же наказание, стало быть, подарили же эту “бесконечную жизнь”. Ну, что же он с этим богатством сделал потом? Жил ли каждую минуту “счётом”?»

— О нет, он мне сам говорил, — я его уже про это спрашивал, — вовсе не так жил и много-много минут потерял.

— Ну, стало быть, вот вам и опыт, стало быть, и нельзя жить, взаправду “отсчитывая счёт”» (6, 64).

Самое главное, что вынес писатель из своего опыта, когда «был у последнего мгновения» (15, 83), это сохранение души, духа в Божьей чистоте при любых обстоятельствах. В том же знаменательном письме после обряда казни Достоевский утверждал: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чём жизнь, в чем задача её. Я сознал это» (15, 82). Пережив эшафот, словно родившись заново, Достоевский преисполнен благодатных и отрадных чувств: «Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал её сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьёт тебя. Но теперь будь покоен, я ещё живу и буду жить в будущем мыслю, что когда-нибудь обниму тебя» (15, 84).

Готовясь пойти на каторгу, писатель, больной и истерзанный, был необыкновенно бодр духовно, не придавая особого значения состоянию физическому: «Никогда ещё таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю» (15, 82).

Главным же утешением была евангельская *сверх надежды надежда*: «Теперь, переменя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте» (15, 84).

Отрицая убийства, казни, насилие, жестокость, деспотизм, надругательство над человеческой душой, писатель прославляет праведную жизнь, какой она должны быть по Божьему устройению. Каждое её бесценное мгновение должно быть наполнено добром и Христовой правдой — этот завет оставил Достоевский своим читателям.

ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Валентина Васильевича
с 85-летием!

Валентин Васильевич Сорокин — русский поэт. Родился в 1936 г. в Башкирии, на хуторе Ивашила. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей СССР с 1962 г. Автор многих поэтических книг. Лауреат премий — Ленинского Комсомола, Государственной РСФСР им. А.М. Горького, Международной Шолоховской и Всероссийской им. С.А. Есенина.
Живёт в Москве.

Валентин СОРОКИН

«Я русский совестью и родом...»

Парус души

Здравствуй, облако, солнце и небо,
Светлый день на дороге моей!
Всё, что глупо,
что зло и нелепо,
Канет в бездну житейских морей.

Здравствуй, ветер, крылато летящий,
От космической звёздной межи!
Это ты наполняешь горячей,
Храброй силою парус души.

Если вдуматься, наша дорога
Безнадёжной вовек не была —
Разум Бога, терпение Бога,
Не она ль человеку дала?..

Та дорога внезапнее вьюги,
Проще пламени,
смерти ясней.
Осень бурно спешит по дороге,
Глухо шепчутся травы за ней.

И высокое русское поле
В синей, синей и трепетной мгле
Вдруг напомнит о долге и воле
И мятежной поре на земле.

Но стезя атамана известна:
В блеске утренних ровных лучей
Он выходит
на лобное место,
Словно грозная память, ничей.

Есть в грозном гуле непогоды
Стихии вечные черты,
Неустршимый зов свободы,
Которой не утратил ты.

Сражается вода и суша.
Седых пространств коловорот.
Калит на этом споре душу
И силы пробует народ.

В час гнева океан безбрежен.
Поэт, не пасмури чело, –
Когда твой край бурлит, мятежен,
Ты сам, как молнии крыло.

Твоя ликующая песня
То падает,
то вновь горит
В штормящих тучах поднебесья,
Где жизнь со смертью говорит.

Где в грозном гуле непогоды
Куются вечности черты –
И меч, и дух, и гимн свободы;
И плачешь, торжествуя, ты!

Ливни сникли за грядою горной,
И, взмахнув крылом издалека,
Белый парус по волнам озёрным
Тихо уплывает в облака.

За ржаным, ещё зеленым колком,
В шорохах доверчивых берёз
Плачет, надрываясь, перепёлка,
Видимо, оглохшая от гроз.

Зноета июльская и дрёма
Вынесли к горячему песку
В мимолётном запахе черёмух
Острую русалочью тоску.

Вся округа в трепете и свете.
Ходит ветер вдоль и поперёк.
Может быть, за берегом вот этим
Отыщу я то, что не сберёг...

Боль

Памяти сестры Шуры

Красивым и юным ушёл я из дому,
Седой возвращаюсь к себе, молодому.

А дом затерялся, так время пласталось,
Что даже крестов от могил не осталось.

Соратники, следуя строго кумиру,
Народ мой жестоко швырнули по миру:

То – сеять, то строить, то – в битвах брататься,
Теперь за столом нам уже не собраться!..

Река пересохла, леса поредели
И с горной вершины орлы улетели.

Я тяжесть обиды несу за спиной
С тех пор, как простился с великой страной.

Берёзка давно превратилась в старушку,
Хочу я послушать кукушку, кукушку!

Но пусто в округе, и немо в природе,
И только полынь шелестит в огороде.

Мука тайны

Разве мало красивых у нас,
Разве статью их Бог не отметил,
Но таких очарованных глаз
Я ни разу, с рожденья, не встретил.

Мука тайны, надежды слеза, –
На холме ль, на зелёной опушке,
Как два солнышка эти глаза,
Как две иволги или кукушки.

Мглу в них светом зарница прожгла,
Эхом утренним радостной рани,
Словно ты целоваться пришла
Из берёзовой звонкой Рязани.

И на краешке отчей земли
Слышишь стоны грядущей метели,
Потому что твои журавли
И мои –
над Окой пролетели.

Две молитвы, две песни – глаза,
Две свечи, золотисто-нетленных,
А за ними кричат голоса
И замученных, и убиенных, –

Где, храня женихов и невест,
Где, во имя детишек и хлеба,
Нежно пестует храмовый крест
Душу русскую звёздного неба.

Не смогу разлюбить, хоть убей,
Потому что родился не чёрствым.
Эту
 синюю
 сонность
 степей,
Эти звёзды, берёзы и вёрсты.

Самолёт, паровоз ли, такси
Наплывает внезапней крушенья.
И недаром вовек на Руси
Выше Господа Бога – движенье!

Кувыркается ветер во ржи,
Голосит над болотами чибис.
Ну скажи мне,
 скажи мне,
 скажи,
Где бы мы доброте научились!

Ни одной не запомню страны,
Ни одной не пойму я державы.
Мне ведь даже в могиле нужны
Только наши поля и дубравы.

Словно в речку, войду я в траву,
Тихо трону ладонью ромашку.
И, почти как в бреду, разорву,
Переполненный счастьем, рубашку!

Ветер вершины деревьев качает.
Голос кукушки звенит одиноко.
Память опять про себя отмечает
Детство, пропавшее в годах далёко.

Вижу я стог и реку небольшую,
Густо поросшую острой осокой.
Солнцем и ветром беспечно дышу я
Иль убегаю тропой высокой.

Скалы, озёра, луга и овраги.
Каждой травине
 я искренне нужен.
С облаком рядом, исполнен отваги,
Беркут рыжеющий кружит и кружит.

Полдень – отец притомился косою
Часто махать...
Закипает кастрюля.
Мёдом повеяло, дымом, росой,
Дождь заплясал на ладонях июля.

Мать поправляет поспешно косынку
И в шалаше, что прохладой дорог,
Радостно нам раскрывает корзинку:
Лук да оладьи, картошка да творог.

Сколько изъезжено, понято мною,
Сколько забыто,
 но давнее лето,
Будто бы эхо, идёт стороною, –
И невозможно не думать про это.

У памятника танкистам

Льву Головницкому

Красивые залпы салюта,
И вечер спокоен и чист.
В Челябинске вышел из люка
И встал изумлённый танкист.

На площади много народу.
Солдат понимает, ему
За то, что сберёт он Европу,
Цветы принесли одному.

Товарищи в странах неблизких
Остались по склонам долин.
Над ними горятobeliski
Вдоль трассы прямой – на Берлин.

И воин заметил, девчонка,
Родная,
 в теснинах толпы,
Веселая рыжая чёлка –
Рябинова гроздь у толпы.

И вдруг услышал, за крылатой,
Огняною стаей знамён
Вздых матери, чуть виноватый,
Превыше звучащих имён!..

А город взволнован и светел.
И сколь ни старался герой,
Отца дорогого не встретил
И брата счастливой порой.

Их ветер военной тревоги
Поднял и навеки унёс.
В громовую бездну дороги,
В свинцовые стоны колёс.

Он вздрогнул,
 как будто от пули, –
Не ждал ведь
 такого конца.
И первые слёзы сверкнули
На юном лице храбреца.

За молитвами одиночества

В нужде я и в бедах рос,
Без войн не бывало дня.
Спасибо тебе, Христос,
Что ты уберёт меня.

Мы, русские, взяты тьмой,
Мы гибнем, а не враги.
Бессмертный защитник мой,
Детей моих береги.

И той не скупись помочь,
Чья нежность всегда со мной.
К ней сердце летит сквозь ночь
Над раненою страной.

Упал, надломившись, друг.
Я слышу, на трассе вновь
Не листья шумят вокруг,
А льётся с деревьев кровь.

Такой на земле мороз,
Такая шальная мгла.
Один ты у нас, Христос,
И воля Твоя светла.

О, русских теснят окрест
И двигают на убой,
Но мы пронесём свой крест
Межзвёздной твоей тропой!..

Обман сквозь туман

Вот я, российский гражданин,
Шокирован чудесьями,
Что на экраны ни один
Народ не пустят с песнями.

Там только водка, секс и грипп,
Для голых счастье с бедствием.
Шаляпин, видимо, погиб?
Русланова под следствием?

Народы наши сквозь туман
Идут по тракту узкому,
А диссидент и графоман
Нас учат слову русскому!

Гитлеровские подонки

Кто же офашистил ваши души,
И кому вы подали пример?
Прекратите памятники рушить
Воинам-героям СССР.

Вас они спасли и всю Европу
В жуткие свинцовые года.
Не касайтесь, не ищите тропы
К их могилам братским никогда.

Ваша совесть в подлости бесовской,
А на лицах мраморная пыль...
Что вам скажет маршал Рокоссовский,
Что Матросов скажет и Джалиль?!

Русофобы пустолобы

Русофобы, русофобы,
Врач, о вас сказавший, прав:
Все вы жутко пустолобы,
Как оторванный рукав!

Моя родина

Я русский совестью и родом,
Россию славлю и пою.
Перед любым её народом
Склоняю голову свою.

И если бы меня спросили,
Я подтвердил бы нашу честь:
Плохих народов нет в России,
Но пятая колонна есть!..

Среди скал

*Город Аркаим – столица мисти-
ческих ариев на Урале...*

Вырос я в лесах дремучих,
Где острей и крепче взор,
Среди скал, таких могучих,
Среди речек и озёр.

Из нетронутой природы
В дорогом моём краю
Взмыли белые народы
В звёздный мир тропу свою.

А теперь за мглою тёмной
Мы в России не видны –
Меж улусами огромной
И разрушенной страны.

Ты гляди, гляди в просторы,
Дали пей и ветер пей,
За горами – свет и горы,
Стаи звёздных голубей.

Ты, глазастая подруга,
Звёздных пламенных невест,
Не сравнишь дремотность юга
С грозным гулом этих мест.

Древней славой не гордимся,
Без унынья и прикрас
Мы живём
и пригодимся
Впереди ещё не раз!..

Вознесение Христа

Ах, как сердце прохладе радо,
Даже зной не беру я в счёт.
Голубая вода Евфрата
Прямо в чашу долин течёт.

И звенят над волной подковы
Серебристых тяжёлых рыб,
Где покладистый, тальниковый
Ветер сник у гранитных глыб.

Мост серебряный – музыкальный,
Многострунный, полётный звон.
Где-то там, за горою дальней
Он, распятый, очнулся, Он!..

И серебряные долины
Отзываются неспроста
На рыдания Магдалины
И на муки её Христа.

Сколько звёзд над землёй светилось
И шепталось благих молитв,
Прошумело и
прокатилось
По народам трагедий, битв?

И пустынились, погибая,
Тюрьмы, храмы и города.
Но жива ещё голубая,
Олегенденная вода.

Упаси тебя от пирата,
От снарядов из-за границ,
Голубое лицо Евфрата,
Серебристый камыш ресниц!

Кто седее

Снится мне мама, седая, седая,
И говорит: «Я ещё молодая,
Ты же совсем у меня молодой,
А уж седой-то, седой-то, седой!»
Вот и сидим, и глядим друг на друга,
Кто же седее нас: жизнь или вьюга?

Возвращённая клятва

Может быть, и я сойду с ума,
Если вновь твоё услышу тело.
Этой ночью с древнего холма
В облака рябина улетела.

Скорая на чувства и слова,
Кратко с ним и весело простилась.
И его седая голова
В синей мгле опять засеребрилась.

Прикоснись к душе моей на миг,
Наяву, а в мёртвых снах не мучай, –
Тьма в глазах твоих, и только в них
Затаился наречённый случай:

Я твои ладони разведу,
Трудных клятв негромко удостою,
В небесах остывшую звезду
Свечкою затеплю золотою.

Вздых себе же в юность посылать
Нам, холмам, завещано природой,
А тебе – искриться и пылать
Над неповторимую свободой.

Ты, рябина, гибельней, чем стон,
Проще сказки, виноватей вьюги,
Спеленала с четырёх сторон
Все мои тропины по округе!

Я не знаю, скоро иль не скоро
На закат пойдёт моя звезда,
Но с вершины этого простора
В сердце упирается верста.

А внизу угрюмые, седые,
Скалы подпирают косогор.
И орлы, грозойю налитые,
Тяжело кружатся до сих пор.

У поэтов – каждый день дуэли,
Но меня над бездною земли
Сберегли башкирские метели
И орлы вот эти сберегли.

В миг, когда и я теряю силы,
Если рядом нету никого,
Я касаюсь мысленно могилы
Прадеда и деда моего.

Разве я не пил страданий чашу,
Завтра снова ей не пустовать, –
Кто-то должен за Россию нашу
Под прицелом недруга вставать.

Пахнет в мире порохом и кровью,
И не зря твержу я наизусть:
«Я клянусь терпением и любовью,
Вечным светом Родины клянусь!»

Травами клянусь и небесами,
Как бы доля не была горька,
И ещё – огромными глазами
Той, что ждёт меня издалека.

Перед Богом

А мы живём, то плача, то робея,
То не суля пощады никому...
Я не хотел бы видеть, как Помпея
Исчезла в наползающем дыму.

Я не хотел бы слышать, если боги
О гибели нам скорой говорят,
Пусть на моей и на чужой дороге
Всё те же звёзды вечные горят.

Сравнимы беды или несравнимы,
Грешно копаться в пекле и в золе,
Но мой народ лишь потому гонимый –
Добрее нет другого на земле.

Он заслони́л знамёнами планету,
Идя вперёд и падая вперёд,
Так разбросал себя по белу свету,
Что, может быть, уже не соберёт.

И чем ему, действительно, гордиться,
Соседей спас и незнакомых спас.
Теперь легла железная граница
Между моги́л...
И разделила нас.

Не надо с нашим горем препираться,
Есть глухота, и есть обиды зов:
А вдруг мы вновь надумаем подняться
Перед крестами братьев и отцов?!

ЮБИЛЕЙ

Михаил ОРДЫНСКИЙ-
ДАВИДОВ

К 200-летию

Фёдора Михайловича Достоевского

Первая любовь Фёдора Достоевского

Фёдор Михайлович Достоевский в юности и в течение всей последующей жизни к женщинам относился возвышенно.

Образцом женской красоты и порядочности для него была его мать, Мария Фёдоровна Достоевская. Её чистые голубые глаза, кроткое и нежное лицо часто вспоминались ему после её преждевременной смерти. Лучших женщин своих романов выводил Ф.М. Достоевский с таким кротким видом, как у своей матери.

Все историки литературы, которые десятилетиями скрупулёзно изучали жизнь Ф.М. Достоевского (1, 2, 3) в один голос утверждают, что Ф.М. Достоевский поздно начал сексуальную жизнь. Полностью присоединяюсь к этой точке зрения.

Плохо это или хорошо? «Плохо!» – ответят многие современные сексологи и андрологи во главе с R.S. Kirby (4). Но, в соответствии с моим 44-летним врачебным стажем, я не могу полностью согласиться с ними.

Всё зависит от индивидуальных особенностей организма человека, а в юношеском возрасте велика роль воспитания, окружающей среды.

Вспомним отрочество Фёдора в родительском доме, в Москве, на Божедомке (5). Строгое воспитание родителей, тесная дружба Фёдора и старшего брата Михаила, их удивительная увлечённость чтением. Книга на первых порах заменяла им реальную жизнь, точнее – возможные развлечения, пустое времяпровождение, анекдоты, любые, в том числе, неприличные, разговоры о девочках и женщинах. При этом отец и мать подростков строго следили за нравственностью детей. Ограждали их от случайных связей, плохих товарищей. Заметим, что пансион Чермака, где учились братья, был однополюм – только для мальчиков.

Родители и хорошие книги воспитали в Ф.М. Достоевском целомудрие, уважительное

Михаил Иванович Ордынский (Давидов) родился в 1954 г. в селе Орда Пермского края. Доцент Пермского медицинского университета, кандидат наук. Помимо медицинской деятельности более 40 лет занимается историей литературы. Член Союза писателей России, автор 11 литературно-художественных книг, 6 документальных повестей о жизни великих писателей «Дуэль Пушкина», «Дело №37», «Бунт души», «Тайна смерти Гоголя» и других, опубликованных в журналах «Москва», «Урал» и отдельными изданиями, а так же 65 статей по истории жизни Ф.М. Достоевского, П.И. Багратиона, А.А. Алексина и других выдающихся русских людей, опубликованных в журналах «Великороссъ», «Наука и жизнь», «Уральский следопыт» и других. Лауреат премии Лермонтова, кавалер ордена Достоевского.

Живёт в Перми.

Ф.М. Достоевский.
Фотография начала 1860-х гг.

и почтительное отношение к женщине; девушке, как к будущей матери, отвращение к распутству, свойственному многим юношам.

Однако Фёдор Достоевский и в пору последующего жительство в Санкт-Петербурге (с 1837 по 1849 годы, т.е. в возрасте от 16 до 28 лет) не обращал почти никакого внимания на женщин. Одним только страстным увлечением литературным творчеством нельзя объяснить этого.

В современной сексологии хорошо известен такой тип мужчин, которые расцветают только после 30 лет, в зрелом возрасте, однако удивляя женщин своим высоким сексуальным темпераментом (6). Таким и был Ф.М. Достоевский как мужчина.

Открываем книгу Л.Ф. Достоевской «Достоевский в изображении своей дочери» и читаем: «Удивительно, в жизни

Достоевского периода первой молодости, которая у большинства людей посвящена любви, не встречается ни одна женщина. Ни невесты, ни связи, ни даже флирта! Это необычайное воздержание можно объяснить только поздним развитием его организма, что нередко имеет место на севере России... Полное созревание организма русского мужчины на севере отодвигается к 25 годам... Организмы больные, как при эпилепсии, будут развиваться ещё медленнее. Возможно, чувства Достоевского в этом возрасте ещё не проснулись» (7).

Друг «докаторжного» петербургского периода жизни Достоевского Степан Дмитриевич Яновский свидетельствует: «Во всё время моего знакомства с Фёдором Михайловичем и во всех моих беседах с ним я никогда не слышал от него, чтоб он был в кого-нибудь влюблён или даже просто любил бы какую-нибудь женщину страстно» (8).

С апреля 1849 года в жизни Достоевского начались тяжёлые испытания: арест по «делу петрашевцев», 9-месячное пребывание в Петропавловской крепости, чудовищная имитация смертной казни, 4-летняя каторга в Сибири.

В январе 1854 года окончился срок каторги в Омском остроге, Достоевского ждала солдатчина – бессрочная служба рядовым в Сибири. Сбылось горькое пророчество отца писателя, Михаила Андреевича Достоевского, который, видя горячий и бойкий характер сына, нередко говорил ему: «Эх, ходить тебе, Федя, под красной шапкой!» Так издавна на Руси называли подневольную солдатскую службу (стрельцы носили красные кафтаны и шапки).

В конце февраля 1854 года официально начинается служба Достоевского в 7-м Сибирском линейном батальоне, который размещался в городе Семипалатинске.

Семипалатинск был захолустьем, затерянным в степи близ границ царской России с Китаем. В то время он мало походил на город. Имел единственное каменное здание – Знаменский собор. Всё остальное было деревянным. Одноэтажные бревенчатые домики, немощёные улицы без фонарей, 5-6 тысяч жителей. Город кишел собаками. Не было библиотеки, книжного магазина, на весь город имелось одно фортепиано.

Линейный батальон располагался в деревянных казармах. Вокруг не росло ни деревьев, ни кустов, казармы окружал только один сыпучий песок.

Первое время Достоевский жил вместе с другими солдатами в казарме, но вскоре ему разрешили жить отдельно, однако поблизости от расположения батальона. Хата, где Фёдор Михайлович имел одну комнату, была бревенчатая, старая, покосившаяся на один бок. Комната, которую снимал Достоевский, была низкая, в ней царствовал полумрак. Бревенчатые стены были обмазаны глиной. Вдоль стены шла широкая скамья. За большой русской печью помещалась постель Фёдора Михайловича, стоял дощатый ящик вместо комода. Спальное место отделялось от комнаты ситцевой занавеской. В комнате стоял стол, за которым Достоевский под тусклым освещением сальными свечами писал ночами. Два небольших окошка выходили во двор, на них стояли горшки с геранью и висели выцветшие красные занавески. Тараканы рыжими стаями бойко бегали по столу, стенам и кровати, считая себя подлинными хозяевами хаты. Бороться с этими «божьими тварями» в то время в сибирских селениях считалось дурным тоном. «Пруссаки», распространившиеся по России после походов Русской армии в Европу, считались признаком достатка.

Но даже ещё находясь на казарменном положении, ночуя на грубо сколоченных нарах в ветхой казарме, солдат Фёдор Достоевский был радёшенек.

Достоевский был очень счастлив в этот период жизни. Он широко улыбался яркому степному солнцу. После каторги Фёдор был опьянён свободой!

Не нужно было носить тяжёлые десятифунтовые кандалы, брить половину головы, ходить с жёлтым тузом на спине, выполнять каторжные работы.

Солдату Достоевскому было в марте 1854 года только 32 года. К тому времени Фёдор возмужал и окреп, стал сильным и выносливым мужчиной, несмотря на предшествующий 4-летний тяжёлый физический труд при скудном питании. На каторге Фёдору нравилась работа на свежем воздухе. Он должен был вертеть тяжёлое точильное колесо; это было трудно, но служило Достоевскому отличной гимнастикой. Очень нравилось ему носить на спине кирпичи, потому что это развивало его физическую силу.

Возмужавший и окрепший мужчина начал мечтать о женщинах, о семейном счастье! Пришло время любить!

Именно здесь, в Семипалатинске, к Достоевскому, почувствовавшему свободу, возможность общения с женщинами, чего он был начисто лишён в течение 4 лет пребывания на каторге, окрепшему физически, пришло наконец острое желание обладать женщиной. Появилось сексуальное влечение, которое было невероятно сильным и которое отныне уже не оставит его до конца жизни.

Как всякого сильного мужчину с развитым половым влечением, его особенно тянуло к красивым молодым и юным (но половозрелым!) женщинам.

Страстное и сильное влечение к молодым девушкам и женщинам – особенность половозрелого Достоевского после 32 лет его жизни.

Отмечу, что в этом влечении нет сексуальной аномалии, нет педофилии. Педофилия – влечение к чрезмерно юным, сексуально неразвитым девочкам до их 12-14-летнего возраста, не имеющим молочных желез и достаточно развитых половых органов. Известно, что как 18-летнего юношу остро влечёт к 16-20-летним девушкам и женщинам, так и 40-60-летнего мужчину, имеющего большой сексуальный опыт, привлекают девушки и женщины юного и молодого возраста, а не 40-60-летние его сверстницы. Таковы законы сексологии (4, 6, 9), так задумано в природе, чтобы сохранить и увеличить размножение видов, поддержать человеческий род.

Затронув этот вопрос влечения Достоевского к половозрелым юным женщинам, важно подчеркнуть следующее. Достоевский никогда не нарушал юридических законов и морально-нравственных норм тогдашнего российского общества. В то время 12-15-летних девушек уже нередко отдавали замуж. Особенно это было распространено в дворянской среде: 40-50-летние помещики часто женились на 15-17-летних девушках. К примеру, мать Н.А. Некрасова была отдана замуж в неполные 15 лет, а будущего великого поэта (уже третьего по счёту ребёнка!) родила в 18 лет.

Это сейчас, в результате некоторого несовершенства соответствующего закона Российской Федерации, мужчина за связь (по обоюдному согласию) с женщиной в возрасте 17 лет и 364 дня может получить тюремный срок, несмотря на то, что эта «девушка» живёт активной сексуальной жизнью с 14 лет, уже имела 200-300 мужчин и сделала 10 аборт. По закону РФ получается, что она – невинна, а 18-летний мальчик, совершивший по её же инициативе с нею свой первый в жизни половой акт – развратник, который её «растлил», и должен сесть в тюрьму.

Над этим нашим законом потешается весь мир. В большинстве стран закон разрешает вступать в половую связь с девушкой, имеющей возраст 14, 15 или 16 лет.

Как выглядел Фёдор Достоевский в этот период жизни, который он образно называл своему новому семипалатинскому приятелю, местному прокурору Александру Егоровичу Врангелю (1833-1912), «раем» (10)?

Вот как описал Фёдора Достоевского при первой встрече «стряпчий по уголовным и гражданским делам» (так тогда называли должность прокурора) А.Е. Врангель: «Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего (11). Пристально оглядывая меня своими умными, серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу...» (12).

Эта угрюмость и мрачность в лице ссыльного солдата (естественная, если вдруг вызывают к прокурору!) моментально исчезла, когда они разговорились и Врангель передал солдату письма, книги и деньги от старшего брата Михаила Михайловича, с которым встретился перед отъездом из Санкт-Петербурга. Достоевский «сразу изменился, повеселел и стал доверчив» (12).

По воспоминаниям ротного командира Андрея Ивановича Бахирева, солдат Достоевский «отличался молодцеватым видом и ловкостью приёмов при вызове караулов в ружьё. По службе был постоянно исправен» (13).

А Н.Н. Страхов, увидевший Достоевского сразу после отбывания им солдатчины, когда, после короткого пребывания в Твери, он вернулся в Петербург, так описывает его: «Наружность его я живо помню; он носил тогда (в конце 1859 года) одни усы и, несмотря на огромный лоб и прекрасные глаза, имел вид совершенно солдатский, то есть простонародные черты лица» (14).

Здоровье в первый год после отбывания каторги у Достоевского значительно улучшилось. «Покамест я занимаюсь службой, хожу на учения, – писал новоиспечённый солдат брату Михаилу 27 марта 1854 года. – Здоровье моё довольно хорошо, и в эти два месяца много поправилось; вот что значит выйти из тесноты, духоты и тяжкой неволи. Климат здесь довольно здоров» (15).

Любовь Фёдоровна Достоевская писала: «Принудительная работа, которую отец должен был выполнять на каторге, была очень тяжёлой, но приносила ему пользу, укрепив его организм. Он не болел больше, от запоздалой юношеской незрелости не осталось и следа, он стал мужчиной и хотел любить. Первая же женщина, оказавшаяся несколько более ловкой по сравнению с неотёсанными красавицами Семипалатинска, легко завладела его сердцем. Это произошло всего через несколько месяцев после его освобождения. Но какую ужасную женщину послала судьба моему отцу!» (16).

Любовь Фёдоровна имеет в виду Марию Дмитриевну Исаеву, первую жену писателя. Она писала воспоминания со слов своей матери, Анны Григорьевны, которая, естественно, не любила первую жену Достоевского и плохо отзывалась о ней.

Но была ли Мария Дмитриевна первой любовью Фёдора Достоевского?

Этот вопрос стал особенно интересовать меня с 1989 года, когда я посетил город Тобольск, осматривал места, связанные с жизнью Достоевского, и от местного краеведа впервые услышал, что первой любовью Достоевского была вовсе не «чахоточная» Мария Дмитриевна, а «настоящая сибирская красавица». И была названа её фамилия (как впоследствии оказалось, очень неточно) и настоящее, подлинное имя.

Это имя местный краевед с раскосыми сибирскими глазами произнёс с такой любовью, теплотой и трогательностью, что я до сих пор не могу забыть выражения его живых горящих глаз, устремлённых из 1989 года в 1854-й. Стояли мы на пыльной площади перед чудом света – деревянным театром Тобольска, который, словно расписной терем, высился перед нами. Вскоре театр сгорел. Но картина эта крепко врезалась в мою память – старенький сибирский краевед, стоящий перед расписным теремом-театром, устремивший свои глаза в чистое голубое небо, в котором наверняка видел что-то из далёкого прошлого, и произносящий с каким-то необыкновенным чувством священное для него имя: «Лиза...»

А я уже к тому времени хорошо знал, что у многих знаменитых писателей в вопросах любви есть тайны, скрытые от зорких глаз вездесущих литературоведов.

<...>

... Совершая поездки, связанные с жизнью Достоевского, в сентябре 1999 года в Омске я вновь услышал это магическое имя – Лиза, Елизавета. Первая, чистая, светлая любовь Ф.М. Достоевского.

Поработав в архивах, в научных библиотеках, засекреченные фонды которых стали вскоре открытыми, отыскав малодоступные сборники материалов,

газеты, брошюры и редкие малотиражные книги, я вскоре узнал историю этой первой любви Ф.М. Достоевского.

Рухнул Советский Союз, но не канули в Лету стандарты и штампы советского литературоведения. Когда в начале 2000-х годов я беседовал с одним из маститых историков литературы и завёл разговор об этой чудесной сибирской девушке, мэтр в испуге замахал на меня руками, страшно обозлился и по-змеиному прошипел:

– Не смей никогда говорить о ней!

– Но почему?

– Так надо! – был его ответ.

После моих жарких возражений, он заявил:

– Мы, российские литературоведы, – и он ткнул большим толстым пальцем в свою грудь, – определили, что первой любовью нашего Фёдора Михайлыча была Мария Дмитриевна Исаева. Это аксиома, закон. И никто не смеет отрицать и опровергать это!

Однако настало время рассказать дорогим читателям об этой чистой, светлой, возвышенной душе – чудесной сибирской девушке, ставшей первой любовью великого писателя.

Ссылный солдат, бывший каторжник, 32-летний Фёдор Достоевский повстречал её на базаре в первую же неделю своего пребывания в Семипалатинске, в начале марта 1854 года.

Позади был тяжёлый переход-переезд из Омска в Семипалатинск. Почти 700 вёрст по Сибири, глухим местам, бездорожью. Хорошо ещё, что однокашник Фёдора Михайловича по Главному инженерному училищу Константин Иванович Иванов, военный инженер, подпоручик, подкормил его в Омске на своей квартире, где бывший каторжник после освобождения прожил почти месяц. А затем подпоручик К.И. Иванов договорился, чтобы большую часть пути до Семипалатинска рядовому Достоевскому можно было ехать на одной из 20 подвод интендантского обоза с верёвками и канатами, которые везли в Змеиногорск. И всё же приличную часть пути (почти треть!) Достоевскому пришлось преодолеть пешком.

По прибытии 2 марта в Семипалатинск, рядовой Достоевский был размещён в деревянной казарме 7-го Сибирского линейного батальона. Только через неполные 3 месяца ему разрешили перейти на частную квартиру, «преlestи» которой были описаны выше.

Эти первые месяцы пребывания в казарме были трудными. Достоевский старался служить добросовестно, был исполнителен. Но, тем не менее, дважды отведал «гостинца» от увесистых кулаков фельдфебеля. Ни за что, для «профилактики». Рядовой Н. Кац стал свидетелем этого: первый раз фельдфебель ударил Достоевского своей «клевнёй» по голове, а затем, при уборке казармы, от него же Фёдор зуботычину получил. На Достоевского младшие малограмотные командиры сначала смотрели как на преступника, вчерашнего каторжника. И поступали соответственно, принимая «воспитательные» меры, пытаясь унижить.

В казарме товарищем по нарам у Достоевского оказался рядовой Н.Ф. Кац. Это был батальонный барабанщик, родом из Перми. Уральца какая-то непонятная сила тянула к Достоевскому, который внешне казался угрюмым, но в

действительности оказался душевным, отзывчивым, добрым человеком. Вместе молодой пермяк и бывший каторжник ели солдатскую похлёбку. Пили, впрочем, чай из самовара, что в условиях солдатской службы было роскошью. Самовар Кац купил на свои портняжные заработки. Этот молодой солдатик умел очень хорошо шить и, кстати, после окончания срока воинской службы остался жить в Семипалатинске и стал там первым в истории городским портным.

Фёдор Михайлович, после того, как Кац взял моду угощать его чаем из самовара, начал ходить на городской базар, который был поблизости, за калачами и молоком к чаю. Так, благодаря пермяку Кацу и его самовару, встретил Фёдор Достоевский свою первую любовь.

Девушку он заметил сразу, при первом же посещении базара. Красивая, русоволосая, молодая, почти юная, весёлая, бойкая, она торговала калачами с лотка в центре базарной площади. Весело, призывно зазывала покупателей:

– Калачи, калачи!.. Свежие, горячие!.. Недорого! Подходите, люди добрые!

Голос её, жизнерадостный и звонкий, звучал на весь базар. Люди стекались к её лотку, калачи хорошо раскупались.

Подошёл к ней и солдат 7-го Сибирского линейного батальона Фёдор Достоевский.

Одета лотошница была простенько и бедненько, ноги её были обуты в козловые ботиночки. Но если женщина по-настоящему красива – она будет выглядеть прелестно в любой одежде!

– Солдатик, милый!.. Купи калачей! – обратилась лотошница к нему.

Он взглянул в доброе лицо этой юной милой девушки. Большой карие глаза её улыбались ему. На румяной щёчке виднелась небольшая тёмная родинка, которая очень шла ей.

– Как зовут вас, девушка? – тихим хриловатым голосом, вежливо, несмело, спросил солдат.

– Лиза, – просто ответила она, поражённая его вежливостью и тактом. Его голос, выражение лица и манеры совершенно не соответствовали грубой солдатской форме, в которую он был одет. Она поразила слову «пожалуйста», которое в первый раз услышала на рынке.

Купив связку калачей, солдат уходил от неё с какой-то странной улыбкой и светлым чувством в душе. Он заметил, что как-то по особенному ярко светило в этот день солнце, радостно улыбаясь ему с голубого купола неба.

В углу казармы Кац, колдовавший с самоваром, обернулся, взглянул на него и не поверил своим глазам. Вместо вечно угрюмой и сосредоточенной физиономии, радостная и добрая улыбка освещала лицо бывшего каторжника.

– Пожалуйста, голубчик! Вот калачи, молоко к чаю... Кушай на здоровье! – произнёс ласково Фёдор Михайлович.

Два солдата, молодой батальонный барабанщик и рядовой постарше его, не спеша снявший шинель и аккуратно сложивший её, уселись пить чай.

– Ах, голубчик, какой у вас чай ароматный! Прямо чудо! Я такой даже в Петербурге не пивал, – восторгался Достоевский, нахваливая напиток и собеседника, а перед глазами его всё стояла и стояла та смеющаяся кареглазая девушка, встреченная им на базаре. Она глядела на него, улыбалась и никак не желала уходить.

– Ах, какие у неё губы алые! – произнёс солдат.

– У ково енто? – переспросил Кац.

Достоевский очнулся, извинился, сказал, что отвлекся, стал расспрашивать барабанщика о его детстве, родителях, родном городе.

– Пермьяки – народ смиренный, простой, работающий, – рассказывал Кац. – Однако нельзя трогать пермяка, шибко уж забижать. Он терпит-терпит, да потом как взъерепенится, забунтует и начнёт всё вокруг крушить. Страшен пермяк в гневе! Ох, как страшен!..

– Обижать никого нельзя. Ни пермяка, ни сибиряка, ни питерца...

– А всё равно кажинный начальничек норовит простому человеку по рожнице двинуть! Хошь ентот человек русский, хошь татарин, хошь какой иной нации...

– Да, есть такое. Но неправильно это, не по-божески, не по-человечески! – горячо поддержал собеседника Достоевский.

Помолчали.

– А река у нас – широкоушша! – продолжил Кац. – Не переплывёшь! Да даже никака птица её не перелётит! Куды до неё ентому ручейку Иртышу.

Иртыш действительно в районе Семипалатинска не широк.

И долго ещё они сидели; устав это им позволял – ночью они уходили в караул и поэтому сейчас имели право отдыхать. Пили крепкий чай, беседовали. Пока не зашёл в казарму фельдфебель и не завопил на них что есть мочи, перемежая безграмотные деревенские слова с отборными матерными.

Но Кац «на полусогнутых» подскочил к нему и живёхонько уладил вопрос, пообещав выполнить раньше срока и совершенно бесплатно заказ на шитьё, сделанный накануне фельдфебелем.

– Ладно уж... Однако, заканчивайте... мать вашу... – слегка подобрел фельдфебель, фыркнул красным носом, но, уходя, строго взглянул на рядового Достоевского и погрозил ему пальцем.

«Смотри у меня, варнак! Знай своё место, каторжник!» – говорил его выразительный взгляд.

Познакомившись с Лизой, Фёдор стал приходить к ней на базар каждый день. Подолгу смотрел в её чистые, добрые глаза. Покупал калачи. Когда не было рядом покупателей, любил разговаривать с девушкой по душам.

Сметливый Кац быстро заметил перемену в сослуживце:

– Фёдор, ты как-то теперича всё по-глупому улыбающа. Что с тобою, паря?

– Весна, голубчик! Солнце! – отвечал он охотно, радостно, потянувшись всем своим телом.

Вскоре солдат стал замечать, что и Лиза радуется его появлению на базаре. На лице её блуждала нежная и добрая улыбка, когда Достоевский появлялся на базаре и подходил к ней.

– Здравствуйте, Лизанька, солнышко!

– Здравсьте, Фёдор.

– Какая у вас красивая родинка на щёчке...

– А я и сама ничаво, – весело ответила она на комплимент, но смутилась и зарделась, подумав, что Фёдор мог превратно понять её слова, как предложение отведать не только её калачи, но и что-то другое.

– Какие у вас калачи, однако, сладкие, Лиза. Моему сослуживцу тоже нравятся. Мы с ним вместе чай пьём, из самовара.

– Чай? Из самовару? Какие же в казарме-то самовары? Не брешешь ты, Фёдор?

– Ей богу, не вру я вам, Лизанька. Разве вам, голубушка, можно соврать? Вы же солнышко.

– А откель же у вас тамока самовар-то? Тульский, поди?

– Нет, суксунский. Да они не хуже тульских... Самовар этот приятель, сослуживец заработал, Лизанька. Молодой он, вашего возраста почти, Лиза. Батальонный барабанщик, из кантонистов.

– А што это такое – кантонист?

– Кантонист, Лиза, это новобранец. Он солдатский сын, а по закону все они принадлежат военному ведомству на основе крепостного права. Вот и призвали его, когда возраст подошёл. Добрый парень! На соседних нарах мы с ним ночуем. Он вечерами и в свободное от службы время портняжничает, шьёт что-нибудь другим солдатикам или начальству, командирам. Ох, и сноровист он в этом деле! Виртуоз прямо-таки. Иголка у него в руках порхает, как у волшебника! Вот и заработал на самовар.

– Чудно, однако. А откель он?

– Пермский, из Перми.

– Однако, где это? Пермь? Сроду не слыхивала.

– Это губернский город. Большой. На широкой реке. Не уже Волги она... Проезжал я через тот город. Зимой, правда. Дома почти все каменные.

– Каменные? Чудно. А у нас в «Семипроклитинске» одни токо деревянные. Я каменных домов сроду не видала. Церква у нас токо каменна. А ты, Фёдор, в Бога веруешь?

– Как же без Бога-то жить, Лизанька? Верую! И молюсь. И Евангелие читаю. Всю каторгу оно со мной было. И теперь со мною. Я его почти наизусть сейчас знаю.

– И я, Феденька, верую. И в церковь хожу. Трудно мне теперича... А пойдёшь в церковь, помолишься, и легче сразу станет. И жить снова хочеща. Силы прибавляются.

– Лиза, солнышко! Правы вы. Я на каторге понял, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа!

– Чудно ты, Федя, гутаришь, однако. Шибко уж красиво!.. А я думала – безбожник ты. На каторгу зря не пошлют. Однако жа ты совсем на каторжника и не походишь. Ты ведь убить, обворовать никого не сможешь. Душа, вижу, у ты, Федя, чистая. И сердце доброе.

– Я за дело, голубушка, и на каторгу попал, и вот сейчас солдатскую лямку тяну. Начитался, наслышался вредного, иноземного. Дурости ихней. Поверил было... А только на каторге и понял: простого народа русского надо держаться да веры в Бога.

– Неужто ты супротив царя шёл? – спросила Лиза, и лицо её выразило не только ужас, но и, через мгновение, какое-то сострадание.

– Можно, голубушка, я вам письмо, записочку напишу. На словах мне сейчас трудно выразить всё. И объяснить мою прежнюю жизнь и заблуждения.

– Напиши, Федя. Конечно, напиши. Я тебя завтрава буду ждать. Придешь?

– А как же, солнышко!

Служба есть служба. Нередко не мог вырваться рядовой Достоевский на базар, который стал для него сейчас местом свиданий. Были ведь и учения, смотры, наряды, караул. Выпросил он у Лизы адрес, стал писать письма. Большие, подробные, обстоятельные.

Часто наблюдал теперь Кац, как Фёдор вечерами строчит что-то на листах бумаги, периодически отрываясь от них и улыбаясь. Необыкновенный тёплый свет лился из его глаз. Такие глаза бывают только у влюблённых!

Кантонист никого в жизни ещё не любил. Поэтому он удивленно смотрел на сослуживца и тихо шептал:

– Чудно, чудно...

Чаще всего Фёдор отправлял письма не почтой, а отдавал их Лизе при личной встрече на рынке. Покраснеет, сунет письмо ей, дождавшись, когда кругом никого не будет.

В письмах раскрывал солдат Достоевский девушке свою жизнь, делился мыслями.

Ведь разве по душам можно поговорить здесь, на базаре – шумном, крикливом, нахальном, завистливом, ехидном скопище людей?

И Лиза вскоре стала солдатике отвечать, отдавала ему при встрече свои письма или записки. Малограмотная, едва научившаяся писать, она не могла связно, толково и красиво изложить ему свою жизнь. Но она писала, пусть и не совсем грамотно, что он ей нравится, что он – добрый и хороший человек.

А Фёдор в своих письмах описывал (17) свою прежнюю жизнь, тяжёлую каторгу, писал об идеалах, о вере в Бога, о счастливом будущем людей, человечества. С искренностью и тёплым чувством изливал он в длинных письмах-записках свою душу, то, что осталось невысказанным за тяжёлые и одинокие (духовно!) годы каторги.

Скоро он узнал о девушке всё. Или почти всё.

Лиза, Елизавета Михайловна Неворова, которой ко времени встречи с Достоевским, к марту 1854 года, было только 17 лет, оказалась сиротой. Родители её незадолго до этой встречи умерли. Большая их семья (у Лизы было два брата и сестра Настенька) осталась без родителей. Лиза была старшей в семье, и на её хрупкие плечи выпала забота о воспитании младших братьев и сестры. К счастью, от родителей остался деревянный бревенчатый дом и какие-то небольшие деньги. Надо было выживать, чтобы семья не умерла с голоду.

Вот бойкая, смелая и всегда оптимистичная Лиза и завела дело. С хозяйской жилкой, деловая, инициативная, она стала печь калачи и другие хлебобулочные изделия и продавать их на рынке с лотка. Красивая, весёлая, она своим ярким видом и добрым характером привлекала покупателей. Хлеб хорошо раскупался. Выручка была неплохой. Но ведь и семья сироток была большой. Так что забот хватало. Приходилось крутиться с раннего утра до позднего вечера, без выходных.

Иногда девушке казалось, что дальше так жить невозможно. Выручали разговоры с милым солдатиком и, особенно, эти письма-записки Фёдора, в которых он поддерживал её морально, внушал веру в жизнь, в счастливое будущее.

И позже, уже уехав из Семипалатинска, женившись, Фёдор Михайлович не забывал её. Написал, уже из Санкт-Петербурга, несколько длинных, душевных писем. А она старательно отвечала ему.

Круглая сирота, одинокая девушка, верующая в Бога, воспитывающая и содержащая большую семью, состоящую из 4 человек (она сама; сестра, два брата – все младше её), временами она считала этот жизненный крест непосильным. Жаловалась в письмах понимающему её состоянию Фёдору Михайловичу. Ободренная его ответными словами, заглушая в себе свои личные

интересы в жизни и отрезая пути к возможному счастью, она считала свою жертву – заботу о братьях и сестре – необходимой. Мыслила о ней, как о долге, черпая в письмах Фёдора Михайловича силы для дальнейшей борьбы за существование, жизни для близких своих. Она, благодаря наставлениям Фёдора Михайловича, видела в заботах о своих младших братьях и сестре, оставшихся, как и она, без родителей, своё назначение и цель жизни.

Достоевский, человек сострадательный, душевный, чуткий, тонкий психолог, носивший и в своей душе неизгладимое горе и печать страдания, не остался глух к письмам Елизаветы. Он в ответных письмах подкреплял её в борьбе со сложностями жизни, утешал её тем, что задача её велика, назначение свято, что она, как скульптор, может из того детского материала, который имеется в её распоряжении, вылепить хорошие изваяния, воспитав из младших братьев и сестры честных и порядочных людей (17).

Но в этих письмах Фёдор Михайлович не только наставлял и давал советы. Идя навстречу желанию молодой семипалатинской девушки иметь письменное общение с культурным, высокообразованным человеком, он часто писал ей комплименты, в строчках письма любясь ею, восхищаясь её красотой – карими лучистыми глазами, чудесной родинкой на щёчке, русыми волнистыми волосами и ладной фигурой... В его письмах было много интимного, того, что касалось только их двоих (17).

В ответ на бесхитростные строки, полудетский лепет малограмотной, пишущей с большим числом ошибок, провинциальной девушки, он подробно, тоном старшего доброго друга, отвечал страницами своего письма, поддерживая, наставляя, ободряя, подчёркивая её красоту и внешнюю, и внутреннюю.

На базаре калашница Лиза и рядовой Достоевский в первые месяцы его службы встречались почти ежедневно. Лизе сразу понравился этот добрейший, честный, чрезвычайно внимательный и вежливый человек, всегда называвший её на «Вы», что было ей в диковинку. Никто никогда в жизни не был с ней так вежлив, никто никогда не обращался к ней на «Вы», не говорил ей таких милых слов: «голубушка, Лизанька, солнышко». Она, местная красавица, юная, чудесная, с прекрасными волосами, красивой стройной фигурой и правильными чертами прелестного лица, была вскоре пленена этим 32-летним ссыльным солдатом, которого внешне нельзя было назвать красавцем. Она, такая красивая, с лёгкостью сумела бы найти себе мужа или богатого сожителя. Но, повстречав Достоевского, она уже совершенно не могла думать и мечтать о каких-то других мужчинах. Лиза неожиданно для себя и для окружающих базарок, торговок, которые быстро всё заметили и поняли и ласково-иронически подтрунивали над ней, полюбила этого доброго, душевного солдата.

– Глянь, Манька, солдатик-то снова причалил к нашей Елизаветушке.

– Да вижу, Клава, вижу. Чай, не слепая... Так на неё глазищами-то и пырится, пырится... А она, дурёха, улыбацца, улыбацца ему, рот до ушей. Трётся возле яво, волосы распустила, бесстыжая. Срамота!

– Ну, Лизка, ну, вертихвостка! С ума сошла, дурёха. Он жа, поди, годков на 15 её старше.

– И не говори, бабонька... Не зря бают: птица сама всегда летит на охотника.

– И мотри: солдатик записочку опять ей суёт.

– Дак вижу, однако, не слепая. Свиданьце, поди, назначат. В баньке али в степи.

– Да ну ты, окстись! Сразу и свиданьице?.. Грамотный, видать. Про любофф свою басни настрочил. Они, грамотеи-то, любят записочки писать. Это нашенские, семипроклятинские, сразу к девке под подол лезут, усищами шшекочут. А грамотеи – те сперва словами девке сердце разжигают.

Такой разговор вели две семипалатинские торговки на базаре, делая вид, что не замечают свиданий солдата и калашницы, а сами исподволь, зорко наблюдая за влюблёнными и сплетничая, судача о них.

Молоко Достоевский покупал в добротном деревянном доме, который глазами окон выходил на рынок, у жены дьякона Хлынова. Хлыничиха, как её все звали в городке, была чуть постарше Достоевского, но выглядела уже матёрой, достаточно пожившей на свете женщиной, да и одевалась по-старушечьи.

– Нравицца, ли чо ли, тебе девахы-то, Лизка нашенская? – спросила как-то, уже в апреле, Хлыничиха у солдатика. – Так и пыришься ты на её глазищами-то. Видала.

Но солдат промолчал. Не знал, что ответить. Только краска, словно огонь, мгновенно залила лицо его.

«Во-во, касатик, лицо-то и выдало тебя», – думала тётка, наливая ему молоко в глиняную кринку.

Солдат между тем продолжал молчать, смотря на женщину по-детски чистыми, наивными глазами.

Хлыничиха пристально колола его глазами, пытаясь проникнуть в душу нового для Семипалатинска человека. Ничего не утаивая, распахнулось нутро его. Казалось, всё было на виду, и настезь распахнутая душа его была чиста и прозрачна. Так прозрачна, будто на озёрной непостижимой глубине можно было различить все камушки. Совсем не так, как было у большинства семипалатинских мужичков, в глазах которых мудрая и пронзительная жена дьякона нередко видала то, что напоминало мутные жёлтые воды мелкого, но коварного, с множеством ям и завихрений, Иртыша.

– Мотри у меня, солдатик! Сиротка она... Большой грех это – сиротку обидеть, – назидала женщина, по-прежнему буравя глаза рядового.

Солдат молчал.

«Душа у ты, видать, чистая», – наконец решила сибирячка.

Но в последний момент всё же какое-то сомнение пронеслось в её мыслях. Показалось ей, будто бесёнок мелькнул в глазах солдата. Выглянул, беззвучно рассмеялся ей прямо в лицо и затих, спрятался, испарился.

«Ох, солдат, вижу: тянет тебя на молоденьких», – подумала Хлыничиха и ещё зорче продолжала колоть его острыми глазками.

«Но нет, нет! Показалось, однако, мне. Напраслина! – решила женщина.

– Вон как душа-то из него прёт. Добрый. У такого в сердце червячки не заведутся!»

Много позже, уже через десяток-другой лет, часто вспоминала жена дьякона Хлынова того солдатика, говоря ласково людям, которые интересовались писателем Ф.М. Достоевским:

– Помню, помню я этого солдатикшу. Токо чудной он был. То рядится и просит отпустить молоко подешевле. Денег, сказывал, маловато. А то вдрут вдвое даст дороже. Бает: «Деньги старший брат из Питерсбурха прислал»... Чудной он был, да всё же хороший человек. Потом в офицеры произвели. Дрянью-то ведь не пропустили бы в офицеры-то...

...Наступил май, разбросав по степи щедрой рукою миллионы жёлтых и красных тюльпанов, а солдат Достоевский по-прежнему тянул солдатскую лямку в 7-м Сибирском линейном батальоне, обитал в казарме, соседствуя на нарах с барабанщиком Кацем.

Возвратился как-то Достоевский со связкой свежих калачей и большой кринкой молока в казарму. Устал он после ночи в карауле, но спать ему совсем не хотелось, душа его светилась, а сердце пело после очередной встречи с Лизой.

Видит Достоевский: нет в казарме его молоденького соседа.

Один только пузатый суксунский самовар в ихнем углу казармы что-то сердито лопотал на своём языке, пыхтя, отдуваясь и горячась, что, мол, вскипел, кипятки нестерпимо жжёт все внутренности, а этот несносный мальчишка куда-то убежал и забыл о нём.

– Не сердись, братушка! – сказал ласково солдат Достоевский, начав сам управляться с закипевшим пузатым сердиткой. – Прибежит сейчас твой добрый хозяин.

– Где кантонист-то наш? – спросил Достоевский у другого солдата, который отдыхал после ночного караула, развалившись на нарах у противоположной стены.

Тот ухмыльнулся, взглянул равнодушно, нехотя процедил сквозь зубы:

– Жидёнок к ротному, кажись, учепурил... Да скоро прибежит... А я за евонным самоваром не подрыжался следить!

В момент, когда хмурый солдат произносил слово «жидёнок», лицо его скривилось, словно от боли, словно кто-то огромным сапожищем наступил ему на мозоль.

<...>

– Однако же, Иван... – хотел было вступить за Каца Достоевский, но встретился со злыми глазами этого воина, осёкся и замолчал...

Сердце торопливо вбегавшего в казарму батальонного барабанщика трепетало. Он волновался за самое дорогое, что у него было в нелёгкой службе в этом чужом степном краю – за пузатого медного друга.

Во время всей беседы с ротным Кац подобострастно улыбался и кивал головою, но в душе был готов отстегать начальника кнутом, переживая, что оставил своего суксунского приятеля в столь ответственное время, а этот жирный боров-солдафон продолжает и продолжает философствовать. Словоохотливый ротный без умолку говорил ему что-то по делам службы, потом о вековечной верности русского народа царю, а после стал высказывать пожелания барабанщику-портному по своему вчерашнему заказу. Особенно он напирал на то, что к небесно-голубому жакету жены прекрасно бы подошли большие светло-зелёные или ярко-красные пуговицы.

– Ладно уж, топай! – произнёс ротный, уже давно раскусивший дикое нетерпение Каца, но упрямо терзавший его разговором.

Кац выскочил от ротного, но чуткое ухо его услышало обидное слово, произнесённое вслед:

– Жжи-дё-ньши!

«Насекомое!» – в ответ на злобное шипение ротного подумал Кац, но тут же укорил себя за несдержанность.

Когда Кац вбежал в казарму, поднимая при беге густое облако противной семипалатинской пыли, довольный самовар уже сиял в центре «стола» – большого деревянного ящика из-под снарядов, крепкий чай был разлит на 3

кружки, здесь же стояла кринка свежего молока, а военная амуниция Каца была вычищена Достоевским.

Барабанщик, узрев заботу Достоевского о нём, вспыхнул как огонь, покраснел до ушей и начал лепетать, едва не плача от чувств:

– Да што енто вы, Фёдор Михалыч! Постыдитесь! Это ведь я вам должен амуницию-то чистить, а не вы мне. Вы ведь барин.

– Я не барин, я друг и товарищ твой! – спокойно ответил солдат Достоевский своим тихим хрипловатым голосом. – Садись, братушка! Будем чай да молочко пить... И ты к нам подсаживайся, Иван. Не побрезгуй.

Солдат, притворявшийся спящим, живёхонько вскочил с нар, сменил угрюмую физиономию на радостную улыбку, подсел к сослуживцам и вонзил свои острые жёлтые зубы в калач, испечённый поутру юной лотошницей Лизой.

Был месяц май. Всё в природе дышало прелестью. Радовала глаза и души людей бескрайняя степь, покрытая миллионами распустившихся тюльпанов.

И в сердцах любящих друг друга Фёдора и Лизы распустилась, расцвела весна. Они были опьянены музыкой любви, каждая клеточка их тела жаждала близости, сердца их трепетали от сладкого предчувствия.

Но встречаться где-то в другом месте, кроме базара, они пока не могли. Находившийся на строгом казарменном положении рядовой Фёдор Достоевский, бывший каторжник и бессрочный ссыльный солдат, не мог надолго отлучаться из расположения своего линейного батальона.

И только в мае 1854 года, через неполные три месяца службы в Семипалатинске, начальство всё же разрешило Ф.М. Достоевскому жить на съёмной частной квартире. Достоевский получил возможность встречаться наедине с любимой 17-летней девушкой.

Однако имели ли эти встречи интимный характер, история умалчивает. Умолчу об этом и я. Ведь это была первая любовь Ф.М. Достоевского. А что на свете может быть чище и светлее, чем первая любовь!

В самом конце 1854 года (по другим данным, уже в январе 1855-го) Достоевский познакомился с Марией Дмитриевной Исаевой – женщиной своего круга. Постепенно она увлекла его настолько, что новое, более сильное чувство, с быстро возникшими сексуальными отношениями, постепенно отодвинуло первую, чистую и светлую любовь в жизни Достоевского, его милую и чудесную Лизу на второй план. Но он не забыл её, поддерживая духовную связь через письма. Не рассказывая о ней ни М.Д. Исаевой, ни второй жене, Анне Григорьевне, он помнил её, свою первую возлюбленную. Ведь первая любовь не забывается никогда, она остаётся в памяти на всю жизнь!

И долго ещё, в течение многих лет, из далёкого туманного Санкт-Петербурга приходили в степной провинциальный Семипалатинск на адрес Е.М. Неворотовой письма от писателя Ф.М. Достоевского. И бурные чувства – безграничной радости до горьких слёз – испытывала Елизавета, читая добрые искренние строки, написанные ей рукой Фёдора Михайловича.

«Пишет – значит любит!» – нередко говорила она вслух.

Вечерами Лиза любила смотреть на закат. Там, где малиновое солнце, прощаясь, медленно уплывало за горизонт, где-то далеко-далеко, на северо-западе от Семипалатинска, за тысячи вёрст от неё жил её любимый человек – Фёдор

Михайлович – и писал свои знаменитые романы, которыми она зачитывалась, к этому времени уже прекрасно освоив грамоту и полюбив чтение.

Лиза Неворотова, полюбившая Достоевского всем своим горячим сердцем, будет всю жизнь хранить ему верность! Она так и не выйдет замуж, несмотря на свою красоту и наличие многих претендентов на её руку и сердце; ухажёров, которых нельзя даже было назвать женихами, потому что Елизавета сразу «отшивала» их, практически не знакомясь. Один из них будет особенно настырен, и дело закончится скандалом. Так она и проживёт всю жизнь одна, не имея детей, и в старости все, кроме нескольких ушлых, всезнающих старожилов города, будут обидно, с ехидством называть её «старой девой».

Елизавета будет по газетам следить за жизнью известного писателя, выписывать и покупать его книги, десятки раз затем перечитывая их, словно живя одной жизнью с героями его произведений, пребывая в «мире Ф.М. Достоевского».

В Семипалатинске все хорошо знали эту воспитанную, культурную, вежливую, строгую и волевою женщину, Елизавету Михайловну Неворотову, жившую в одном доме с семьёй своей младшей сестры Настеньки, Анастасии Михайловны, носившей фамилию мужа – Никитина. От весёлой бойкой базарной лотошницы Лизы со временем мало что осталось. Елизавета Михайловна хорошо освоила грамоту, освободила речь от простонародных слов, бойкий нрав и весёлость её улетучились, уступив место внешнему спокойствию и тихой затаённой грусти в глазах.

В 1862 году ещё молодая 25-летняя Лиза прочтёт «Записки из Мёртвого дома» и воскликнет:

– Федя всё это мне рассказывал! И в передаваемых на базаре письмах, и потом, когда я приходила к нему в сосособоченную хатку... И про кандалы, как они устроены, я от него слышала, и про малюсенькую баньку, в кою набивалось по сотне человек, где выдавали по одной шайке воды на арестанта, и про наказание палками.

Сестра Настенька слушала Лизу и только охала да поминутно произносила знаменитое сибирское:

– Однако...

И крестилась. Исконно русское, вековечное сочувствие к заключённым легко читалось в глазах обеих.

– И о своём товарище в остроге он мне рассказывал, – продолжала Лиза. – Только не Аким Акимычем его звали, а как-то по-другому. Он пострадал ни за что. Служил на Кавказе офицером да допустил самоуправство: один мирной князёк, горец, устроил ночью нападение на ихнюю крепость, много людей положил, а «Аким Акимыч» его изловил и прилюдно, перед солдатским строем, без суда, расстрелял. Побоялся, что суд князёк оправдает и отпустит. Да и верно! Во все времена наш российский суд был продажным: кто миллионы украдёт – оправдают, а кто только мешок картошки – посадят... Двенадцать годков каторги «Аким Акимычу» присудили. Да всё же отомстил он за погибших русских солдат, товарищей своих.

В 1867 году, когда впервые отдельной книгой выйдет роман «Преступление и наказание», 30-летняя Елизавета Михайловна узнает себя в одной из его героинь.

«У неё такое доброе лицо и глаза, – читала Лиза строки романа, узнавая себя. – Многим она нравится. Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на всё согласная. А улыбка у неё очень хороша...»

«И в козловые ботиночки, какие по крайней бедности я тогда носила, Фёдор Михайлович меня в романе обул, и то, что работающая была, с утра до вечера трудилась, подметил... Только почему он мне годков-то прибавил?» – думала она в тот вечер, узнав себя в романе, и по своему обыкновению задумчиво смотря на уплывающее за горизонт солнце.

«Да, кроткая и безропотная я была тогда с ним, – думала Лиза ночью, уже лёжа в постели, когда сон долго не приходил к ней. – На базаре – весёлая, шустрая; совсем никого не боялась! А как останемся одни – словно немела под его пронизательным, всё понимающим взглядом. Смотрит – словно в душу мою заглядывает! А как он любил меня! И никогда я ему не противилась, не сопротивлялась... Какая счастливая я тогда была! Но коротким было то счастье...»

И всю ночь Елизавета Михайловна не сомкнула глаз, проворочалась в своей холодной постели...

Прочтя впервые, уже в 40-летнем возрасте, в «Дневнике писателя» повесть «Кроткая», Елизавета Михайловна будет, возможно ошибочно, считать, что Достоевский именно с неё списал образ главной героини.

В действительности, прототипом повести послужила молодая швея Мария Борисова, которая в сентябре 1876 года, не выдержав испытаний тяжёлой нищенской жизни, выбросилась из окна с образом Божией Матери в руках. В повести «Кроткая» выведена юная смиренно-непокорная девушка, оставшаяся без средств к существованию и принуждённая в 16-летнем возрасте не по любви выйти замуж за отвратительного типа – пожилого ростовщика, бывшего гусара, которого товарищи по полку за бесчестный поступок вынудили уйти в отставку. Дряхлеющий негодяй принудил юную «Кроткую» к сожительству, узнав, что она не имеет средств к существованию и не в силах выплатить ему долг, а затем мучил и тиранил её в браке. Но пришёл день, когда он понял, что полюбил её, ощутил, что без этой юной смиренной женщины не сможет дальше жить на свете. Но в этот момент смиренная, «кроткая» женщина взбунтовалась и проявила характер. Не желая больше жить с нелюбимым человеком, она с образом Богоматери в руках выбрасывается из окна и погибает.

В жизни Елизаветы, влюблённой в Достоевского, уже покинувшего Семипалатинск, был сложный период, когда один богатый житель города, человек зрелого возраста, упорно приставал к лотошнице, намериваясь принудить её к браку или сожительству с ним. Он усиленно ухаживал за Елизаветой, дарил дорогие подарки, которые она не принимала; не получив желаемого, пытался расстроить её скромное дело по продаже калачей и хлеба на рынке. Выйдя замуж за этого типа, Лиза сразу решала бы все свои проблемы по содержанию младших братьев и сестры, так как «ухажёр» клялся и божился содержать их до достижения совершеннолетия; сама она прощалась с бедностью и становилась богатой и влиятельной «первой» красавицей города. Однако Лиза с гневом отвергла предложение самоуверенного богача, спервоначалу считавшего её послушной и смиренной девушкой, которую легко можно склонить и к неравному браку, и к сожительству.

В 1880 году 43-летняя Елизавета Михайловна зачитывалась главами романа «Братья Карамазовы», публиковавшегося по частям в журнале «Русский вестник».

– А Митю-то Карамазова он списал с одного знакомого каторжника, который носил кандалы вместе с ним в Омском остроге, – поделилась

впечатлениями Елизавета Михайловна со своей племянницей, Ниной. – Фёдор Михалыч об этом каторжнике, безвинно пострадавшем, мне рассказывал, когда мы с ним встречались и пили чай в хатке, которую он снимал...

– Да знаю я эту скособоленную развалюху...

– И веришь, Ниночка! Напрасно меня «старой девой» кличут. Там, в хатке этой, я своё женское счастье познала... И помню всё-всё до мельчайших подробностей. Но никому не расскажу, пусть это в могилу со мной уйдёт. И ты, однако, молчи!

А в 1881 году узнает Елизавета Михайловна из газет, что умер «её» любимый Фёдор Михайлович. Достанет из небольшого кованого ларца стопку старых писем и долго будет перечитывать их. И слёзы потоком хлынут из её глаз, когда она, отходя ко сну, ясно увидит его перед собой. В солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником, бледным радостным лицом, светло-русые волосы, большим сократовским лбом, светло-синими сияющими от счастья глазами Фёдор что-то нежное говорил ей. Но сказанные им слова были не различимы, не слышны ей.

Ночью он снова придёт к ней, уже в глубоком сне, и она ясно услышит эти слова, произнесённые тихим хрипловатым голосом:

– Лиза, Лизанька, я люблю вас!

Много лет я пытался раздобыть оригинал первой, основополагающей статьи об Елизавете Михайловне Неворотовой – первой возлюбленной Ф.М. Достоевского. Именно оригинал, зная, как значительно искажают материал, чаще всего в угоду себе, своим концепциям, литературоведы в своих работах. Я знал, что у одного известного московского литературоведа есть оригинал первой статьи – он сам как-то похвастался этим. Что только я не делал, чтобы ознакомиться с этим оригиналом. Но ни подарки, ни льстивые угодливые слова (до сих пор стыдно за них!), ни расточаемые комплименты мэтру совершенно не дали результата. Я ничего не получил.

«Жмот! – в сердцах выругался я. – И зачем ему этот оригинал? Ведь Достоевский ему не особенно интересен». «Жмот» (впрочем, работы его я ценю!) всю жизнь занимался произведениями другого классика литературы.

Лишь в 2007 году достал я эту статью, перечитал, ксерокопировал. Эта редкая работа принадлежит перу замечательного сибирского краеведа, литератора, поэта Николая Васильевича Феоктистова. Она опубликована в виде статьи в далёком 1928 году, в №2 журнала «Сибирские огни» (18). Называется статья «Пропавшие письма Фёдора Михайловича Достоевского».

Автору статьи Н.В. Феоктистову в 1909 году совершенно случайно удалось познакомиться в Семипалатинске с Е.М. Неворотовой, которая хранила пачку писем от «самого» Ф.М. Достоевского. Николай Васильевич приложил много усилий и изобретательности и выплеснул вулкан энергии, чтобы завладеть этими письмами и опубликовать их. Но старушка легко разгадала его хитроумный замысел, и все ухищрения начинающего литератора, жаждущего прославить своё имя, оказались безуспешными. Кстати, до него такую же попытку (и тоже безуспешную) предпринял один богатый житель Семипалатинска, некто Лутохин. Он обещал старушке большую сумму денег. Предложение для бедновато живущей женщины было весьма заманчивым, однако Е.М. Неворотову купить не удалось. Вся закавыка состояла в

том, что Неворова была глубоко верующей в Бога старой девицей, морально чистым и безупречным человеком, а письма носили сугубо личный, интимный характер. Настойчивые потуги Феоктистова привели к тому, что Елизавета Михайловна сжалась над ним и написала завещание, по которому письма Ф.М. Достоевского после её смерти должны были перейти к литератору. Однако умерла она в самый разгар гражданской войны, в 1918 году. Все ценные вещи умершей старушки, в том числе письма и деньги, которые хранились в ковчеге ларце, бесследно исчезли. Найти их Николаю Васильевичу так и не удалось.

Как видим, Н.В. Феоктистова более всего волновала судьба писем Ф.М. Достоевского, который к 1909 году превратился в величайшего писателя, необычайно популярного во всех странах мира. Получить в личное распоряжение автографы «самого» Достоевского, выставлять их в музеях, говорить и писать о них, изучать и по частям описывать содержание в литературных журналах, выступать по радио – таковы были цель и задачи неуёмного провинциального литератора и краеведа.

Судьба самой обладательницы писем, Е.М. Неворотовой, мало волновала Феоктистова. Он обхаживал «старушку», чтобы любой ценой выманить у неё эти письма великого человека. Саму Неворотову он великой и заслуживающей большего внимания не считал. А ведь он в 1909 году мог многое узнать о жизни первой возлюбленной Ф.М. Достоевского. И не только от неё самой – как раз она – то была очень осторожной и немногословной, не раскрыв подробностей их взаимной любви с Ф.М. Достоевским. Но ведь в 1909 году ещё были живы многие старожилы города, которые являлись свидетелями ранней юности Лизы и её романа с Достоевским. Они многое могли сообщить Феоктисто-ву, если бы он захотел их найти и побеседовать.

Ничего этого краевед не предпринял, и постепенно умерли, не оставив воспоминаний, все живые свидетели любовного романа Е. Неворотовой и Ф. Достоевского.

Но если Н.В. Феоктистова почти исключительно волновала судьба писем Ф.М. Достоевского, завладев которыми он резко повышал свой рейтинг и статус в отечественном литературоведении, то нас с вами, дорогие читатели, гораздо больше интересует личность самой Елизаветы Михайловны Неворотовой (1837-1918), которая всю жизнь прожила в Семипалатинске и волею судьбы оказалась первой любовью великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского.

Сведения о Е.М. Неворотовой я излагаю по первоисточнику (18), а не по материалам, опубликованным в книге «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» (19), которые напечатаны в сокращённом, тщательно отредактированном и «прилизанном» виде, лишённом интимных подробностей.

«В Семипалатинске мне приходилось часто бывать в семье А.М. Никитиной, с сыном которой, Николаем, я дружил, – начинает Н.В. Феоктистов свой рассказ, в котором речь идёт о событиях 1909 года. – Среди родни Никитиной обращала на себя внимание почтенная старуха – сестра хозяйки – Елизавета Михайловна Неворова, добродушная, молчаливая и, кажется, набожная старая дева. Большую часть дня она проводила в “светёлке”, как она называла свою комнату...

Несмотря на довольно преклонный возраст (в 1909 году ей было не менее 70-72 лет), Елизавета Михайловна выглядела довольно бодрой. На

сравнительно гладком лице, осторожно прорезанном морщинами, живо выделялись большие карие глаза, не совсем ещё утратившие блеск далёкой молодости. На щеке сидела небольшая тёмная родинка, которая в молодости её обладательницы могла отлично сойти за удачно поставленную “интересную” мушку. Всё в её внешности говорило за то, что в далёком прошлом Елизавета Михайловна была красивой, видной женщиной» (20).

Старушка оказалась большой картёжницей, любительницей преферанса. Однажды во время игры за ломберным столиком её племянник Николай допустил какую-то бестактность по отношению к тётушке. Та, глубоко вздохнув, сказала:

– Всем вам вежливости-то надо бы у Фёдора Михайловича учиться. Какой это был скромный и деликатный человек!

– Так ведь он вашим женихом был, а я – только племянник, – защищал себя Николай.

– Не ври! Женихом моим он не был, а только... любил он меня... ухаживал за мной...

– Знаем, знаем, тётушка. Недаром он вам целую кипу писем написал.

Старушка вдруг рассердилась и ушла в свою комнату.

Анастасия Михайловна Никитина, родная сестра старушки, напустилась на сына:

– Зачем ты расстраиваешь тётку? Ведь знаешь, что это её больное место.

Так поэт Н.В. Феоктистов, участвовавший в той игре в преферанс, оказался молчаливым свидетелем этой семейной сцены. А ещё он невольно узнал, что эта семипалатинская старушка... была возлюбленной его любимого писателя Ф.М. Достоевского, книгами которого он в ту пору зачитывался.

С превеликим любопытством расспросив Никитиных, мать и сына, Николай Васильевич получил от них сведения, которые потрясли его.

Он узнал, что «Елизавета Михайловна рано осталась круглой сиротой. Будучи старшей в семье, она вынуждена была заботиться о воспитании своих братьев и сестёр. Вся её молодость прошла в этих заботах. С Достоевским она встретила на базаре, где она с лотка продавала хлеб, была калашницей на рынке. В молодости Елизавета Михайловна была очень красива... Неудивительно, что Достоевский заметил её» (21).

Потрясённый услышанным – в семье Никитиных хранятся автографы великого писателя – Феоктистов предпринял невероятные усилия, чтобы своими глазами увидеть письма Достоевского. Он, бросив все другие дела, целыми вечерами «обхаживал» обладательницу писем – беседовал с доброй старушкой, дарил ей подарки, играл в ненавистные ему карты. И старания его были вознаграждены.

Однажды в своей светёлке Елизавета Михайловна, проницательно взглянув в глаза собеседнику, сказала:

– Знаю, что тебе письма нужны, Коленька... Знаю, что если отдам – ты их живёхонько в журнале напечатаешь. Так ведь? Скажи честно.

– Если вы разрешите, напечатаю.

– Так вот, Коленька, пока я жива – этому не бывать!! Не хочу я, чтобы все знали, что писал мне Фёдор Михалыч!.. Когда я умру – другое дело, пусть все читают. А письма эти я тебе оставляю. Так и в завещании напишу. Я уже сказала об этом сестре, Настеньке (22)... А письма я тебе сейчас покажу. Чтобы ты не считал меня обманщицей. Заодно посмотришь на почерк Фёдора

Михалыча. Но читать письма не дам! Потом прочтёшь, когда меня уже не будет на белом свете.

«Елизавета Михайловна открыла небольшой кованный ларец, в котором, очевидно, хранились все её драгоценности, – повествует далее Феоктистов. – Письма лежали сверху – довольно объёмистая серая стопка исписанной бумаги, перевязанная отцветшей от времени голубой ленточкой. Да и сами письма были основательно потёрты: по-видимому, их обладательница частенько перечитывала пожелтевшие от времени строки.

– Вот, посмотри почерк Фёдор Михалыча. Не очень разборчиво он писал, разбирать мне его трудно было спервоначалу, пока не привыкла, а теперь уж я их почти наизусть знаю.

Она передала мне всю пачку. На первом, сверху лежащем письме я успел прочесть: “Милая Лизанька. Вчера я хотел увидеть Вас...” В одном из углов стояла дата – 1854 год. Числа и месяца я не запомнил.

Очевидно, заметив мой нескромно опущенный взгляд, Елизавета Михайловна быстро выхватила у меня из рук письма.

– Довольно! Почерк посмотрел, а читать нельзя...» (23)

В своей статье Н.В. Феоктистов выражает полную уверенность, что это были подлинные письма Ф.М. Достоевского. Как краевед, незадолго до вышеописанной беседы с Елизаветой Михайловной, он изучил хранившуюся в Семипалатинском областном музее подлинную рукопись Достоевского, а когда держал в руках письма Неворотовой, поразился полному совпадению почерка. Судя по толщине пачки писем, в ней было около 40–45 листов бумаги разного формата.

Надо заключить, что Елизавете Михайловне по-видимому очень понравился Николай Васильевич – любознательный, учтивый, интересующийся литературой человек, сочиняющий стихи, любящий её кумира – Ф.М. Достоевского. В один из вечеров она согласилась ответить на накопившиеся у него вопросы.

И вот что узнал Н.В. Феоктистов из уст возлюбленной Достоевского: «Первое знакомство её с Фёдором Михайловичем произошло действительно на семипалатинском базаре в 1854 году, когда Достоевский был ещё солдатом, а Елизавета Михайловна продавала хлеб с лотка. Потом Фёдор Михайлович стал её постоянным покупателем. Так произошло их знакомство, перешедшее скоро в тесную дружбу, скреплённую чувством, быть может, ещё более сильной сердечной привязанности.

Елизавета Михайловна говорила мне, что Достоевский любил её. Судя по тому количеству писем, которое он написал ей – красивой, но малограмотной девушке, живя в одном городе с нею; судя по той нежности, с какою он обращался к ней в своих письмах, – этому можно поверить» (24).

Долго размышляю я, неотрывно глядя на статью в номере журнала «Сибирские огни», изданного в далёком 1928 году. Я искренне верю в эту романтическую историю. Без тени сомнения, безоглядно верю, что Фёдор Достоевский действительно любил эту 17-летнюю милую девушку Лизу. Да и как ему было не полюбить её! «Четыре года каторги он видел вокруг себя только злых бородатых мужиков, – размышляю я, – потом в солдатской казарме его окружали те же однообразные мужские рожи, да ещё норовящие съездить тебе по зубам или по голове. И тут на базаре, в центре площади, – притягивающая взор женщина. Да ещё такая яркая, юная, красивая! Да разве мог устоять, не влюбиться в такую чудесную девушку 32-летний солдат Достоевский, у

которого после каторги развилось такое бурное, небывалое влечение к женщинам!»

Вот и известный литературовед, классик достоевковедения Людмила Ивановна Сараскина верит в то, что между Ф.М. Достоевским и Е.М. Неворотовой была любовь. «Между ними установились близкие, доверительные отношения – и калашница глубоко полюбила Фёдора Михайловича, – пишет она. – Верная своему чувству, Неворотова осталась одинокой и до глубокой старости хранила драгоценные послания как святыню» (25).

А вот размышления самого Н.В. Феоктистова, который встречался лично с объектом первой любви писателя: «Знакомство Достоевского с Неворотовой произошло незадолго до встречи Фёдора Михайловича с Марией Дмитриевной Исаевой, ставшей его женой только в 1857 году. Не следует забывать, что в эти годы Достоевский был исключительно беден и трагически одинок, и нет ничего удивительного, что его потянуло к этой, полюбившей и, быть может, приласкавшей его красивой девушке. Что же касается Неворотовой, то она, несомненно, глубоко любила Достоевского. Он навсегда вошёл в её жизнь. Верная своему чувству, потеряв Достоевского, она, несмотря на целый ряд претендентов, осталась старой девой.

Встретившись в 1855 году (или в конце 1854 года) с М.Д. Исаевой, женщиной культурной и высоко одарённой, Достоевский забыл красивую простушку Лизу. Неворотова, конечно, не могла тягаться с Исаевой. Бедная “Лизанька” только пересекла жизненный путь Достоевского, но она была слишком проста, чтобы долго идти рядом с ним одной дорогой» (26).

Выскажу своё мнение, почему Е.М. Неворотова не дала ознакомиться с содержанием писем Н.В. Феоктистову.

С точки зрения нравов современного общества, обнародование содержания писем превращало Е.М. Неворотову в знаменитую личность, человека, приближённого к Ф.М. Достоевскому – великому писателю, которого знает весь мир. В Лондоне, Копенгагене и Париже я своими глазами видел – полки книжных магазинов завалены книгами Ф.М. Достоевского.

Но Елизавета Михайловна жила в другое время: тогда честь и достоинство человека значили больше, чем дешёвая сенсация и громкая сомнительная слава!

Очевидно, письма Достоевского содержали не только признания в любви, но и были полны интимных подробностей того, что касалось лишь двух влюблённых. В 1909 году, когда Феоктистов встретился с Неворотовой, ей было 72 года; в небольшом провинциальном городке все её хорошо знали и уважали, считали добропорядочной «старой девой», никогда в жизни не имевшей связей с мужчинами. Она была истинно верующим человеком, регулярно посещавшим церковь. И вдруг какой-то малознакомый мужчина начинает читать письма, содержащие нескромные, интимные подробности, касающиеся лишь её и любимого Фёдора Михайловича, рассказывает о них другим людям, публикует. И в небольшом городке, где все знают друг друга, вспыхивает скандал, о добропорядочной женщине начинают сплетничать, судачить, как о «развращённой в молодости, распутной» старушке.

Затем Н.В. Феоктистова на получение писем Ф.М. Достоевского от Елизаветы Михайловны была изначально обречена на провал, какие бы усилия он ни предпринимал.

Считается, что письма Ф.М. Достоевского к Е.М. Неворотовой безвозвратно утеряны. Но, мне кажется, их ещё можно отыскать. Быть может, лежат они

стопкою в одном из пыльных сибирских архивов и смеются над нами. Да и кто их искал по-настоящему? Ведь широких настойчивых поисков этих писем со стороны армии литературоведов и краеведов не было. Лишь сам Н.В. Феоктистов пару лет попытался было их искать, а потом махнул на это дело рукой. Один в поле не воин!

Правда, Н.В. Феоктистову удалось найти ещё одного свидетеля этих пропавших писем, женщину, которая прекрасно знала первую возлюбленную великого писателя.

Нина Готфридовна Никитина, племянница покойной Елизаветы Неворотовой, оказывается, не только видела, но и внимательно перечитала все эти письма. Феоктистову, чужому, малознакомому мужчине, Елизавета Михайловна, как человек очень стеснительный, не разрешила ознакомиться с этими интимными письмами. Однако племяннице, с которой была дружна, она полностью доверяла, была уверена, что та сохранит в тайне интимные подробности писем. И однажды дала прочесть все хранившиеся у неё письма писателя.

Нина Никитина, читавшая письма Достоевского, свидетельствовала Феоктистову: «Этих писем, пожелтевших от времени, с обмызганными углами от частого перелистывания (ибо тётюшка гордилась ими, как особенно выраженному вниманию к её особе, тогда молодой, весёлой, ловкой и на слово и вообще интересной), было более двух десятков. Письма были длинные, написанные одинаковым, но нервным почерком Достоевского. Были в них и ответы на письма Елизаветы Михайловны Неворотовой, которая, как сирота, одинокая девственница, воспитывала большую семью сестёр и братьев» (27).

Впрочем, содержание этих писем, опираясь именно на данные Н.Г. Никитиной, я уже приводил ранее, когда повествовал о встречах лотошницы Лизы и солдата Фёдора Достоевского. Причём, верная своему слову, данному тёте, Нина Никитина не раскрыла интимных сцен и фраз автора писем, а лишь очень завуалированно намекнула на это, указав, что Достоевский писал комплименты Лизе, «любуюсь» ею, её карими глазами, волосами, замечательной фигурой и прочими частями тела и прелестями, которые могли привести в восторг любого мужчину и, конечно же, того, кто в заключении годами не видел женского тела и не мог ощутить женскую ласку и доброту женской души.

Известный литературовед С.В. Белов, автор примечаний к книге «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников», высказал вполне обоснованно мнение (28), что Елизавета Михайловна Неворотова послужила прототипом младшей сестры старухи-процентщицы в романе «Преступление и наказание» Лизаветы. Совпадение имён тут не случайное. Добрая, кроткая и смиренная, без ропота несущая свой крест. Такой была и юная калашница Лиза в Семипалатинске – первая любовь писателя, и литературный персонаж Лизавета в «Преступлении и наказании».

Вот такой она была – первая, чистая и светлая любовь Фёдора Михайловича Достоевского.

А мысленно переносюсь в далёкий 1854 год... Живёт своей тихой размеренной жизнью затерянный в степной глуши провинциальный Семипалатинск. Лотошница Лиза – юная, весёлая, бойкая, русоволосая, кареглазая красавица – центр притяжения на базарной площади. Я ясно вижу, как к ней несмело подходит человек в серой солдатской шинели с красным стоячим

воротником, с бледным, но радостным лицом, светло-синими, сияющими от счастья глазами.

– Здравствуйте, Лиза! Как я рад видеть вас, моё солнышко! – тихо, с необыкновенной нежностью в голосе говорит он и украдкой передаёт ей письмо, полное проникновенных строк о жизни и признаний в любви.

– Здравствуй, Фёдор! – отвечает Лиза звонко и весело, никого не стесняясь и ни от кого не таясь. И глаза её тоже сияют от счастья.

Ведь пришла весна! Всё оживает, бурлит и расцветает в природе. Стучат в груди горячие сердца влюблённых, их души и тела стремятся друг к другу. В них тоже бурлит и поёт весна!

Паутинки судеб Лизы Неворотовой и Фёдора Достоевского зацепились друг за друга, сблизив этих чистых душой людей и подарив им счастье. Но счастье было коротким, жизнь вскоре разлучила их.

Отцветая, не жалейте о прошедшем красном лете!

Быть может, с этим советом была согласна Елизавета Михайловна Неворотова, на закате лет в очередной раз перечитывавшая письма дорогого ей Фёдора Михайловича Достоевского, хранящая всю жизнь верность любимому человеку.

...Неотвратимо накатил юбилей – 200-летие Ф.М. Достоевского. Пышные, помпезные юбилейные мероприятия планомерно развернулись и покатали-поехали по всей необъятной стране. С иронией смотрит на них Фёдор Михайлович из своего далёкого прошлого. Торжества эти проводят, чтобы помолиться на «икону» Достоевского или просто постоять возле неё, произнести несколько дежурных фраз о божестве, а после развернуться и уйти продолжать делать свои обычные дела, нередко безобразные и недостойные, гнусные и подлые, те, которые обнажал и клеймил писатель в своих произведениях. А ещё поставить галочку об успешно проведённом мероприятии.

Для меня Фёдор Михайлович Достоевский – не икона, не божество, а человек. Со всеми страстями, присущими живому человеку. И он ежедневно шагает вместе со мною, рядом, а ещё живёт в моей душе и в моём сердце, воспитывая, давая наставления и советы, размышляя, делясь сокровенным. Словом, помогая жить в наше жестокое время.

Литература и примечания

1. Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991, 455 с.
2. Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Библиография в письмах и документах. М.-Л., 1935, 420 с.
3. Сараскина Л.И. Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013, 825 с.
4. Kirby R.S. Erectile dysfunction in men. New York, 2016, 366 p.
5. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979, 288 с.
6. Васильченко Г.С. Сексопатология: Справочник. М.: Медицина, 1990, 576 с.
7. Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 50 (Далее сокр. – Достоевская Л.Ф.).
8. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 1. С. 247 (Далее сокр. – Достоевский в воспоминаниях).
9. Masters W.H., Johnson V.E. Human sexual response. Boston, 1966, 342 p.

10. Врангель А.Е. Из «Воспоминаний о Достоевском в Сибири» // Достоевский в воспоминаниях. Т. 1. С. 347.
11. Рост Ф.М. Достоевского составлял 2 аршина 6 вершков, согласно ранжирной мерке Омского острога. Это соответствует 169 см.
12. Врангель А.Е. Из «Воспоминаний о Достоевском в Сибири» // Достоевский в воспоминаниях. Т.1. С. 346.
13. Достоевский без глянца. Сост. П. Фокин. СПб.: Пальмира, 2017. С. 273.
14. Там же. С. 20.
15. Там же. С. 269.
16. Достоевская Л.Ф. С. 77.
17. Содержание писем стало известно через несколько десятилетий, благодаря племяннице Лизы, Н.Г. Никитиной, которая их прочла.
18. Феоктистов Н.В. Пропавшие письма Фёдора Михайловича Достоевского // Сибирские огни. 1928. №2. С.119-125.
19. Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 80-88. (Далее сокр. – Достоевский в заб. и неизв. восп.).
20. Феоктистов Н.В. Указ. соч. С. 119.
21. Там же. С. 120.
22. Настенька – младшая сестра Елизаветы Михайловны Неворотовой, Анастасия Михайловна Никитина.
23. Феоктистов Н.В. Указ. соч. С. 121.
24. Там же. С. 122.
25. Сараскина Л.И. Указ. соч. С. 281.
26. Феоктистов Н.В. Указ. соч. С. 123.
27. Там же. С. 124.
28. Достоевский в заб. и неизв. восп. С.80.

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Господи, смогу ли...»

Когда теплом не озадачен
И в лихорадке первоцвет,
От холода дрожу на даче,
Как газовой «ромашки» свет.

С террасы звёзды небо кажет.
Не сосчитать... И не берусь.
Неважно, что астролог скажет,
Когда забалтывают Русь.

Меня про звёзды не учили,
Зато лихие господа
Свою же родину мочили,
И падала её звезда.

И верил, что Руси за близких
Ещё не выстрадан весь путь,
Когда глядел на обелиски
Военных действий где-нибудь.

Копил не на себя ли компромат,
Не одолжив минуты повидаться
С тобою, мам? Теперь вот виноват,
И таковым всегда мне оставаться.

Теперь тебя не надо уверять,
 Что борода моя боится бритвы.
 Жаль время в парикмахерских терять,
 Когда его не трачу на молитвы.

Теперь себе не разрешаю сна,
 Не вычитав семнадцатой кафизмы
 Псалтири, где псалтерии струна
 Зовёт в страну заоблачной отчизны.

И вспомнив про Небесного Отца,
 Как ни была бы встреча с Ним сурова,
 Прощу Его от твоего лица
 Нас не лишать Родительского крова.

Мы в двадцатом веке пожили,
 Двадцать первый тоже свой.
 Как нас только не треножили!
 Разглядел бы и слепой.

Уповали на миллениум,
 Растерявшись от потерь.
 Даром, что ли, жёны с Лениным¹
 Маникюром спят теперь.

Не в того я дядю веровал,
 И остался не удел.
 На кого бы я ни сетовал,
 Сам же был за передел.

Блатари же в модных галстучках,
 При делах, как и всегда,
 И на офисных диванчиках
 Чем теперь не господа!

Им, пока их не стреножили,
 Мало скромного куска.
 В прошлом веке славно пожили,
 С новым тоже не тоска.

¹ Студия маникюра Лены Лениной.

Господи, смогу ли,
 Буду ли своим
 Родине, где жулик
 Стал неуязвим?

Господи, смогу ли,
 Стану ли терпим
 К близким ли, к врагу ли,
 Или иже с ним?

Господи, смогу ли,
 Стану ли глухим,
 Или мне в долгу ли
 Быть льстецам моим?

Господи, смогу ли,
 Стану ли немым,
 Или же солгу ли,
 Хвастовством томим?

Господи, смогу ли
 Быть как Ты учил,
 И не обману ли
 Исповеди чин?

Господи, доколе
 Я, как ученик,
 Нашкодивший в школе,
 Прячу свой дневник?

Время осени раньше срока
 С новостями ревакцинации
 На хвосте принесла сорока
 От ближайшей далёкой станции.

Пандемия. Сижу на даче.
 Досиделся до холодов.
 Осень нудно дождями плачет.
 Если честно, и сам готов...

Отсырели дрова. Не сварит
 Печка каши. Какой тут смех?
 Нежилая погода дарит
 Мне уныние, как на грех.

Солнце зайчиков гоняет
В поле зеркала пруда,
И кукушка прибавляет
С каждым разом мне года.

Всё равно при мне тревога
Спором чаек на воде,
Раз я от роду, с порога,
Заморочен на беде.

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Свет любви»

Осенний день ненастья полон,
Холодный ветер, мелкий дождь.
И на душе печаль и холод,
И больше радости не ждёшь.
Дожди, дожди, простите лето,
За то, что кончилось оно,
Как чьи-то чувства без ответа.
Не суждено. Не суждено...
Но если мокрые ступени
Ведут к священному огню,
Молить я стану на коленях:
«Не оставляй меня одну».

За городом

Здесь пандемии нет. Луна
Качается над мокрым садом.
Цветут цветы и тишина,
И масок никаких не надо.

Уходят те, кто нас ценил,
Кто помогал идти сквозь бури.
Уходят те, кто нас любил,
Их больше никогда не будет.

Мы все торопимся, спешим –
Они уходят незаметно.
И в невозвратности души
Нам оставляют безответность.

Нам не спастись в лавине этих дней.
Косноязычье, грубость и грабёж.
Куда ни глянь, чем дальше, тем сильнее
Всегда во всём один расчёт и ложь.
Романтики, затопим корабли,
У этих берегов нам не пристать.
Прощенья попросить у Матери-Земли
Упасть бы ниц. Но, Боже, как устали.

Сегодняшнее

Вот в мизансцену дней
Стучится новый пульс
Чужих, ненужных нам людей,
Что это – минус или плюс?
Уходят лучше пусть.
Впустить? Хватают всё подряд,
Не помня про запал, заряд
И скоротечность дней.
Отдать? Обманут, продадут.
Чу, ссорятся, друг друга бьют
Толкаются (не первый раз).
Стрельба идёт и там, и тут
Век 21-й, «новый класс»...

*Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду?!*

В. Маяковский

Вам, интернет жующим
Мозгами своими протухшими,
Трудами чужими живущим
В недавнем прошедшем и будущем,
Гаджетов мучившим буквы,
Работающим будто –
Не прыгнуть вам выше крыши,
Бумагогрызущие мыши,

Сор из избы выносящим
И не по делу смердящим.
Зло не пройдёт безнаказанно,
Слезет щетиной кляуза,
Жизнь вам предъявит счёт.
Что хотите ещё?

Как обойти компьютерные игры,
Где балом правит лживый интернет
Готов тебе на всё подать совет
И подвести безумные итоги.
О, боги!
Он тесен, ваш безглазый интернет,
Но ест умы, покуда всё не съест.

Сад любви опустошён,
Отцелованы цветы,
Стоит с растерянной душой,
Развеяв по ветру мечты.
Не может быть, не может быть,
Нам нужно только подождать –
Он зацветёт, он зазвенит,
Он заманит к себе опять.

Свет любви

А.В. в день золотой свадьбы

Свет прожектора в небе,
Североморский редут.
Знаешь, где бы ты ни был,
Я тебя очень жду.
Жду телеграмм и писем,
Нужен маяк кораблю.
Свет наших дней зависел
От твоего «люблю».
Спрятал подлодку в скалах
Катер сторожевой
Ты отслужил немало,
Значит, пора домой!

ПАМЯТЬ

Владимир КОРШУНКОВ

Слово о друге

Коронавирус принёс много бед всему миру. Постоянно кто-то из коллег и знакомых рассказывает о потерях. Я хочу сейчас вспомнить человека, чей уход из жизни стал для меня невосполнимой потерей.

Год назад не стало Андрея Евгеньевича Шустрова.

Он был удивительным человеком. Мы не только сотрудничали, нас связывали общие дела, интересы и увлечения.

Андрей Шустров был атаманом Московского окружного казачьего общества Центрального казачьего войска. Он родился 16 июля 1958 года, окончил Московский авиационный техникум имени Н.Н. Годовикова и факультет машиностроения во Всесоюзном заочном политехническом институте (ВЗПИ). Начиная с 1985 года, Андрей с честью выполнял воинский долг и за ратные отличия был отмечен целым рядом боевых наград. Выйдя в запас, на «гражданке» дипломированный специалист, имеющий учёную степень кандидата технических наук, занял должность главного конструктора в НИИ лазерной хирургии Минздрава. Впоследствии Андрей Евгеньевич трудился в структурах служб безопасности разных организаций. Соответственно, в рамках своих профессиональных обязанностей он непосредственно взаимодействовал со столичными правоохранительными органами.

В новейший период истории нашей страны, как известно, на государственном уровне получило поддержку возрождение российского казачества. С 1994 года Андрей Шустров был заместителем атамана по безопасности станицы Крылатской. В 1999-м – стал атаманом хутора Коптево, а в дальнейшем в течение достаточно долгого времени служил станичным атаманом во Всевеликом войске Донском. В 2014 году Андрей Евгеньевич был переведён в ЦКВ (Центральное казачье войско) – заместителем войскового атамана по безопасности. И, наконец, казачий круг Московского

Владимир Иванович Коршунков – заместитель председателя Московского городского отделения Российского творческого Союза работников культуры, автор публикаций в СМИ. Живёт в Москве.

окружного казачьего общества ЦКВ избрал Андрея Шустрова своим атаманом. А ещё он являлся заместителем войскового атамана ЦКВ. Словом, для нашего замечательного современника-патриота, кавалера трёх орденов, это было достойное служение Отечеству.

«Привожу биографию из официального источника, хотя можно было бы просто сказать, что Андрей Шустров служит казаком. Главным московским казачьим атаманом. Ибо очень уж сложно простому обывателю (читателю) разобраться со структурными подразделениями и вообще с казачьей иерархией. – Это слова из статьи о казаках. – Да и так ли это важно? Если казаки – они и в Африке казаки. И в Москве тоже.

Что же для них главное? А ничего за много лет не изменилось. Сегодня и всегда казаки вызывали уважение у сограждан. Многие хотели бы быть похожими на казаков. Издавна об этом мечтали. “Народ казаками мечтает стать” – писал Л.Н. Толстой».

Несомненно, я в этом уверен, всё лучшее, что есть в настоящем казаке, было в Андрее. Достоинство, уважение к себе и окружающим.

«История России неразрывна, неотделима от истории и культуры казаков. Роль казачества в российской истории, без преувеличения, одна из самых важных, хоть иногда и противоречивых. История России – одна из самых показательных с точки зрения феноменального образа казачества. Ведь были великие казаки – первопроходцы и открыватели, настоящие патриоты земли русской, казаки – защитники отечества, играющие роль форпоста, богатырской заставы, неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации».

Не буду говорить высокопарных слов и причислять своего друга к великим людям. Он был честен и добросовестен. Порядочен и благороден. Для него заповеди казака были не просто красивыми и умными мыслями. Он так жил. И старался сделать так, что его понимали и поддерживали.

Напомню заповеди казака, которые дают представление о том, чем они жили и живут. Честь и доброе имя для казака дороже жизни. Казаки все равны в правах. По тебе судят обо всём казачестве и твоём народе. Служи преданно своему народу, а не вождям. Держи слово, слово казака дорого. Чти старших, уважай старость. Держись веры предков, поступай по обычаям своего народа. Погибай, а товарища выручай! Будь трудолюбив, не бездействуй. Береги свою семью, служи ей примером!

Нет смысла это комментировать. Скажу лишь, что Москва – огромный город. О том, что сегодня существует необходимость объединить казаков,

Андрей Евгеньевич Шустров

которые проживают в Москве, пишут и говорят много. Это, конечно же, важно. Есть некоторая доля разрозненности среди казаков, которые проживают в мегаполисе. Их надо было объединить и сплотить, ведь все они в итоге работают и служат на благо нашей великой России.

И Андрей Шустров вёл эту работу, вёл успешно. Его дело сегодня продолжают его друзья и соратники.

Сегодня Казачество – братство людей, объединённых особым состоянием духа, нравственности и морали. Казаки – народ, имеющий свою культуру, историю и память. Казаки всегда служили родной земле – Святой Руси, своему Народу и своему Государству. Увы, с нами нет Андрея Шустрова. Но он сделал немало, чтобы его имя осталось в истории московского казачества.

И в заключении я хочу рассказать об увлечении Андрея. Он ведь был не просто добросовестным и честным «служакой». Но ещё и увлечённым, интересным человеком.

Андрей Шустров собрал уникальную коллекцию художественного литья из чугуна. В ней среди разнообразных изделий из этого металла, конечно же, преобладают работы, мастерски выполненные под знаменитым каслинским брендом.

Он считал, что каслинское литьё – это в широком смысле народный промысел. А в узком – художественные изделия: изготовленные из чугуна скульптуры, предметы декоративно-прикладного искусства и изделия для архитектуры. Все они производятся на широко известном в нашей стране и за рубежом специализированном предприятии – заводе архитектурно-художественного литья в Касли. Следует упомянуть и о том, что издавна, с XIX века, сложились традиции каслинского литья, под которыми подразумеваются высокие стандарты выпуска товаров фабричного ассортимента: графическая чёткость силуэта изделий, сочетание в них тщательно отделанных деталей и обобщённых плоскостей с энергичной игрой бликов, а ещё и покрытие готовых новинок чёрной краской особого рецепта – так называемой голландской сажой.

В статьях о его коллекции немало места уделялось рассказам об отдельных экспонатах. Например, о чугунной фигурке легендарного Ермака, казачьего атамана, покорителя Сибири. Когда эта фигурка попала в руки Андрея Шустрова, она находилась в плачевном состоянии. Из-за небрежного хранения скульптура покрылась ржавчиной, было утеряно её основание и сабля Ермака. Скульптуру удалось восстановить, что, замечу, было весьма не просто.

Большинство приобретений для своей коллекции Андрей Шустров сделал на «блошиных» рынках и вернисажах. Конечно же, как правило, они требовали реставрации и восстановления. А каков восторг был у коллекционера, когда всё получалось и можно было увидеть свои раритеты во всей красе!

«О коллекции Андрея Шустрова есть интересные публикации, с которыми можно познакомиться в интернете. Настоятельно советую почитать, это действительно интересно. По меркам коллекционеров всех времён, коллекция Андрей Шустрова совсем юная. Но зато уникальная в самом прямом смысле слова. В его собрании представлены десятки образцов каслинской школы: скульптуры с искусной детализацией, редкие бюсты-миниатюры, ажурные шкатулки с орнаментальным мотивом русской природы, интерьерные узорные подсвечники, антикварные ступы с пестиками, допотопные утюги (один – угольный, с открывающейся крышкой; второй же – без

нагревателя, в комплекте с подставкой), гири разного веса, элегантная ваза “Цветок”, сувенирная кабинетная визитница, декоративная тарелка... Ну и чего там только нет...» В статье о коллекции Андрея Шустрова за многоточием следует фраза: «А сколько ещё всего будет! Самого разного, необычного!». Мне стало очень больно и тяжело на душе, когда я подумал о том, что уже не будет! Нет, в коллекции Андрея появятся новые экспонаты – ведь у него есть семья, которая продолжит его дело.

Но он этого уже не узнает. И не увидит.

Слишком рано ушёл Андрей из жизни.

Столько ещё он мог бы сделать на этом свете. И для семьи, и для себя, и для всех нас. Чтобы мы жили в мире и благополучии.

Мы будем помнить о прекрасном человеке, моём друге Андрее Шустрове!

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011–2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012–2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017–2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 г. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест». Живёт в Москве.

«И плывёт жасмина цвет...»

Был такой обычай – ночью, в мае,
Только звёзды было и видать,
Лошадей из шахты поднимали,
Чтобы ночь на воле погулять.

Аромат забытый веял с поля,
Тихо ржала лошадь. Может быть,
Вспоминалась жеребьячья воля,
Как ей с мамой славно было жить.

Только ночь одна в году даётся,
Надышаться вволю не успеть.
И сердечко часто-часто бьётся,
И от счастья можно умереть.

Ночи коротки в начале лета,
И уже светлеет бирюза.
Значит снова опасаться света,
И повязка снова на глаза.

И быть может, лошади казалось
В глубине, где не видать и зги –
Лучше бы сердечко разорвалось
Там на воле, в травах, у реки.

Рыбинское водохранилище

Как-то так, здесь времена бывают,
Упадёт вдруг уровень воды.
И тогда сквозь воду проступают
Давних лет забытые черты.

Это град затопленный Молога.
Недвижима водяная гладь.
Чуть видна мощёная дорога,
И решётки кладбища видать.

Жизнь когда-то повернулась круто.
Старой болью воздух напоён.
Над покоем вечным слышу будто
Колокольный раздаётся звон.

То ли это отзвук службы дальней
Над лугами трепетно звучит.
То ли это глухо и печально
Под водою колокол гудит.

Всё застыло в тихой дрёме
У неспаханной земли,
В позабытом старом доме
Астролябию нашли.

Через годы и утраты,
Этот давний обиход.
Землемер здесь жил когда-то,
Или, может, мореход?

Жизнь прожить – совсем не малость,
Но проходит быстрым сном.
Тот, кто жил здесь – не осталось
Даже памяти о нём.

А река в туман уводит,
И плывёт жасмина цвет.
Всё приходит и уходит,
И теряется наш след.

Мне приснилось, что однажды
Старый добрый мир очнётся.
И окажется не важным,
То, что ныне на слуху.
Мир неведомо качнётся,
Отторжение начнётся,
То, что было виртуальным
Всё рассыплется в труху.

Можно снова всё потрогать.
Мы не слабо раньше жили.
Во дворе играли дети,
Был не нужен интернет.
Лихо строили заводы,
И плотины возводили.
Нам сияло небо ясно,
И струился Божий свет.

Мне приснилось, что однажды
Старый добрый мир очнётся.

Городок был тих и скромн,
И дышалось в нём привольно.
Словно здесь царил старинный
И нетронутый уклад.
Мы ходили мимо церкви,
Там часы на колокольне.
Помню, с речки, с километра
Различали циферблат.

Время медленно тянулось,
И родные не старели.
Всё в природе волновало –
В детстве чувствуешь острей.
Было лето, было солнце.
На часы порой смотрели.
Мы пришпоривали время,
Чтобы вырасти быстрее.

Годы шли, но всё тянуло
В это место дорогое.
Я приехал, лик природы
Был загадочен и прост.

Но ушли картины детства,
Дом другой, и всё другое.
И часы не видно было,
Лишь кладбищенский погост.

От осенних дождей поразмытая
Сквозь орешник тропинка ведёт.
И нежданно нахлынет забытое,
Что давно не сбылось, позовёт.

К низу ветки намокшие клонятся,
Мне орехи даря на пути.
И дороги другие припомнятся,
По которым уже не пройти.

А туман всё густеет и движется,
Это марево, словно обман.
То ли образ мне девичий видится,
То ли это осенний туман.

Детство

Омут был глубок и страшен,
Дна никто не доставал.
Даже тот, кто бесшабашен,
Здесь с опаской проплывал.

И воронки здесь крутились,
Как опасный хоровод.
И мальчишки сторонились
Этих мрачных чёрных вод.

Дальше жить – себя проверить,
По плечу ли мне суметь
Бездну водную измерить
И себя преодолеть.

Глубже, глубже – в неизвестность,
Давит грудь, а дна всё нет.
Чуть виднеется поверхность,
Белый цвет – стал зелен цвет.

Ни движения, ни звука
Не доносится извне.
В темноте метнулась щука
И застыла в глубине.

Здесь внизу – темнее ночи.
Не осталось больше сил.
Не дышать – уже нет мочи,
Но черпнул ладошкой ил.

Значит, быть здесь нет причины,
Снова – в светлые миры.

.....
Эти чистые глубины
Полюбил я с той поры.

Иных, былых времён предметы,
Музейный зал, застывший ряд.
Давно забытые сюжеты
Мне так о многом говорят.
Всё как-то одухотворённой,
Когда стемнело за окном...
И звуки глуше, отдалённой
И я склонился над стеклом.
И оторваться мне не просто –
Там то, что отыскать нет сил,
Там утончённый женский профиль
Меня тревожно поразил.
Белеет древняя камей,
И позабытый, нежный лик,
Не в камне, думал я, немея,
А в сердце у меня возник.

ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Петра Георгиевича
с 80-летием!

*Пётр Георгиевич Гулдава – член МГО СП России
и Академии российской литературы. Автор четыр-
надцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат
московских и всероссийских конкурсов.*

Живёт в Москве.

Пётр ГУЛДЕДАВА

«Сияет вера, побеждая страх...»

Пора покаяний

Ещё шагаю всё на том же марше
Поблекшей тенью прежнего мальчика,
Теперь уже почти что вдвое старше
Давно ушедших мамы и отца.

И, помня их тепло и благодушие,
Я утверждаюсь в постулате вящем,
Что в прошлом формируется грядущее,
Влияя на поступки в настоящем.

Но с каждым днём всё ощутимей старость,
И яростней недугов вороньё,
А всё, что от меня ещё осталось,
Теперь уже, как будто, не моё.

Зато свечой любви на аналое
Сияет вера, побеждая страх,
И помогая перебрать бывшее,
И поразмыслить о своих грехах.

Все поэты связаны заветом:
Если сердце жаждой правды бьётся,
Не швыряться словом самоцветным
В пустоту, без цели – как придётся.

Не транжирить сокровенных сил
На пустые вздохи о нирване,
А нести божественный посыл
В таинстве премудрых волхвований.

И понять, пройдя земные страсти,
Существом, не павшим на колени:
Счастье – не отсутствие несчастий,
А итог от их преодолений.

*Говорят, что был режим...
А теперь – словесный дым.*

Юрий Богданов

Мораль зашла на путь растлений,
И где прямых запретов нет,
Мотивы прошлых поколений
Перебивает звон монет.

Не видя цели, племя злое
В демократической пыли
Огульно хаёт всё бывшее,
Дотла «сжигая корабли».

Судьба мытарилла меня
Растущей скорбью от познаний,
Но копоть нынешнего дня
Затмила дым воспоминаний.

Мы всю страну без боя уступили
Тем, кто хотел, не покидая дом,
Открыто тратить всё, что накопили
«Упорным, непосильным» воровством.

Теперь живём, как чужаки в стране,
Свободу вседозволия пригубив,
Невольные наёмники в войне
Велеречиво-мудрых душегубов.

Пусть мы достигли «воли на приколе»
И красные наряды изнашили,
Но русский мир вовеки не позволит
«Открытия Америки» в России.

Пускай, желая правду исказить,
Ослепший «запад» яростно неистов,
Но тех, кто нас захочет укусить,
Ждёт долгое лечение у дантистов.

Канун седьмого юбилея

Какой уж раз в судьбе моей,
Звездой в обыденном тумане,
Восходит новый юбилей
В житейском бурном океане.
Давно уж правлю я челном,
Над ним удача чайкой вьётся,
Но знаю то, что судным днём
И он о скалы разобьётся.
И разбираюсь, лоб отстукав
От любомудренной трухи,
Как семя маленьких проступков
Плодит пороки и грехи.
И утопаю в покаянии,
Хотя и знаю, что стою
На слишком дальнем расстоянии
От места в ангельском строю.
Всплывают в памяти года
И, в синем мареве белея,
Седьмая грустная звезда
Мерцает в небе юбилея.

Пусть не так я теперь уж и молод,
И студёные ветры секут,
Мне привычны и временный холод,
И дожди морозящих секунд.

Пусть ничто не волнует до дрожи,
Только ты, дорогая, не верь,
Что с годами нас меньше тревожит
Неизбежная горечь потерь.

И хотя на девятом десятке
От себя мы такого не ждём,
Я не вытяну пляску вприсядку,
Но могу танцевать под дождём.

**«Самый глубокомысленный
из наших критиков»**Штрихи к портрету
Виссариона Белинского

Как-то на одной из творческих встреч автора этих строк спросили о том, кого он считает самым внимательным читателем. Таковым, без раздумий, был назван литературный критик. И вот почему. Именно он, по роду своей деятельности, до тошно, скрупулёзно прочитывает каждое слово, каждую фразу писателя. И не просто прочитывает текст, а изучает, анализирует и, в конечном счёте, даёт всестороннюю оценку произведению.

В XIX веке самым компетентным читателем России был безусловно Виссарион Григорьевич

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватулин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

Виссарион Григорьевич Белинский

Белинский. Как никто другой, он вдумчиво и глубоко читал книги, подвергая их самому тщательному анализу. Из-под его талантливой пера выходили не только обзоры современных произведений, статьи о театре, заметки библиографического и политического характера, но и обстоятельные статьи, посвящённые творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, Г.Р. Державина, А.В. Кольцова, других авторов. Эти статьи, по сути, являлись историей русской литературы, охватывающей период от Ломоносова до Пушкина. Кроме того, Белинский стал учителем и руководителем молодого поколения писателей. Как литературный критик он выдвинул и обосновал теорию реализма.

Примечательно, что восхождение будущего знаменитого критика на литературный олимп началось в литературно-философском кружке Николая Станкевича, с которым они встретились в стенах Московского университета.

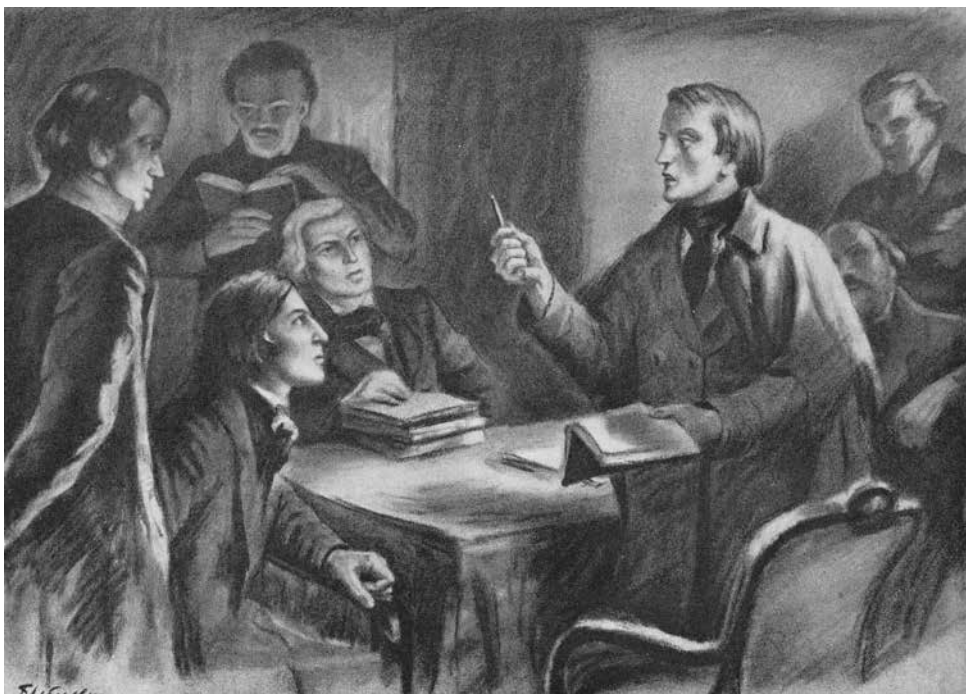
Белинский был на два года старше Станкевича. Он родился в 1811 году в крепости Свеаборге (Финляндия, в настоящее время – Соуменлинн. – Н. К.), где флотским лекарем служил его отец. Детство и юность Виссариона прошли в городке Чембар Пензенской губернии. Он сначала учился в уездном училище. Потом был гимназистом. В пензенских краях этого угловатого, болезненного вида белокурого юношу однажды заметил инспектор гимназий, а впоследствии известный писатель Иван Лажечников. Вот его короткий штрих к тогдашнему портрету Белинского: «Лоб его прекрасно развит, в глазах светлелся разум не по летам...».

Достаточно точный портрет Белинского нарисовал в своих воспоминаниях И.С. Тургенев. По его словам, известный литографический и едва ли не единственный портрет Белинского даёт о нём понятие неверное.

«Срисовывая его черты, – пишет Тургенев, – художник почёл за долг воспарить духом и украсить природу и потому придал всей голове какое-то мыслительно-вдохновенное выражение, какой-то военный, чуть ли не генеральский поворот, неестественную позу, что вовсе не соответствовало действительности и несколько не согласовывалось с характером и обычаем Белинского. Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головой... Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, как бы приплюснутый, рот слегка искривлённый, особенно когда раскрывался, маленькие, частые зубы; густые белокурые волосы падали клоком на белый, прекрасный, хоть и низкий лоб. Я не видал глаз более прелестных, чем у Белинского. Голубые, с золотыми искорками внутри зрачков, эти глаза, в обычное время полузакрытые ресницами, расширялись и сверкали в минуты воодушевления; в минуты весёлости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспечного счастья. Голос у Белинского был слаб, с хрипотой, но приятен; говорил он с особенными ударениями и придыханиями, “упорствуя, волнуясь и спеша” (строки из стихотворения Н.А. Некрасова. – Н.К.). Смеялся он от души, как ребёнок».

В 1829 году Белинский поступил в Московский университет на словесное отделение. Будучи человеком одарённым, он в 1831 году пишет драматическую пьесу «Дмитрий Калинин». В ней казённокоштный студент осмелился резко высказаться о социальной несправедливости, существующих российских порядках, а также обличил власть предрействующих.

Пожалуй, со времён Александра Радищева, автора нашумевшей и запрещённой потом книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в России не

Литературно-философский кружок Николая Станкевича

появлялось такого рода обличительного произведения. «Кто дал это гибельное право – одним людям поработать своей властью волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище – свободу? – вопрошает в одном из монологов герой повести. – Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может для потехи или для рассеяния содрать шкуру с своего раба; может продать его, как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, матерью, с сёстрами, братьями и со всем, что для него мило и драгоценно... Милосердный боже! отец человеков! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет таких змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слёзы?..»

Существует версия, и она обнародована в литературе, что Станкевич прочитал драму вскоре после её написания. Произведение он нашел замечательным, но при этом сказал автору, что ему вряд ли удастся его опубликовать по ряду причин. Во-первых, «Сироту» (так называли драму в кружке Станкевича – Н.К.) цензура не пропустит, а во-вторых, драмой могут заинтересоваться в III отделении. Однако Белинский сообщил о том, что драму он уже отнёс в цензурный комитет.

– Прежде чем её отдавать, – с досадой сказал ему Станкевич, – надо было со мной посоветоваться. Ты поступил опрометчиво! Как бы не нажил неприятностей!

Станкевич словно в воду глядел. Скандал разразился после того, как Белинского вызвали в цензурный комитет. Он шёл туда с надеждой, ждал признания. Но вышло всё наоборот. Несмотря на то, что его сочинению профессор и статский советник Л.А. Цветаев дал весьма лестные оценки, «Дмитрий Калинин» был признан другими цензорами как позорящий университет.

– Ваше сочинение по содержанию и общей направленности более чем безнравственно! – гневно воскликнул присутствовавший на заседании цензурного комитета сам ректор университета И.А. Двигубский. – Вы, как студент, бесчестите университет! Мы не можем допустить, чтобы в священных стенах государственного храма науки появлялись и оставались безнаказанными столь безобразные вещи! Вас надо отправить на каторжную работу! Да, да, на каторгу! Крамольникам, пытающимся подточить основы монархии, у нас нет места!

Как пишут современники, Белинский возвратился в общежитие бледный, словно полотно, и сразу упал на свою кровать лицом вниз. Один из сокурсников стал его расспрашивать, что с ним случилось. Но ничего добиться не мог. Белинский произносил лишь одно:

– Пропал, пропал, каторжная работа!..

После заседания цензурного комитета над Белинским окончательно сгустились тучи. Обвинительная речь Двигубского послужила руководством к действию для изгнания строптивного студента из университета.

И ведь выгнали! «Виссарион Белинский, – сообщалось московскому генерал-губернатору, – уволен с казённого кошта по причине болезни и безуспешности в науках. Поведения был неодобрительного».

Есть ещё одна причина исключения Белинского из университета. В неизданном дневнике профессора И.К. Бабста записана его беседа с Н.Х. Кетчером, который, рассказывая об университетской жизни будущего критика, сообщил следующее: «Белинский действительно учился в университете плохо, т.е. мало занимался лекциями и ходил больше всё читать русские журналы в Железный (трактир – Н.К.), который был тогда напротив университета. Живя в крайней бедности и имея нужду платить за посещения в трактире, он продал свой казённый студенческий мундир, за что и был исключён».

Сегодня трудно установить, имел ли место этот случай, поскольку нет никаких других свидетельств. Исследователи считают, что это был слух, запущенный недоброжелателями Белинского. Но даже, если бы факт продажи мундира имел место, он не мог быть сам по себе причиной исключения Белинского. За этот проступок ему, вероятнее всего, грозила бы материальная ответственность, т.е. внёс бы некую сумму в университетскую кассу.

Одновременно кем-то из недоброжелателей, а скорее всего, по поручению начальства, была запущена сплетня о том, что «вытурили этого ужасной наружности казённого студента, циника и бульдога», за... развратное поведение.

Действительно, Белинский, в отличие от Станкевича, не являлся образцовым студентом. Он часто болел, пропускал лекции, выступал против казарменного надзора, любил выпить «очищенную»... Но Белинский – и развратное поведение! Эта лживая легенда ни у кого из хорошо знавших его сокурсников не укладывалась в голове. К чести друзей, они не клюнули на грязную клевету. Основным же поводом для исключения Белинского из университета, считают его исследователи, послужила названная выше драматическая пьеса «Дмитрий Калинин».

Белинский тяжело переживал случившееся. Но, как часто бывает в подобных ситуациях, – люди либо отворачиваются от человека, злорадствуют над ним, либо подставляют плечо. В числе тех немногих людей, кто не отвернулся от Белинского, был как раз Станкевич.

В тот период положение недавнего казённокоштного студента было хуже некуда: ни одежды, ни денег, ни работы. По сути, он был изгой, выставленный,

по словам А.И. Герцена, «за двери университета без куска хлеба и без возможности его заработать. Тогда-то он и встретился со Станкевичем и его друзьями, которые его спасли».

Это подтверждает в своих воспоминаниях выпускник словесного отделения Московского университета П.И. Прозоров: «Без всяких средств к существованию, Виссарион Григорьевич обратился тогда с просьбой к прибывшему в Москву попечителю Белорусского учебного округа Карташевскому об определении его в уездные учителя, в которых тогда очень нуждалась Белоруссия. Попечитель, просмотревши незавидный его аттестат, усомнился исполнить просьбу исключённого студента...».

Жильё у Белинского также было ужасное. Он квартировал в Рахмановском переулке в одной из каморок, громко называемой им бельетажем. Пробраться к нему можно было по грязной лестнице; рядом с каморкой находилась прачечная, из которой беспрестанно шли испарения мокрого белья и вонючего мыла, неслась нецензурная брань прачек. Под прачечной, в подвале, работали кузнецы, и оттуда слышался непрерывный стук молотов.

Комнатка не закрывалась из-за бедности обстановки – в ней нечего было украсть. «Сердце моё облилось кровью, – написал один из посетителей этого убого жилища, – я спешил бежать от смраду испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут моё платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что видел, что я почувствовал в этом убогом жилище...».

Белинский, правда, пытался не терять оптимизма. «Я нигде и никогда не пропаду, – гордо сообщал он матери. – Несмотря на все гонения жестокой судьбы – чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твёрдость в характере – не дадут мне погибнуть. Не только не жалею на мои несчастия, но ещё радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня...».

Однако это была не более чем бравада. В реальности Белинский, как уже сказано, очень нуждался в моральной и материальной поддержке. Он сильно бедствовал, сидел в долгах и без работы. В те трудные времена свою руку ему протянул именно Станкевич, он же душевно и нравственно его обогрел. Иными словами, взял под своё крыло.

Белинский сразу покорился обаянию Станкевича и почувствовал к нему нечто вроде магнетического тяготения. «Висяша», «Сиверион», как потом тепло и мило называл Станкевич Белинского, сам стал искать с ним встреч, и Станкевич отвечал полной, открытой взаимностью.

Человек ума незаурядного, Станкевич был абсолютно лишён честолюбия, с Белинским держался просто и с большим тактом, отличался чуткостью и бескорыстной добротой. Белинскому по-настоящему было хорошо и радостно со Станкевичем, о чём он будет помнить до конца своей жизни.

Станкевича и Белинского сроднили общность духовных интересов, склонность к анализу, любовь к литературе. И всё же они, может быть, потому стали так нужны друг другу, что натуры их во многом были различны, они дополняли одна другую. Уже сами прозвища «Небесный Николай» и «Неистовый Виссарион», которыми их величали друзья, служат тому подтверждением.

Кстати, прозвище «Неистовый Виссарион», на манер известной исторической поэмы «Неистовый Роланд», дал Белинскому именно Станкевич. Сам

же Белинский называл себя шутя «Прометеем в карикатуре». Действительно, это был маленький Прометей, похитивший, как ему казалось, огонь с неба.

Бунтарь Белинский абсолютно не исключал применения насилия в целях скорейшего решения политических и социальных проблем. «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья...» – грезил он. Равенство, по мнению Белинского, может быть достигнуто только после уничтожения господства буржуазии, которую он называет «сифилитической раной» на теле общества.

«Мы живём в страшное время, – заявляет Белинский. – Судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам легче было жить... Нет ружья – бери лопату да счищай с “рассейской” публики грязь...» Так трагически, в отличие от Станкевича, отражалась в глазах Белинского тогдашняя Россия: он искренне и бесповоротно считал свою родину грязной. Он считал её даже страшной – до страдания жить в ней.

Неспроста за Белинским пристально приглядывала тогдашняя власть. Много позже комендант Петропавловской крепости генерал Иван Скобелев, встречаясь с критиком на Невском проспекте в Петербурге, говорил тому с усмешкой: «Когда же к нам? У меня совсем готов тёпленький каземат, так для вас его и берегу».

Мягкий и деликатный Станкевич имел огромное влияние на мятежного Белинского. Он ему был и учителем, и наставником, и братом. «Будь чем хочешь – хоть журналистом, хоть альманашиком, – писал он к нему, – всё будет хорошо, только будь помирнее».

Учение в университете не дало в полной мере Белинскому системы и должного образования, не помогло осмыслить жизнь, понять её закономерности, объяснить её противоречия. Поэтому многие знания ему пришлось не только навёрстывать, но и получать заново от Станкевича или непосредственно в его кружке.

Впрочем, обратимся к источникам. Читаем у Н.А. Добролюбова, замечательного критика второй половины XIX века: «...Кроме своей прекрасной, благородной личности, столь привлекательной в самой себе, Станкевич имеет ещё иные права на общественное значение, как деятельный участник в развитии людей, которыми никогда не перестанет дорожить русская литература и русское общество. Имя его связано с началом поэтической деятельности Кольцова, с историей развития Грановского и Белинского: это уже довольно для приобретения нашего уважения и признательной памяти».

Ещё одно свидетельство находим в «Литературных воспоминаниях» известного мемуариста И.И. Панаева: «Влияние Станкевича на Белинского было глубоко. Белинский всегда сознавался в этом. Первые критические статьи его, где выражался его взгляд на искусство и на жизнь вообще, писаны, без всякого сомнения, под влиянием Станкевича... Станкевич своей кроткой, примеряющей натурой несколько смягчал и сдерживал кипучую натуру Белинского и хотел принудить его учиться языкам, особенно немецкому. Он предугадывал в Белинском сильного литературного бойца и хотел расширить его мирозерцание...»

Так, собственно, и произошло. В конце 1834 года в еженедельнике «Молва» – приложении к журналу «Телескоп», издававшемся преподавателем Станкевича профессором Н.И. Надеждиным, была опубликована первая крупная статья Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе». Статью он подписал загадочным псевдонимом «-он-нский».

Это было обозрение российской словесности, в котором давалась характеристика эпох и лиц. Необычный тон статьи с философским оттенком, заимствованным из системы Шеллинга, придал ей особую оригинальность.

«У нас нет литературы, – смело заявил автор, – я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов... Присмотритесь хорошенько к ходу нашего общества, – и вы согласитесь, что я прав. Посмотрите, как новое поколение, разочаровавшись в гениальности и бессмертии наших литературных произведений, вместо того, чтобы выдавать в свет недозрелые творения, с жадностью предаётся изучению наук и черпает живую воду просвещения в самом источнике. Век ребячества проходит, видимо, – и дай Бог, чтобы он прошёл скорее. Но ещё более дай Бог, чтобы поскорее все разуверились в нашем литературном богатстве. Благородная нищета лучше мечтательного богатства! Придёт время, – просвещение разольётся в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, – и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!..»

Публикация имела большой успех. Мало кому из начинающих литераторов случалось начинать свой творческий путь именно так – смело, ярко и сильно. Реакция читателей на статью была неоднозначной. Одни ею восторгались, другие негодовали, узнав, что дерзким автором является недоучившийся студент.

Недавний университетский преподаватель Белинского – профессор М.Т. Каченовский, прочитав статью, сразу пригласил автора к себе. Старый профессор долго жал руку Белинскому и с доброй завистью говорил:

– Мы так не думали, мы так не писали в наше время...

Санкт-Петербург в лице известного официозного издателя Н.И. Греча отреагировал на выступление молодого критика зло и обидно. Не зная близко автора, Греч написал о Белинском: «Умный человек, но горький пьяница, и пишет свои статьи, не выходя из запоя».

Статья «Литературные мечтания. Элегия в прозе», вызвавшая такой резонанс, по сути, была манифестом кружка Станкевича на сущность литературы и её предназначение. Известно, что в процессе работы над статьёй Белинский советовался со своими друзьями и, в первую очередь, со Станкевичем. Многие мысли и идеи, высказанные им, Белинский положил в основу своей статьи.

К сожалению, в советскую эпоху некоторые историки и литературоведы пытались принизить роль Станкевича и его кружка в развитии и становлении Белинского. Как известно, тогда в почёте были «кухаркины дети», то есть выходцы из народа. Потомственный дворянин, коим являлся Станкевич, в эту обойму не попадал. Сын же уездного лекаря Виссарион Белинский, наоборот, был плоть от плоти представителем народных масс.

К чести нашего замечательного критика, он никогда не отрицал огромной роли Станкевича в своём развитии и до конца жизни хранил в своём сердце имя этого человека.

По меткому выражению Белинского, «на умственном руководительстве гипнотизированных им друзей стояла нежная, светлая и гуманная личность Станкевича с её одинаково чуткой к мышлению и к творчеству, поэзии, искусству, натурой одарённой способностью не подчиняться, не властвовать, а вдохновлять, воспитывать, развивать, – не создавая лично, жить в мыслях и созданиях людей, им просветлённых».

А вот другое его признание: «Я брал мысли готовые как подарок; но этим не всё оканчивалось, и при одном этом я ничего бы не приобрёл: жизнью моею, ценою слёз, воплем души, усвоил я себе эти мысли, и они вошли глубоко в моё существо».

Вообще, отношения между «Небесным Николаем» и «Неистовым Виссарионом» носили не только интеллектуальный, но и задушевный характер. Пожалуй, в то время не было для Белинского ближе друга, чем Станкевич. Белинский, всегда тянувшийся к личностям «гармоническим», обрёл в Станкевиче нравственный тип, составляющий контраст и дополнение к его мятежно-бунтарской натуре.

Об искренности их отношений можно судить по той обширной переписке, которую они вели, начиная с первых дней знакомства. Сохранившиеся многостраничные эпистолярные листки позволяют нам ещё больше узнать об их большой дружбе и эпохе, в которой они жили и творили.

«Сиверион Григорьевич, ангел ты мой! – пишет ему Станкевич в одном из своих писем. – Ты на меня серчаешь за то, что я не писал к тебе: как быть? Одолели болести... Ты, верно, не получил письма моего из Пятигорска – иначе, наверное бы, отвечал. Каковы твои дела? Я перебираю “Телескоп” и ищу твоей беседы... вот, вот он – кулак, всё сокрушающий! На этот раз он гвоздит пресловутого Кони... “Вот тебе раз, вот тебе два, вот тебе три”. Славно – но в №10 нет имени Виссариона!»

«Душенька Белинский! – обращается он в другом письме. – Как мне хочется с тобою увидеться и наговориться! Что каналья, что бестия! Ага, каналья! Тешься подлец, а мне...»

*Пора, пора, в рога трубят –
Псаи в охотничьих уборах...»*

Такими же дружескими чувствами пронизаны и письма Белинского к Станкевичу. «Друг мой, Николенька!» – этими словами обычно начинал он свои послания. И дальше: «Наконец-то я собрался писать к тебе... Ах, Николай, Николай, когда я увижу тебя, мне это представляется чем-то невозможным, фантастическим. Не сердись на меня, что редко и мало пишу к тебе».

И хотя Белинский писал редко, но зато много. Некоторые из его изданных писем к Станкевичу написаны в один, а то и два авторских листа (24 страницы. – Н.К.). Впрочем, у Станкевича письма не меньше.

По сути, письма Станкевича и Белинского – это литературные произведения, в которых переплелись жанры статьи, рецензии, очерка, рассказа... Сегодня они дают нам возможность узнать то, что происходило в русской общественной и литературной жизни. Одновременно эти письма являются важным источником, имеющим огромное значение для изучения личности и творчества их авторов, эпохи, в которой они жили, людей, которые их окружали и входили с ними в прямое общение.

Но диалог через письма, хотя они и проникнуты лиризмом, философствованиями, непринуждённостью стиля, острыми, подчас нескромными шутками, – это всё-таки не живое общение. К тому же оно обусловлено определёнными обстоятельствами, когда люди по тем или иным причинам вынуждены находиться далеко друг от друга.

Станкевич и Белинский, бывало, не виделись месяцами. А в 1837 году, с отъездом Станкевича за границу, расстались навсегда. И, тем не менее, много времени, а это не один год, друзья находились рядом. Они вместе ходили в

театр, заглядывали в гости к Аксаковым, Боткиным, Беерам, М.С. Щепкину, Н.А. Мельгунову... Там вели нескончаемые разговоры вокруг новой западной литературы и её представителей – Гёте, Шиллере, Бальзаке, Сю. Из русских авторов наибольший интерес вызывали Пушкин, Гоголь, Баратынский, Кукольник, Полевой.

Друзья часто посещали известный литературный салон Екатерины Левашовой, где бывали Пушкин, Чаадаев... Регулярны были также прогулки по Москве, в ходе которых они продолжали вести свои душевные беседы на различные темы. Послушаем рассказ Станкевича об одной такой прогулке во время Пасхи:

«До 12-ти мы с Красовым (поэт, член кружка Станкевича. – Н.К.) не ложились... В половине 12-го мы вышли во двор и ходили с трубками, погода была тихая, прекрасная, небо ясно и усыпано звёздами... Вдруг ударили колокола, и вся Москва забалабонила. К нам пришёл Белинский и увлёк нас в Кремль. Мы подходили к Иверской и услышали пушки: Василий Блаженный вдруг озаряется их молнией, и удар рассыпается по Кремлю. Пока дошли мы до места, стрелять уже перестали, но мы издали слышали музыку и пальбу – возвратились к заутрене к Козьме и Дамиану (церковь в Москве на улице Маросейка. – Н.К.). Потом я целый день славил Христа...».

Случались их совместные поездки и за пределы Белокаменной. Часто, к примеру, они бывали в Тверской губернии, где в Прямухино, неподалёку от Торжка, проживало большое семейство Бакуниных. Оно принадлежало к числу редких в те времена семейств, где жизнь не была похожа на обычные нравы помещичьего быта, и где, напротив, были знакомы и ценимы умственные и эстетические интересы. Прибытие гостей неизменно оживляло жизнь в усадьбе. Завязывались споры, длящиеся часто до утра; дом превращался то в философский клуб, в котором царили Гердер, Шеллинг, Кант и Гегель, то в музыкальную гостиную, где главенствовали Моцарт, Шуберт, Бетховен...

В этой семье, включая пятерых братьев Михаила Бакунина, было ещё четыре сестры – Варвара, Любовь, Татьяна и Александра. Образованные, прекрасно воспитанные, милые и неглупые молодые девушки придавали премухинскому дому аромат изящества и интеллектуальности. За одной из сестёр – Любовью ухаживал Станкевич, а Белинский был увлечён самой младшей – Александрой.

В амурных делах Станкевич был опытнее друга. Белинский в обществе прекрасных дам лишался дара речи и становился сам не свой, считая себя некрасивым и недостойным внимания барышень. Он мучился и паниковал. Но именно Станкевич помогал ему преодолевать робость перед женским полом.

Расставаясь, Станкевич и Белинский жили ожиданием встречи. И даже тогда, когда Станкевич уехал на лечение за границу, друзья мечтали скоро свидеться. «Что ты, как ты? – спрашивал друга Белинский. – Скоро ли увижу, обойму я тебя? То-то бы порассказал я тебе о твоём Виссарионе неистовом! То-то бы посмеялся ты! То-то бы послушал я тебя! О, если бы ты опять стал жить в Москве, и мы, разрозненные птенцы без матери, снова слетелись бы в родимое гнездо! Скоро ли – скажи!»

Но надеждам не суждено было сбыться. Вдали от России первым уйдёт из жизни «Небесный Николай». Ненадолго переживёт своего друга и «Неистовый Виссарион». Однако до конца дней своих оба они хранили верность дружбе, которой всегда дорожили.

Панаев вспоминал, как у Белинского слёзы дрожали на глазах, когда он рассказывал ему о Станкевиче и знакомил с его «нежною, тонкою, симпатическою личностью». «Станкевич был душою, жизнью нашего кружка, – прибавил Белинский в заключение, – теперь уже не то. Самое цветущее наше время прошло! Он своей личностью одушевлял и поддерживал нас. Бакунин, как ни умён, но он не может заменить Станкевича...».

В рабочем кабинете Белинского висел акварельный портрет Станкевича. Он часто, глядя на него, мысленно разговаривал с другом. Буквально за несколько часов до смерти Белинский вновь бросил взгляд на портрет и тихо прошептал:

– Куда делась гениальная личность Станкевича?..

Потом, собравшись с силами, которые всё больше его покидали, задумчиво сказал:

– Нам – мне, Боткину, Бакунину, Аксакову, Тургеневу – всем нам казалось невозможным, чтобы смерть осмелилась подойти к такой божественной личности. Подумайте о том, что был каждый из нас до встречи с ним. Нам посчастливилось...

Слова эти Белинский произнесёт в мае 1848 года.

Похоронили «самого глубокомысленного из наших критиков» на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. Спустя три года, в 1861 году, рядом с ним похоронили Н.А. Добролюбова, тоже известного критика и публициста. С тех пор эта часть кладбища стала местом упокоения русских писателей и литературных критиков, получив название «Литературные мостки». Но это уже другая история...

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

СВЕТЛАНА ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технаррь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

Осенний вальс

Несовпадение

Этот милый светлый город
Жил осенним листопадом,
Те, кому уже за сорок,
В такт кружились с кем-то рядом.

Мерный быт не нарушая,
Я, по личному хотенью,
Не своя, скорей чужая,
Проскользнула лёгкой тенью.

Как же были искрометны
Чьи-то яркие надежды,
Что казалось незаметны
Тонкие мои одежды.

Но в миру «ходить без тела»,
Кто-то крикнул: неприлично...
Ах... взлетела так умело,
Неприкаянно-привычно.

Дождик

Дождь бежит на тонких ножках,
Человек с зонтом спешит,
Но листва на мокрых стёжках
Под ногами не шуршит.

Это – осень, непогода,
И в любые времена
Вот в такое время года
Дождь богат на письмена.

По зонту чеканит строки,
Не услышишь чепухи.
Ритмов чёткие потоки
Благовучны, как стихи.

Знаки букв: «Аз», «Буки», «Веди»,
Вот – «Живети» и «Добро».
Дальше буквицами: «Люди»,
«Слово», «Есть», «Зело», «Твердо».

Пью, как дар, по малой ложке
Эту азбуку из слов.
Пропитал мои одёжки
Дым осенних сквозняков.

И мечты напрасной нету,
Жалоб нет и нет тревог,
Поразвелась по свету
Пыль оставленных дорог.

Убеждая понемножку,
Час за часом напролёт,
Семена на тонких ножках,
Дождик рядышком идёт.

Собаке

1.

Посидим, поворчим вечерком
На порожке, мой верный дружище.
Знаешь, я всё грущу об одном –
В чём духовная кроется пища?

Мне без этого выжить нельзя,
Одного лишь понятия мало.
Жизнь себя подарила в друзья,
Одиночеством побаловала.

Посмотри вот на муравья,
Вроде в жизни у них всё в порядке.
Строят дом свой, трудяги, у грядки,
А какая большая семья.

У двуногих другая судьба:
Дом построим, чуть что – ломаем.
И смеётся соблазнов гурьба –
Ищем радость, а где – не знаем.

Без души ничего не понять,
Не цари мы, не боги в природе.
А корону-то надо бы снять
И порядок создать в огороде.

Вижу всё, а поплакать нельзя,
Поворчала, и стало неловко.
Но... какие твои глаза!
Дай поглажу твою головку.

2.

Мы с тобою вышли на прогулку,
Для меня ты самый верный друг.
Я взяла с собой из дома булку –
Воробышек покормить из рук.

А какая славная погода,
Даже улыбаются цветы.
Ну а я, в любое время года,
Радуюсь, что у меня есть ты.

Мы сегодня бегаем, резвимся,
Вот для дома маленький букет.
А когда с прогулки возвратимся,
Напишу его и твой портрет.

О, сколько в доме тишины –
Тревожен каждый звук.
О, сколько у моей души
Печалей и разлук.

Отделена от суеты
Невидимой рукой.
Не помолившись на кресты,
Не обрела покой.

И мысли тянут волю вспять,
В несбыточность дорог.
Быть может, в снах дано понять
Значение тревог?

Но сон, скорей всего, обман,
И ночь не альтруист.
И держит тайну, как туман,
Тетради чистый лист.

Душа как будто бы в долгу,
И плачет перед ним.
Сама себе не помогу,
Тем более другим.

Но что Господь душе велел –
Понять лишь ей одной.

«Настрой себя для добрых дел» –
Так вдруг спасительно пропел
Мой Ангел надо мной.

Жёлтый свет

Как будто в первый и последний раз
Я воздух пью и не могу напиться.
Не отвести замороженных глаз,
Где свет осенний от земли струится.

Нечаянная радость светлых дней –
В тиши звенящей цвета ликование,
И паутинок тёплое сиянье,
И дали золотые всё видней.
Нечаянная радость светлых дней!

Как трепетен и нежен жёлтый свет.
Так грустно в эти дни, но и отрадно.
А листопад целует землю жадно,
И в расставании сомненья нет.
И кружится, и стынет жёлтый свет.

Осенняя грусть

Качает ветер на руках
Берёз плакучую усталость.
Неужто грусть одна в ветвях
От светлой осени осталась?

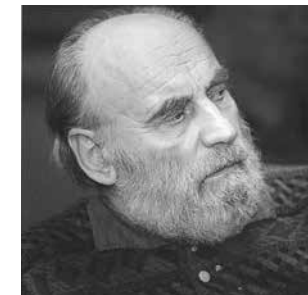
И дождь отраде кружевной
Тоску унылую пропишет.
Неужто сердце не услышит
В печали музыки иной?

О, вековечный свет берёз!
В урочный час свой, как бывало,
Перед тобой из белых грёз
Зима расстелет одеяло.
Пока же, видно неспроста,
Печальник-дождь уйти не хочет,
Он взмахом тонкого перста
Весну прекрасную пророчит.

Пётр и Февронья

Драматическая поэма
в двух действиях, девяти картинах

Действующие лица:

Благоверный князь Павел – самодержец града Мурома.

Жена князя.

Благоверный князь Пётр – родной брат князя Павла.

Февронья – простая крестьянская девушка, дочь бортника.

Боян – гусляр-сказитель, народный персонаж.

Юноша – служивый князя Петра.

Змий – тёмная бесовская сила.

1-й боярин

2-й боярин

3-й боярин –

служивые князя Петра.

1-й калика перехожий

2-й калика перехожий

3-й калика перехожий –
религиозные странники.

1-я женщина-крестьянка

2-я женщина-крестьянка

3-я женщина-крестьянка –
Просительницы.

Инок.

Некий человек.

Слуга князя Павла.

Повар.

Ведущий.

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклюнуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦЬ МУРОМСКИХ, БЛАГОВЕРНАГО И ПРЕПОДОБНАГО И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО В ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО БЛАГОВЕРНЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ И ДОСТОХВАЛНЫЯ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ В ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕУФРОСИНИИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

(События происходят в конце XII – начале XIII веков)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

(На авансцену выходит Ведущий и рассказывает об устной народной Были-Легенде).

Ведущий

В русском народе с давних пор
Передавалась из уст в уста,
Из поколения в поколение
Устная легенда-быль
О живших на Муромской земле
Князе Петре и простой
Деревенской девушке Февронье,
Пронёсших свою любовь
И супружескую верность
Через все испытания
И жизненные трудности
С верой в Господа Бога,
С молитвой и смирением.

(Ведущий уходит, на авансцену выходит Боян. Вначале он наигрывает что-то на гуслиях, затем начинает сказ-повествование).

Боян

В Русской земли есть град, нарицаемый Муромом,
В нём самодержествует князь благоверный,
Яко поведаху именем Павел.
Искони ненавидящий род человеческий
Дьявол в Змия злого вселиша,
Прилетает к жене того князя на блуд
В неприязненном ей своём естестве,
Приходящим же людям является князем,
В хоромах сидящим с женою своей.
В таком наваждении времени многа преидоша.
Жена же сего не таяше, поведаше князю мужеву
О насилии Змия над нею.
Князь же мысляще, что сотворити со Змием,
Пребывал в угнетённом недоумении.

(Занавес открывается. Княжеские хоромы. Князь Павел ходит из угла в угол по хранине, жена сидит в кресле).

Павел

Мыслю, жено, недоумеюся,
Что сотворити злодею тому.
Смерти убо не вем как ему нанести?
Аще будет глаголить к тебе какова словеса,
Исхитрись и спроси его с лестью:
Знает сей неприязненный духом своим
От чего ему смерть хочет быти.
А узнаешь – поведаешь нам:
И не токмо на нынешний век
Свободишися злога шипения,
И всего, о чём смрадно глаголить,
Но и в будущем веке своём
На нелицемерном суде у Христа
Его милость себе сотвориши.

Жена Павла

Добро, тако быти.

(Князь Павел уходит. Входит Змий в образе Князя Павла, бросает на пол шкуру, садится в кресло князя рядом с женою Павла. За сценой слышны звуки гуслей и голос Бояна).

Боян

Во един же из дний к жене князя пришед
Со злосмрадным дыханием Змий.
Она, крепко храня в сердце мужа слова,
Глагол с хитрой хвалою обратила к тому.

Жена Павла

Ты, прелестник, всё знаешь и можешь,
Но не ведаешь ты о кончине своей:
Какова и когда она будет?

Змий (хвастливо)

От Петрова плеча и меча-кладенца
Но не знает никто, где тот Агриков меч,
Оттого буду жить веки вечные...

(прислушивается, вскакивает с испугом, крутит головой)

Чую смрад человеческий в ноздрях,
Аки огонь, опалает чело,
Весь горю от ушей до хвоста...
Твой мужеву в хоромы спешит...

(Змий срывается с места, хватает шкуру и исчезает. Стремительно входит князь Павел, жена бросается к нему).

Павел

Прилетал тот поганый прельститель сюда?
Что же рекл о кончине своей?

Жена Павла

Примет смерть от Петрова плеча
И меча-кладенца...
Но, где Агриков меч неведомо.

Павел (в задумчивости)

Недоумеваюся, жено, но мыслю:
Призову к себе приснаго брата,
Пусть рассудит любезный мне Пётр
Как и что сотворити со Змием...

(Жена князя уходит. Князь Павел в задумчивости садится в кресло. Входит его родной брат Пётр, низко кланяется, потом садится во второе кресло).

Пётр

Для чего призываешь мене?
Что поведаешь, князь благоверный?

Павел

Змий нам Таину свою изрещи:
От Петрова плеча смерть тому суждена.

Пётр (в запальчивости)

Не страшуся того я злосрадного,
Стану мыслити, како бы Змия убити.

Павел

Токмо како добыти, братове,
Богатырский тот Агриков меч?
Без него не осилишь лукавого.

(Павел и Пётр встают, братья кланяются друг другу и оба уходят в разные стороны. Занавес закрывается. Вновь звучат гусли и слышен голос Бояна).

Боян

Имея обычай ходить по церквам одиноко,
Однажды, вне града зашёл помолиться
Князь Пётр в монастырскую церковь.
Вдруг отрок пред ним появился, глаголя:
– Не хочещи, князе, чтоб я показал,
Где Агриков меч тот упряган?
– Хотел бы – рече ему княже.
– Иди вслед мене, благоверный,
Убачиш в алтарной стене
Меж плитами меч богатырский...

Взял Пётр этот меч, в сердце силу почуял
И присному брату поведа об этом.
И от того дни искаше он час,
Когда нанести смерть злодею.

Занавес закрывается

Картина вторая

(Занавес открывается. Сцена разделена: слева (2/3 площади) занимают покои жены Павла, справа (1/3 площади) – помещение для слуг князя. В покоях: Павел, его жена и Пётр. Видно, что разговор заканчивается. Пётр низко кланяется и выходит в комнату, в которой находятся слуги (2-3 человека). Пётр останавливается в недоумении).

Пётр (размышляя вслух)

В храмине князя я виделся с братом,
В тот час пошед я снохе поклониться,
Вдруг вижу: сидит Павел рядом с женою,
Любезно о чём-то глаголя.
Како наперед брат обретется
У снохи моей, не разумею?

Слуга

Господин, по отшествии твоём
Не изыде из храмины присный твой брат.

(Не выходя из этого помещения, Князь Пётр обращается к брату, которого он видит за открытой дверью в хоромах Павла).

Пётр

Како скоро пришед от жены
Наперед мене zde обретется?

Павел

Никако же из храма сего
По отшествии твоём не изыдох,
У жены своя также не был.

Пётр

Се есть, брате, пронырство лукавого Змия:
В твоём виде является праведным людям...
Не иди ныне, брате, отсюда никако,
Аз же тамо иду биться насмерть со Змием,
С Божьей помощью будет тот бес убиен.

(Пётр быстро выходит и возвращается, держа в руке Агриков меч. Смело входит в покои снохи. Змий в образе князя выбегает за сцену. Пётр устремляется за ним с обнажённым мечом. Слышны звуки борьбы, лязг

меча, предсмертный стон Змия. Входит Пётр, на платье, лице и руках чёрная кровь Змия. Из-за кулисы на сцену падает дымящаяся шкура Змия).

Занавес закрывается

Картина третья

(Перед закрытым занавесом выходит с гуслими Боян, продолжая свой рассказ).

Боян

От той неприязненной змиевой крови
Покрылося струпьями княжево тело
Искаше врачей он в своих же владеньях,
Но ни один врач не мог исцелити.
Слышал же Пётр, что в рязанской земли
Много врачей есть умелых.
Себя повелел он туда повезти,
Бо немощен был сидеть на коне
От этой поганой болезни.
.....

И так привезён был в рязанскую землю...
Послал весь сансклит свой искати врачей.
А молодец юный из князевой свиты
Один пришед в весь, наречённую Ласково,
У крайнего дома ворота открыты,
И во дворе никого он не видит,
Тихо входит в тот дом,
Чтоб никто не услышал.

(Занавес открывается, на сцене крестьянская изба. Сидит девушка за ткацким станком, что-то напевает, юноша входит).

Февронья

Нелепо бытии дому без ушей
И храму без очей.

Юноша (в сторону)

Не внят в ум глагол тех...

(обращается к Февронье)

Где есть человек, иже zde живёт?

Февронья

Отец мой и мать
Пошли взаимы плакать,
А брат мой иде
Чрез ноги в глаза смерти зрители.

Юноша

Внидох к тебе,
Зря ты в работе,
Увидех как заяц по храмину скачет,
Услышах из уст твоих странны глаголы
Никаки сего не вем что речеши,
Ни слова единого не разумею.

Февронья

Сего ли не разумеши?
Прийдя в дом сей, в светёлку мою
И видев сидящу мя в простоте?
Аще был бы в дому нашем пёс,
То учуяв тебя, подходящего к дому,
Лаял бы на тебе:
Се бо есть дому уши,
Аще было бы в храмину отроча,
То увидев тебя сказало бы мне:
Се бо есть храму очи.
А еже сказах ти про мать и отца,
Яко мать и отец пошли взаимы плакать:
На погребение усопшего и тамо плачут.
А егда же по них смерть придет,
Инии по них учнут плакать:
Се есть заимованный плач.
Отец же и брат мои суть древолазы –
В лесу мёд пчелиный они собирают,
Брат ныне на тако же дело иде
И яко же лезти на древо в высоту,
То думает, как бы ему не урватися:
Что значит чрез ноги в глаза смерти зрители.

Юноша

Вижу ты, девице, мудрою суще,
Повеж ми ты имя своё.

Февронья

Феврония имя моё.

Юноша

Аз есмь в услужении князя из Мурома,
Князь Пётр в язвах, струпьях от змиевой крови:
Его же убил он своею рукою.
В своём удержаньи искал исцеленья –
Избавить никто не сумел от болезни.
Сюда повелел князь его привезти,
Яко слыша zde многа умелых врачей,
Токмо где их искати?
Имён их не знаем,
Жилищ их не вемы.
И всех вопрошаем.

Февронья

Аще кто бы потребовал князя к себе,
То навек мог Петра врачевати.

Юноша

Что глаголеши? Смеет ли кто
Потребовать князя к себе моего?
А кто уврачует – тому князь мой даст
Большое богатство в своём одержаньи.
Скажи только имя того мне врача,
Кто есть он и где он живёт.

Февронья

Приведеша князя Петра ты сюда,
Аще будет смирен,
Мягкосерден в ответах
Здрав будет.

Юноша

Князь мой хочет узнать,
Кто есть тот, кто излечит его?

Февронья

Излечу князя я, но не надо добра,
Аще бо мне не быти супруга ему,
То не тебе ми есть врачевати его.

(За сценой вновь голос Бояна).

Боян

И пришед человек тои, поведи Петру,
Что же рекла ему та девица.
Княже Пётр пренебрёг словесами ея,
Мысля: како мне взять
В жёны дочь древолаза?
И послал он опять к ней того же юнца.

(Опять привходит тот же юноша к Февронье).

Юноша (Февронье)

Князь велел передать:
Аще вылечишь – будешь супруга.

(Февронья, взяв небольшой сосуд, зачерпнула хлебной закваски, подула на неё).

Февронья

Приготовите князю вы баню,
Пусть он смажет все струпья и язвы,
Но один струп оставит на теле
И тогда будет здрав он и весел.

(За сценой голос Бояна).

Боян

Принесли князю мазь,
Приказал приготовить он баню.

.....

Но девицу в ответах хотел искусити,
Мудра ли она, как от юноши слышал,
Послал его снова к Февронье с наказом.

(Февронья за ткацким станком (напевает). Входит юноша).

Юноша

Посла князь сказать, что к тебе он глаголах:
«Си, девица хочет супругой ми быти
Не знатным богатством, а мудрости ради,
Аще мудра есть пусть из этого льна...

(Юноша даёт в руки Февроньи небольшой пучок льна).

Соткёт мне сорочку, порты, полотенце
За тот час, покуда я в бане пребуду».

Февронья

Взыди на печь нашу, возьми там поленце

(Юноша влезает на печь, достает полено, Февронья отмеряет на полене пядь).

И тут отски от поленца сего,

(Юноша отсекает кусок полена, отмерянный Февроньей).

Возьми сий утинок поленца сего,
Иди и отдай князю в руки,
Скажи: «В час, пока я сей лён расчешу,
Пусть же князь изготовит мне ткацкий станок,
И устройство, на чём я сотку полотно».

Юноша

Мыслю: князь мой ответит тебе:
«Невозможно в короткий тот час
Из такого утинка поленца
Сотворити ей ткацкий станок».

Февронья

А возможно ли мне из пучка сего льна
И в малу годину, пока будет в бане,
Сорочку, порты, убрусец сотворити?

Юноша

Мудра ты, девица, и всё, что глаголешь,
Поведаю я благоверному князю.

(Юноша уходит. Занавес закрывается).

Картина четвёртая

(Занавес открывается. Хоромы князя Павла. Павел и Пётр ведут между собой беседу).

Павел

Брате мой, ты открой мне тайную тайну:
Кто избавил тебе от смертельной болезни
И какие дары посулил ты врачеву?

Пётр

Дала мне помазание дочь древолаза,
Но дары дорогие она не прияла...
Обещал за леченье взять деву в супруги,
Да не смог я сдержать, брате, данное слово:
Посему и наказан всевидящим Богом –
Снова тело моё от злосчастливого струга
Разъедают зловонные язвы.

Павел

Возвратися к той деве на врачеванье,
Дай ей твёрдое слово, что станешь мужеви,
Аще будет девица гневиться,
Попроси у неё перед Богом прощение.

Занавес закрывается

Картина пятая

(За закрытым занавесом слышен голос Бояна).

Боян

Со стыдом подошед Пётр к знакомому дому –
Человека послал к ней, прося врачеванья.

(Занавес открывается. Светёлка Февроньи. Она всё так же сидит за ткацким станком. Входит знакомый юноша).

Юноша

Князь благоверный посла мя к тебе
С просьбой великой его врачевати.

Февронья

Аще буде ми княже супружник,
Уврачеван же будет навеки.

Юноша

Что скажу благоверному князю?

Февронья

В Петров день пусть за мною приедет,
Но в санях, а не в летней повозке.

Юноша *(удивлённо)*

Како летом в санях он приедет?

Февронья

Снег паде на леса и дороги –
Чистой жизнь наша будет вовеки!

Занавес закрывается

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

(Боян выходит на авансцену с гусями и поёт речитативом).

Боян

В день Петров снег засыпал обильно
Все поля и лесные дороги,
Пётр приехал в санях за Февроньей,
Чтоб супругу везти в град сей Муром.
И дивился народ предсказанью
Умудрённой от Бога девицы...

.....
Так и стала Февронья княгиней!
Жили смирно, по Божиим законам,
Помогая во всём честным людям.

.....
По мале же дни предреченный князь Павел
Отходит жития сего...

Пётр же по брате
Един самодержец бывает в сем граде.

.....
Бояре супругу Петра не любяху
За жизнь в доброденьствии,
Отданой Богу,
Клевещут Петру ради жен на Февронью.
Она же слова Иисуса хранила:
«Блажени вы есте, егда поносить будут вас

И гнать, изрекуть всяки золи глаголи
Неправедно ради Мене».

(Занавес открывается. Хоромы князя Петра. Пётр один, входят несколько бояр).

1-й боярин

Благоверный, жена твоя из-за стола
Без чину исходит: вегда бо ей встати
Взимает от трапезы крохи в ладошку,
Яко голодная... А не княгиня.

Пётр

Ты приносил мне сей злобный навет,
Проверил я то, о чём ты глаголишь.
Разжал пальцы ю: и не крохи в ладони –
Увидел ливан, фимиам благовонный.
И дни оттого ю не стал искушати...
А что ещё, любы боляре речете?

2-й боярин *(выходит вперёд)*

Хощем вси праведно, княже, служитьи,
Тебе в граде сем самодержцем имети,
Не хощем имети Февронью княгиней,
Господства ея над супругами нашими...
.....
А хощеши бытии у нас самодержцем,
Да будет женою ти ина княгиня,
Февронья же взем богатства довольно
Совсем отойдёт камо захочет.

Пётр *(со смирением)*

Спросите об этом Февронью.
Услышим, что скажет княгиня
По Божией воле.

(Открывается дверь, в хоромы входит Февронья, подходит к князю Петру).

3-й боярин

Княгиня Февронья,
Весь град и боляре
Глаголють тебе:
Дай нам то, что мы просим.

Февронья

Возьмите, боляре,
Вы то, что хотите...

Бояре *(единодушно восклицают)*

Мы убо вси князя Петра хощем бачыць
Одним самодержцем над всеми над нами,
Тебе ж не хотяхуть иметь наши жены
Своей госпожью.
Возьми же богатства
Себе сколько хочешь,
Иди куда знаешь,
Мы князю отыщем иную княгиню.

Февронья

Обещала вам дать то,
Что просите.
Вам глаголю:
И мне дайте, что попрошу.

1-й боярин

Мы клянёмся:
Всё то, что речеши,
Возьмеша себе без единого слова.

Февронья

Ничего я иного у вас не прошу,
Токмо мужа любимого,
Князя Петра.

2-й боярин

Аще сам всхощет так –
Мы перечить не станем...

3-й боярин *(в сторону)*

Яко аще не будет князь Пётр самодержцем
Да поставим инога властительным князем,

(радостно, с ликованием)

Стану сам в граде сем самодержцем!

Занавес закрывается

Картина седьмая

(На авансцену выходит Боян).

Боян

Блаженный же князь не взлюби самодержства,
Жил по Божиим законам, держашеся сих,
Яко люду вещал Богогласный Матфей
В благовестии своём: аще пустит жену
И оженится иною – прелюбы творит.

По евангелию князь поступил,
Чтобы Божий закон не нарушить,
Одержанье своё посчитал он убогим.

.....
Злочестиви бояре даша им суды –
Бяше под градом река под названьем Ока –
И поплыли они на судах по реце.

(Завес открывается. Берег Оки. В глубине сцены видно судно, на переднем плане – поляна. От судна идёт Февронья, за ней следует Некий человек, останавливаются).

Февронья *(в сторону)*

Человек приим помысл лукавого беса,
От жены же ушед на мене он воззрев.
Вижу помысл сей злой и хощу обличити.

(обращается к Некому человеку)

Справа судна воды из реки зачерпнул,
Слева судна испил ты воды из реки?
Равна есть ли вода аль одна из них слаще?

Некий человек

Есть едина вода, ты моя госпожа.

Февронья

Так едино есть женское естество,
Почто убо жену свою в судне оставив,
Мужатой прельщатися прилюбодейно?
«Всяк же воззрит на жену вождедлети
Любодействова с нею в сердце своём».

Некий человек

Вижу я твой прозорливости дар
И не смею о сем помышляти...

(Некий человек уходит. Февронья тоже уходит и потом появляется с князем Петром. Пётр садится на пенёк, Февронья подходит к нему).

Пётр *(в глубокой задумчивости)*

Како будет: я волей своею
Самодержства в сем граде лишился...

Февронья *(ласково)*

Не скорби, княже, милостив Бог,
Нас Творец в нищете не оставит...
«Блажени изгнани правды ради,
Ибо их есть Царствие Небесное».

(Слева на сцене повара начинают готовить князю вечерю, один из них втыкает в землю два черенка маленьких деревьев, на которые подвешивают котёл... Февронья, проходя мимо, произносит).

Февронья

Будуть к утру сии древца деревьями
С листвою, ветвями и тенью прохладною...

(Свет постепенно гасится, вечер переходит в ночь, потом постепенно загорается, наступает утро. Повара проснулись. Видят вместо жёрдочек большие деревья, все присутствующие удивляются).

Повар

Княгиня рекла:
Обртетоша древца
Древие ветви и листья имущие.
Чудо великое Бог сотворил...

(Неожиданно на берегу появляется группа бояр из Мурома, среди которых уже знакомые бояре).

1-й боярин *(походит к Петру, кланяется)*

Господи княже,
От всех же вельмож,
Ото всего града Мурома
Приидохом к тебе,
Не оставиши нас
Сирых своих,
Возратися в отечество.
Многи вельможи во граде твоём
От меча погибоша.
Кииждо их хотя сомодержствовать.
Сами ся изгубиша.

2-й боярин

А оставшии вси
С всем народом твоим
Молят тя,
Возратися во град, благоверный,
Аще мы не прогневах тя,
Не раздражихом,
Не хотяще господства княгини над нами,
Ныне с всеми дома мы раби твои есмы,
Княже, хоцем и любим,
И молим тебе
Не оставита раб своих сирых.

(Князь Пётр благословляет их).

Занавес закрывается.

Картина восьмая

(За закрытым занавесом голос Бояна).

Боян

Блаженный князь Пётр и княгиня Февронья
Возвратишася в град свой державствовать...

.....
Жили мирно,
По Божиим законам,
Без порока,
В молбах непрестанных,
Милосердно
Ко всем простым людям,
Аки чадолюбивии мать и отец.

(Занавес открывается. Хоромы князя Петра. Пётр и Февронья стоят на молитве перед иконой в красном углу. После молитвы крестятся, кланяются друг другу. В это время входят трое странников – калики переходные).

Пётр

Куда и откуда вы держите путь
И что привело вас
В наш град благодатный?

1-й калика переходный

Слухом великим полнится Земле,
Праведны люди про Муром поведали:
Беста ко всем любовь равну имуще,
Не любящи гордости, ни граблениа,
Беста бо граду вы истинна пастыри,
А не наёмники с яростью правящи.
«Блажени миротворцы:
Ибо они сынове Божии нарекутся».

2-й калика переходный

Странников же приемлюще,
Алчныя насыщающе,
Нищих, нагих одевающе,
Бедных от напасти избавляюще.
«Блажени кроцыи:
Ибо они наследуют землю».

Февронья (милостиво)

Чем же помочь вам, любы калики?
«Не заботьтесь и не глаголюще:
Что нам есть или что нам пить?
Или во что одеваться?..
Отец ваш Небесный

Знает, что вы имеете нужду
Во всём этом.
Ищите же прежде
Царствия Божия и правды Его,
И это всё приложится вам».

3-й калика переходный

Ничего нам не надо от вас, благоверных,
Хощеши зреть нам святых на земли –
Истых молитвенников на небеси...
«Так да светит свет ваш перед людьми,
Чтоб увидели добрые ваши дела
И прославляли Отца вашего на небесех».

(Кланяются и уходят. Пётр остаётся с Февроньей)

Февронья (задумчиво)

Княже, помнишь что рекл нам Христос?
«...Уподоблю мужу благо разумному,
Который построил дом свой на камне;
И пошёл дождь, и разлились реки,
И подули ветры, и устремились
На дом тот и он не упал,
Потому, что основан на камне».

Пётр (уверенно)

Помню, любя супруга моя.
«А кто слушает сии слова Его
И не исполняет их,
Уподобится человеку безрассудному,
Который построил дом свой на песке;
И пошёл дождь, и разлились реки,
И подули ветры, и налегли на дом тот;
И он упал, и было падение его великое».
Знаешь ты,
Что на камне основан наш дом.

(Пётр уходит. Февронья остаётся одна. Входят три женщины-крестьянки с малышами детьми).

Февронья (любезно)

Что привело, вас ко мне, горемычные,
Аль какая беда приключилася?

1-я женщина (с причитанием)

Вся земелька иссохла, княгинюшка,
Нет дождей, помолись, благоверная,
Попроси Бога нашего рожь полёгшую
Оросить благодатною влагою.

2-я женщина *(падает на колени, причитает)*

Аще будет жара та бесовская,
Нашим детушкам хлеба не бачыти,
Господеви мольбы ваши слушает...
«Блажени милостиви,
Яко ти помиловании будуть».

3-я женщина

Спаси, Господи, любящих тя.
«Блаженни чистые сердцем,
Ибо они Бога узрят».

Февронья

Со слезами мольбы Богу нашему
Вознесу в небеса, горемычные...
«Блажени плачущие,
Ибо они утешатся».

(Женщины уходят вместе с Февроньей).

Занавес закрывается.

(Голос Бояна за сценой).

Боян

И так времени многа прейдоша...

(Занавес открывается. Хоромы князя, почти ничего не изменилось. Вновь Пётр и Февронья стоят на молитве, заметно постаревшие. После окончания молитвы входят трое знакомых бояр, тоже постаревших).

1-й боярин

Княже, ты не щадяше имений своих
Раздаёшь всем, кому не потребуется:
Чтишь излиха ты чернечский чин,
Подая им еже на потребу,
Церкви зижя, иконами их украшая.

Пётр

«Не собирайте сокровищ себе на земле,
Но собирайте сокровища на небесех,
Ибо где сокровище ваше,
Там будет и сердце ваше».

2-й боярин

Хощешь ты самодержство оставить своё,
Удалиться с женой в монастырь?

Пётр

«Сказано: будите убо вы совершени,
Якоже совершен Отец наш небесный».

3-й боярин

Княже, просим тебе не оставить нас сирых,
Будем далее верой и правдой служить,
Токмо будь нашим князем единым.

Пётр *(уверенно)*

Не могу же бояре я княжить у вас:
Мы уходим с княгиней в монастыри
Замолять перед Богом земные грехи.

(Бояре медленно и понуро уходят).

Занавес закрывается

Картина девятая

(Перед закрытым занавесом на авансцену выходит Боян, продолжая своё повествование).

Боян

Егда же приспе преставление их,
Умолиша Бога, да чтоб в час един
Смиренно ко Господу им отойти...

.....
Завещано ими во камне едином
Учредити два гроба, но токмо
Преграду имуще между собою.
Облекошася сами в единое время
Во монашески ризы любы супруги.
Наречен бысть блаженный князь Пётр
В чине иноческом Давидом,
Ефросинией бысть нареченна
Преподобная же Февронья.

(Занавес открывается. Монашеская келья, в монашеском облачении преподобная и блаженная Февронья, нареченная Ефросинией, вышивает своими руками лики святых на «воздухе» (покрывало для церковной чаши) для Храма Пречистой Соборной церкви. Входит молодой инок).

Инок

Прислал мене брат, нареченный Давидом.
«Сестро Ефросинья – тебе он глаголет –
Хощу же уже отойти я от тела,
Но жду тебе, яко да купно отидем...»

Ефросиния

Скажи господину, пусть подождёт,
Пока я дошью «воздух» в церковь святую.

(Инок уходит, Ефросиния продолжает вышивать. Вновь появляется инок).

Инок

Послал во второй раз к тебе брат Давиде.
Уже совсем мало тебя может ждать он
И просит скорее закончить работу.

Ефросиния

Скажи ему, брате, немного осталось,
Пусть ждёт, без мене не отходит ко Богу.

(Инок уходит, Ефросиния продолжает вышивать. Вновь появляется инок).

Инок

Уже в третий раз я пришёл от Давида,
Преставиться хочет, тебе ждать не может.

Ефросиния

Иди и скажи ты братове Давиду:
Ко Господу Богу мы купно отидем.

(Ефросиния воткнула иглу свою в «воздух», обернула её ниткой, которой шила. Встала на молитву).

Свет постепенно гасится, занавес закрывается.

(На авансцену выходит Боян).

Боян

По их преставлении люди хотеста
Блаженного князя Петра схоронити
У церкви соборной внутри Мурома града,
Февронью –
У церковки той монастырской
Вне града.
Особии гроби им учредиша,
Бо негодно в монашеском чине
В гробе едином святых положить.
В особи гробы телеса их вложиши
Поставиша в разных церквах отпевати.

Общий же гроб, но пустой, оставался
В церкви соборной внутри Мурома града.
Поутру люди, пришедшие в церкви,
Те же гробы увидали пустыми –
В гробе едином святых обретоша
В церкви соборной внутри Мурома града.

Неразумный народ не поверив в се чудо
Телеса их в особны гробы преложиша...

Утром опять совершилося чудо:
Поутру люди, пришедшие в церкви,
Те же гробы увидали пустыми –
В гробе едином святых обретоша
В церкви соборной внутри Мурома града.

Больше не смея к святым прикоснуться
Так их оставили в гробе едином...

(На авансцену выходит Ведущий).

Ведущий

Святые благоверные
Пётр и Февронья
Муромские чудотворцы
Были канонизированы
На Церковном Соборе 1547 года.
Мощи их покоятся
В Свято-Троицком женском
Епархиальном монастыре
Города Мурома.
История жизни
Святых благоверных
Петра и Февроньи
Интересна и нашим современникам,
Она стала настоящим гимном
Супружеской верности и любви.
В России 8 июля отмечается
День Петра и Февроньи Муромских,
Как День Любви и Верности.

(Ведущий уходит).

Конец

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

ЕВГЕНИЙ ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области в семье агронома и учительницы. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года проходил военную службу (Амурская флотилия, Тихоокеанский флот). Работал в прессе (газеты «Волжский комсомолец», «Волжская коммуна»). Окончил Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнесуправления (США). Профессор Московского государственного педагогического университета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Юноше, обдумывающему жизнь

Из опыта молодёжного эссе

*Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?*

Александр Грибоедов. «Горе от ума».

*Хороший отец – один из самых невоспетых
и незамеченных, и в то же время один из самых
ценных активов в нашем обществе.*

Билли Брэм. Из проповедей.

1.

На необъятной нашей земле,
Веками верша свой раут,
И дома отцы, и в самом Кремле
Отроков наставляют.

А если отец ещё и герой,
Но сердце отрока ранит,
Когда отец – да, бывает порой,
Совсем на героя не тянет.

А если отец уж совсем не тот,
Если совсем подонок
И, извините, совсем идиот,
Что скажет о нём потомок?

2.

Вёсны надменно придут и уйдут,
Снега прилетят и растают.
Так вот и дети – юный наш люд –
На наших глазах вырастают.

Общаясь с ними не первый год,
С этим журчащим роем,
Спрошу, однако, на что он пойдёт,
И за каким героем?

Герои всегда и везде впереди,
Их уважают и любят,
Герои – они и наши вожди,
За ними – люди и люди.

Бывает, однако, и так:
Уходит по тихой эпоха,
И что было ярким, как флаг,
Стало бессовестно плохо.

3.

Вставал над Россией багряный рассвет
Красной Советской республики,
И призывал горячо поэт
В своей атакующей рубрике:

«Юноше, обдумывающему жизнь,
Решающему – сделать бы жизнь с кого,
Скажу не задумываясь – “Делай её
С товарища Дзержинского”».

Но время свершило крутой поворот.
Уж кто-то твердит по телексу:
«Теперь, господа, уже не идёт
Железный памятник Феликсу».

4.

И кто же тогда достойный пример?
Может, и брать его не с кого?
Юнцу говорят: на себя примерь
Кого? Александра Невского.

Да, в жизни подчас – потрясающий кадр,
История дарит окна:
К нам в XXI сам Александр.
Прекрасно! Давайте его к нам!

В 16 лет – новгородский князь,
В 20 – военный имидж.
Нева перед ним во всю ширь разлилась,
Герою дала своё имя.

В час грозный не только одна Нева,
Не только бойцы его рати,
Земля услышала святые слова:
«Не в силе наш Бог, а в правде».

А правда зовёт и силы даёт,
И жизнь за неё – что больше?
Князь ратников русских ведёт
На том, на Ледовом побоище.

5.

А я бы к нему ещё одного
Добавил, поставил бы памятник,
Ведь помнят же, помнят имя его
На поле у Дона камни.

В 10 лет он московский князь.
Суровое было время.
Считали: от Бога дана ему власть.
И вытянул он это бремя.

Сердцем слыша Родины зов,
Черпая силы в правде
И с ней побеждая врагов –
Как на Дону и Непрядве.

Так посланные судьбой
Суровые годы пройдены.
И князь Димитрий Донской
Живёт в истории Родины.

6.

Ещё пример – это Пётр.
В нём что-то шло от мессии.
Такой как он патриот
Был ли ещё в России?

10 лет – и уже царь.
И все свои годы правитель,
Ведущий в незримую даль.
Мотор и моральный лидер.

Таких вот брать в образцы
И молодым, и старым.
Пусть учат на них отцы,
Дающие мудрость малым.

7.

Учатся быстро юнцы
В духе мальчишеской ярости.
А спросим, как их отцы,
К своей приближаясь старости?

Старший – всему голова,
Всеми опора несущая,
И он, конечно, глава
Всего в государстве сущего.

Хорошо, когда это Пётр,
Живой Александр Невский
Или Димитрий – живой патриот
В идущем от Дона блеске.

8.

В России хватало идей,
Что б со страной ни стало.
А вот полноценных вождей
Нам не всегда хватало.

XX век – времена
Тяжёлых сражений и славы.
На них держалась страна
И сохранялась держава.

Но в 21-м забыт,
Кто поднял красное знамя.
Кто в праздник щитами забит –
Прячут от нас с вами.

Обруган, с кем шли в бой,
Страну защищая, деды.
Вражьи знамёна к его ногам
Бросали в тот День Победы.

Взяли своё ветряки –
Трещащие старые мельницы,
Умом и душой старики,
Они – Горбачёвы и Ельцины.

Что строилось тысячу лет,
По брёвнышку, камню лепили.
А эти сказали «нет».
Взяли и развалили.

9.

Спросили людей, и ответил народ –
Из каждого слова било:
Ничто иное нам не идёт,
Оставьте как есть, как было.

То – воля народа. И что власть?
Она как всегда на взводе.
Но тут-то за дело взялась?
Под стражу взяла, кто против?

Не задержали тех алкашей,
Кто выдал в той тёмной пуще
Продукт алкогольных ночей:
Великий союз распущен.

А дальше – девятый вал:
Путное крылось беспутным,
Пока этот дикий развал
Не остановлен Путиным.

Что ждёт нас? Придёт ли пора –
Вернётся ли то, что оставлено?
Нам бы – к границам Петра,
А лучше – к границам Сталина.

Юным, обдумывающим житьё.
Желая прожить красиво,
Землю и небо – только её,
РОССИЯ! Только РОССИЯ!

ЮБИЛЕЙ

Николай ГОЛОВКИН

Посвящается 100-летию со дня рождения
Юрия Александровича Полякова

«Я умру, но не весь...»

18 октября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Юрия Александровича Полякова, выдающегося российского историка и демографа, доктора исторических наук, академика Российской академии наук.

Год российской истории

Символично, что 2012-й, последний год жизни академика Юрия Полякова, именно по его инициативе был объявлен президентом России годом российской истории.

Николай Алексеевич Головкин – поэт, прозаик, публицист. Автор девяти книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Член Союза писателей XXI века. Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде. Окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Лауреат Международного Рубцовского конкурса «Звезда полей», VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Публиковался в литературных альманахах, журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Болгарии. Награждён орденом «За службу России».

Живёт в Москве и Дмитрове.

Юрий Александрович Поляков

Тогда в России отметили 1150-летие создания Русского государства, 770 лет со дня Ледового побоища, 400 лет со дня освобождения Москвы от поляков ополчением князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, 200-летие Отечественной войны 1812 года, другие юбилейные даты.

Создатель авторитетной научной школы

Академик Юрий Поляков, создатель авторитетной научной школы, чьи труды изданы на многих иностранных языках, отдал служению науке более 60 лет жизни.

Его научное наследие – свыше 650 научных публикаций, в том числе десятки монографических исследований, посвящённых переломным периодам отечественной истории – Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР, восстановительному периоду, истории советского крестьянства.

А среди многочисленных статей Юрия Александровича есть, в частности, и статьи по геральдике, которой он серьёзно интересовался и профессионально этим занимался.

Он собрал большую коллекцию гербов различных государств, где побывал на международных научных конференциях, древних городов России. Гордился этой коллекцией, мог подолгу увлечённо рассказывать гостям о своих раритетах.

«<...>Трудам Ю.А. Полякова принадлежит одно из первых мест среди работ крупнейших мастеров исторического слова, – считает доктор исторических наук Сергей Морозов. – <...> Язык произведений Ю.А. Полякова великолепен в исследовании, точен, прост и красив в анализе. Слог его трудов прекрасен, богат, ярк и эмоционален. Стиль его превосходен в учебниках, статьях и монографиях.

<...>Живость, яркость, образность, красота свойственны и устной речи Юрия Александровича. Лекции, доклады, будничные деловые выступления – всё без исключения, что я слышал десятки раз – всё запоминалось, вызывало восхищение. Запоминались его голос удивительного тембра, эмоциональная приподнятость, безукоризненная дикция<...>».

«Учитель, перед именем твоим...»

Большого уважения заслуживает и плодотворная педагогическая деятельность Юрия Александровича в различных вузах, аспирантуре и докторантуре.

...Юрий Александрович и сам никогда не забывал тех, кто помог сформироваться ему как учёному.

Из его учителей, оказавших на него наибольшее воздействие, Юрий Александрович всегда называл академиков Михаила Николаевича Тихомирова, Милицу Васильевну Нечкину, Владимира Михайловича Хвостова.

Дядя Юра

Юрий Александрович с самого детства и до нынешних моих седин был для меня просто дядей Юрой. Так с любовью, уважительно называют родных людей. И Юрий Александрович, у которого я многому научился и чьи уроки

любви к своему делу, доброго отношения к людям я никогда не забуду, всегда был для меня близким человеком.

Его мама Лидия Евгеньевна Полякова (Ершова) была старшей сестрой моего деда Николая Евгеньевича Ершова, а моя мама – профессор, доктор педагогических наук Евгения Николаевна Ершова (1924–2017) – двоюродная сестра дяди Юры. Вот уже более полувека наши родственные семьи поддерживали и поддерживают тесные, тёплые отношения.

Штрихи к портрету

Не верится, что Юрия Александровича нет с нами, что больше не увижу его, не услышу голос по телефону... Но, слава Богу, несколько мгновений из его долгой жизни сохранены в видеофильме, снятом по заказу его родных и близких к 90-летию со дня рождения.

И через эти запечатлённые мгновенья профессионально и ярко показан портрет незаурядной личности. Рассказывая о времени и о себе, трудностях и победах, герой в кадре, – а они сняты на даче близ Звенигорода, – не позировает, а прост и непринуждён, даёт взвешенные, мудрые оценки.

Всё здесь, в фильме (эти мгновения складывались не из одного съёмочного дня), привлекает, располагает – и живой, острый ум Юрия Александровича, и его тонкий юмор и самоирония, и умение заинтересовать слушающих и смотрящих своим рассказом...

Перечитываю подаренные им книги, рассматриваю фотографии. Вспоминаю наши встречи и беседы с Юрием Александровичем разных лет – и у них с Александрой Яковлевной в гостях, на улице Дмитрия Ульянова, (здесь же, всего через несколько кварталов, и его институт), и в институтском рабочем кабинете.

Юрий Александрович Поляков в рабочем кабинете

Не верится, что он не войдёт больше в свой кабинет, где постоянно обсуждались острейшие проблемы современной исторической науки, велись горячие дискуссии, куда приходили и приходили многочисленные посетители, коллеги и ученики. Не верится, что этот кабинет с большим столом, на котором постоянно появлялись новые книги и хозяйина, и гостей, стал в 2013-м мемориальным.

Архивы были их родной стихией

Во время одной из последних наших встреч, в апреле 2012 года, в кабинет к Юрию Александровичу заглянул, чтобы пригласить на свой 90-летний юбилей, другой выдающийся историк нашего времени – академик РАО, сын легендарного полярника, путешественника и учёного О.Ю. Шмидта Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013).

Юрий Александрович представил меня ему, и Сигурд Оттович, улыбнувшись, с большой теплотой стал говорить о моём покойном отце – ифлийце, известном в СССР историке-архивисте Алексее Владимировиче Головкине (1918–1992), с которым они встречались в разные годы и в Московском историко-архивном институте (ныне в составе РГГУ), и в архивах, и на научных конференциях...

Да, архивы были их родной стихией: и Юрий Александрович, и Сигурд Оттович, и мой отец, возглавлявший Главное Архивное управление при Совете министров Туркменской ССР, не раз писали и говорили о том, что архивы и документы, на которые они постоянно опирались в своих публикациях, – это «золотая кладовая исторической науки, культуры страны».

Николай Головкин и Юрий Поляков в рабочем кабинете

Сигурд Оттович Шмидт в гостях у Юрия Полякова

Помни имя своё

Юрий Александрович всю жизнь не только посвятил отечественной истории, но и изучению своей родословной. И это – несмотря на то, что о своих корнях в силу известных причин и говорить, и писать было невозможно. А ему как историку и члену партии – тем более.

До поры до времени Юрий Александрович делал это тайно, сберегая то немногое, что сохранилось в их семье, а также собирая по крупицам всё, что можно было отыскать в архивах, библиотеках, музеях ...

Уже в постсоветское время увидели свет его книги воспоминаний «Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка», где есть и главы, посвящённые родословной.

...Прадед Юрия Александровича по отцовской линии – известный фабрикант Александр Яковлевич Поляков (1826–1907). В 1886 году им было основано «Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова», объединившее несколько подмосковных производств.

Тогда же Александр Яковлевич покупает и разорённую усадьбу близ Красногорска – Знаменское-Губайлово, одну из интереснейших подмосковных усадеб, история которой известна с начала XVII века.

Александр Яковлевич был купцом нового поколения и хотел, чтобы его дети имели хорошее образование. Так и случилось.

Особенно ярко это видно на примере судьбы Сергея Александровича Полякова (1874–1943) – известного мецената, издателя начала XX века, основавшего издательство «Скорпион», создавшего литературный журнал «Весы», совладельца Товарищества, последнего владельца усадьбы.

Окончив 6-ю московскую гимназию с золотой медалью, в которой в те же годы учился Иван Сергеевич Шмелёв, будущий великий русский писатель, Сергей Александрович поступил на физико-математический факультет Московского университета. Во время учёбы слушал отдельные лекции на историко-филологическом факультете, посещал курсы по литературе, изучал иностранные языки.

«Серебряный век», как мы называем этот период русской литературы, во многом обязан своим расцветом усадьбе Знаменское-Губайлово, образно названной внучатым племянником Сергея Александровича Юрием Александровичем Поляковым Московским Парнасом.

И это справедливо: ведь здесь в конце XIX – начале XX века бывали Брюсов, Белый, Бальмонт, Балтрушайтис, другие поэты-символисты.

Особенно часто гостил Бальмонт, который, как рассказывал мне Юрий Александрович, был связан с Поляковыми семейными узами.

...В статье «Памяти Юрия Александровича Полякова» один из его

друзей, выдающийся математик, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РФ Виктор Павлович Маслов пишет:

«<...>Родственный клан суконных фабрикантов Поляковых, издателей Сабашниковых и домовладельцев Андреевых породил на стыке XIX и XX веков поколение детей, которые предпочитали заниматься наукой, литературой и искусством. Это были, например, Екатерина Александровна Андреева (жена поэта К. Бальмонта), Маргарита Васильевна Сабашникова (жена поэта М. Волошина) и, наконец, дядя Юрия Александровича – Сергей Александрович Поляков. Последний – математик по образованию, полиглот, знавший 15 языков, переводчик, был меценатом, издававшим знаменитые ныне литературные журналы “Скорпион”, “Весы”, “Северные цветы”.

<...>Как мне рассказывал Юрий Александрович, именно пример дяди Сергея заразил его интересом к научному знанию и увлечённостью гуманитарными науками. Так что сказались не только гены, но и непосредственное влияние.

Эти корни бескорыстной увлечённости передались Юрию Александровичу, который отдал свою жизнь большой, глубокой науке».

Автограф Шаляпина

Но, конечно, и гены рода матери Юрия Александровича, бабушка которого Евгения Андреевна Ершова была до революции хористкой Императорского (Большого) театра, безусловно, тоже оказали своё влияние.

В личном архиве дяди Юры многие годы хранилась семейная реликвия – фотография Фёдора Ивановича Шаляпина с автографом великого певца.

Однажды, показав фотографию, Юрий Александрович рассказал мне такую историю:

«31 декабря 1900 года состоялся новогодний утренник для детей артистов Большого театра. Была там и моя мать, Лидия Евгеньевна Ершова, тогда тринадцатилетняя гимназистка 5 класса гимназии С. Арсеньевой и ученица открывшегося пять лет назад музыкального училища сестёр Гнесиных.

На утренник пришёл солист Большого театра Шаляпин. Двадцатисемилетний артист, второй год певший на его сцене, был любимцем труппы. Уже широко известный, он оставался приветливым, открытым, дружелюбным, демократичным.

Фёдор Иванович стал душой утренника, много пел, шутил, без устали танцевал с прославленными примадоннами и юными балеринами.

Вальсировал он и с гимназисткой Ершовой. И вот бесценный подарок – фотография певца с размашистой подписью «Милой барышне Лидочке Ершовой на добрую память. Фёдор Шаляпин. 31/12-1900 г.».

...Продолжение этой истории – семейный анекдот, который мне также рассказывали и Юрий Александрович, и моя мама.

Брат Лидочки Николай (Николай Евгеньевич Ершов, 1891-1953), мой родной дед, который был младше сестры на два года, позавидовал ей. Однажды, оставшись дома один, он «исправил» автограф знаменитости: «Милому боярину Коленьке Ершову...».

Конечно, шалость в конце концов обнаружили. Автограф как-то был восстановлен.

В «городе хлебном»

Судьба Юрия Александровича, как и судьба нашей семьи, оказалась тесно связанной со Средней Азией. Поэтому я не удивлялся, когда встречал у него дома или в институте его учеников из Узбекистана – аспирантов и молодых учёных, которые уже успели сказать своё слово в науке.

Да, их земля была для него не чужая. Юрий Александрович родился 18 октября 1921 года в Ташкенте, куда в годы Гражданской войны переехала из Москвы семья Поляковых. Отец Юрия Александровича Александр Васильевич Поляков был прекрасным хирургом. Поэтому с его опытом он нашёл здесь работу.

Позднее в «город хлебный» к семье племянника перебрался Сергей Александрович Поляков. О том, как много дало ему общение с дядей Серёжей, прежде всего, в выборе жизненного пути, профессии, Юрий Александрович рассказывает и в своих воспоминаниях, и в видеофильме.

Именно тогда сформировался и его высокий литературный вкус, который я ощущал неизменно в наших беседах.

...Старшая сестра его матери Софья Евгеньевна писала и писала из Москвы письма, просила Лидочку вернуться.

Лицей в Сокольниках

По возвращении в Москву Лидия Евгеньевна с Юрием (у старших двух её сыновей была уже своя судьба) жили в малюсенькой комнатке в коммуналке. Лидочка, некогда вальсировавшая с Шаляпиным, грезившая миром музыки, из-за серьёзной болезни не стала певицей и музыкантом. Чтобы заработать на жизнь, она, как инвалид, трудилась надомницей, в частности, изготавливала ёлочные украшения. В этом помогал ей и сын.

По окончании школы Юрий Александрович, как отличник, мог выбрать любой факультет, но выбрал исторический.

В 1940 году он поступил на исторический факультет Московского института философии, литературы, истории (ИФЛИ) имени Н.Г. Чернышевского, созданный в 1931 году.

ИФЛИ (вспоминая Пушкина) называли Лицеем в Сокольниках. Именно здесь, прямо в лесу, находился этот легендарный институт – лучший гуманитарный вуз того времени, воспитавший целое поколение советской интеллигенции – известных историков, философов, литературоведов, писателей.

Сама атмосфера ИФЛИ, по признанию его питомцев, располагала к поэзии. Среди ифлийцев – Александр Твардовский, который был старше других, Семён Гудзенко, Павел Коган, Юрий Левитанский, Давид Самойлов.

В аспирантуре ИФЛИ учился Константин Симонов, но недоучился – отправился военным корреспондентом на Халхин-Гол.

«Особая атмосфера ощущалась в институте даже в обеденную перемену, – вспоминал Юрий Александрович, – девушки у окна напевали мало ещё известную тогда, но ставшую нашим гимном, сочиненную ифлийским поэтом Павлом Коганом «Бригантину», одна группа студентов в коридоре ожесточённо спорила о новом фильме, а другая слушала юного пиита, вдохновенно декламировавшего свои стихи».

МГУ

Осенью 1941 года Юрий Александрович вместе с другими ифлийцами, в том числе Дмитрием Владимировичем Сарабьяновым (он стал известным искусствоведом, академиком, 1923-2013), был на строительстве оборонительных рубежей под Москвой.

Из воспоминаний моей мамы – профессора Евгении Николаевны Ершовой:

«<...> В середине ноября 1941 года папа получил открытку из Москвы от сестры Лидии Поляковой. Она писала, что её младший сын, студент II курса ИФЛИ, Юрий Поляков, вместе с МГУ отправляется в эвакуацию в Ашхабад.

“Зная твоё доброе сердце, – писала тётя Лида, – верю, что ты его примешь как родной отец”.

По решению Государственного Комитета обороны об эвакуации МГУ в конце октября – начале ноября 1941 года, в тяжелейшие для столицы дни, из Москвы в Ашхабад стали отправляться эшелоны с семьями профессорско-преподавательского состава, аспирантами и студентами, сотрудниками.

Первая группа эвакуированных выехала 22 октября (некоторые студенты вначале даже шли пешком), а встретили мы их только 6 декабря. Вторая группа покинула Москву в ноябре и, преодолевая неимоверные трудности, попала в Ашхабад в начале января 1942 года.

В январе 1942 года на всех факультетах МГУ начались занятия. Перед этим, уже в Ашхабаде, в декабре произошло слияние ИФЛИ с МГУ. <...> Письма из Москвы от тётки Лиды приходили довольно часто. Всю войну она провела здесь, и впоследствии была награждена медалью “За доблестный труд во время Великой Отечественной войны”. Как-то раз тётя Лида написала:

“Сегодня раскололи Юрины лыжи – вдоволь с Соней (её сестрой – Е.Н. Ершова) смогли попить горячего чайку...”.

...После Ашхабада эвакуация МГУ продолжилась осенью 1942 года в Свердловске, откуда в 1943-м главный вуз страны вернулся в Москву.

В своих мемуарах и в видеофильме Юрий Александрович вспоминает о зиме 1942 года в Свердловске, когда он работал на оборонном заводе, продолжая занятия в эвакуированном МГУ.

В 1945 году он окончил исторический факультет МГУ. С 1949 года Юрий Александрович работал в институте истории СССР АН СССР, позднее преобразованном в два института – отечественной и всеобщей истории. Параллельно долгие годы он преподавал в своей альма-матер.

Настольные книги историков

Среди известных трудов академика Юрия Полякова – «Гражданская война: взгляд сквозь годы», «Переход к нэпу и советское крестьянство», которые вошли в золотой фонд российской историографии.

Юрий Александрович продолжал изучение и наиболее актуальных и дискуссионных проблем истории, опубликовал монографии «Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки», «Историческая наука: люди и проблемы».

Эти и другие исследования, которые отличаются смелой постановкой новых проблем, взвешенными оценками событий, будируют мысль, порождали и порождают дискуссии.

В своих трудах академик Юрий Поляков старался придерживаться такой позиции:

«Мы, историки, ответственны за написанное неправдиво, за ненаписанное, несказанное и недосказанное. Каждый из нас лично ответственен. Каждый – не только тот, кто продолжает писать правду, или полуправду, но и тот, кто может написать правду, а не пишет» (Поляков Ю.А. «Наше непредсказуемое прошлое». М., 1995).

...Юрий Александрович, как я уже отмечал выше, подготовил и выпустил книги воспоминаний «Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка».

Первая книга его воспоминаний посвящена событиям начала 1920-х – конца 1940-х годов, свидетелем и непосредственным участником которых он был, – новая экономическая политика, 1930-е годы, Великая Отечественная война. Юрий Александрович даёт свои оценки глобальных событий, происходивших в СССР и накладывавших свой отпечаток на быт советской семьи и повседневную жизнь его – школьника, студента, труженика тыла и молодого исследователя, на глазах которого творилась сама история.

Вторая книга его воспоминаний посвящена событиям второй половины 1940-х – начала 2010-х годов – суровому послевоенному времени, идеологическим баталиям, борьбе с «культом личности», общественной «оттепели», «застоем», а также научным изысканиям, сотрудничеству с известными отечественными и зарубежными историками.

«В 2011 г. Юрий Александрович Поляков переиздал мемуары “Минувшее. Фрагменты”, – отмечает доктор исторических наук Валентина Жиромская. – Они вызвали бурный интерес и дискуссию в научных кругах. Автор пишет о своих предках – Прохоровых-Поляковых и Ершовых, о собственной жизни в Ташкенте и Москве, о тех событиях, непосредственным участником и свидетелем которых он был.

Он рассказывает о своем узбекском детстве, о 30-х годах, о Великой Отечественной войне, о работе в “Комсомолке”, о зигзагах “оттепели” и других событиях.

Не обходит он вниманием идеологические баталии конца 1940-х – начала 1950-х годов, которые коснулись его самого и его коллег в Институте истории СССР.

Он высказал своё мнение по ряду спорных вопросов, вызвавших широкие и острые дискуссии, продолжающиеся порой до настоящего времени.

В книге содержится много полемических моментов. Для её написания Юрий Александрович собрал значительный архивный материал...».

Демография и наши потери в Великой Отечественной

Юрий Александрович стоял у истоков зарождения исторической демографии, экодемографии, истории российской повседневности. Под его руководством и при активном авторском участии создавалась первая в нашей стране история российского населения в XX веке.

И прежде, конечно, в своих исследованиях, в частности, в работах по истории Гражданской войны, он уделял внимание проблемам населения.

«Я занимался историей Гражданской войны», – рассказывает Юрий Александрович. – Моя кандидатская диссертация была посвящена Москве в годы Гражданской войны. Меня заинтересовало, какова была численность населения Москвы. Затем я стал заниматься аграрной тематикой, и моя докторская диссертация была посвящена переходу к НЭПу и советскому крестьянству».

Начиная с 1980-х, в его научном творчестве – например, в монографии 1986 года «Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население» – интерес к демографической стороне исторических процессов становится особенно выраженным.

В начале 1980-х Юрию Александровичу принадлежала инициатива создания при отделении истории АН СССР Комиссии по исторической демографии и исторической географии.

Комиссия во главе с Ю.А. Поляковым была создана весной 1983 года, а уже осенью того же года журнал «Вопросы истории» опубликовал материал о важнейших проблемах развития этой области исторического знания.

В 1984 году Комиссия была преобразована в Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии, который объединил немногочисленных тогда специалистов в этих областях.

Совет провёл ряд Всесоюзных и Всероссийских конференций по исторической демографии, география которых охватывала города РСФСР и других союзных республик. На многих из этих научных форумах, позволивших поднять на высокий уровень изучение историко-демографических проблем, Юрий Александрович выступал с докладами теоретико-методологического характера.

Занимаясь этим новым, чрезвычайно важным направлением, Юрий Александрович принимал участие, в сотрудничестве со специалистами Госкомстата СССР, Министерства обороны СССР и МГУ, в исчислении людских потерь за годы Великой Отечественной войны.

«Было много споров о потерях населения СССР в Великой Отечественной войне, – отмечал в одном из интервью Юрий Александрович. – В один из юбилеев Победы Ельцин озвучил цифру в 26,2 млн. человек. Знаете, почему? Слышали ли вы фамилию Волкогинов? Он был директором Института военной истории, готовил доклад Ельцину в 1995 году. Ельцин попросил привести данные о потерях. Волкогинов позвонил мне. Мы как раз проводили конференцию (все её материалы опубликованы).

Я ответил Волкогинову, что все сошлись на том, что потери в войне превышают 26 млн. человек. Волкогинов мне рассказывал, что он сообщил об этом Ельцину, а тот в ответ сказал: «Нужна точная цифра».

Волкогинов, не долго думая, сказал: “26 млн. 247 тыс“, – придумав, взяв с потолка последние цифры, и эти данные теперь часто публикуются».

Работы Юрия Александровича – монографии, статьи, доклады – имели определяющее значение для исследования исторической демографии в системе наук.

Это способствовало созданию в 1992 году в Институте истории РАН Центра изучения истории территории и населения России, а в составе этого Центра – творческой группы по исторической демографии.

Такой подход объединяет историков, демографов, антропологов, экологов, этнографов, медиков, физиков...

Юрий Александрович разрабатывал теоретическую базу двух новых направлений исторических исследований, также близких к кругу интересов демографии – «Историческая экология» и «Человек в российской повседневности». Юрий Александрович буквально жил этим.

«Демография, – подчёркивал он, – это наука о человеке, и у нас до сих пор идут споры, должна ли историческая демография включать только формальные цифры о смертности и рождаемости, или же она должна включать и анализ социальных вопросов. С одной стороны, нельзя расширять историческую демографию до бесконечности, но, с другой стороны, нельзя забывать и об изменении социально-политической ситуации. Вы же понимаете, как много значит, в каких условиях рождается ребёнок, в каких живёт. Сейчас в стране

несколько выросла рождаемость, но всё равно смертность превышает рождаемость, по-прежнему высока детская смертность. Так что демографическая ситуация в России тяжёлая, угроза депопуляции остаётся, и мы должны этим заниматься, увидеть во всём исторические корни».

И по сей день, слава Богу, плодотворно работают Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» и Центр изучения истории территории и населения России ИРИ РАН, которые он возглавлял.

Переводчик и поэт

А, главной музой академика Юрия Полякова стала история, но и музу поэзии, свою первую любовь он никогда не забывал.

«С раннего возраста Ю. А. Поляков писал стихи, – отмечает доктор исторических наук Валентина Жиромская. – Когда из-за развода родителей он вместе с матерью вернулся в Москву, то С.А. Поляков был частым гостем у них на Кропоткинской в 1938 – 1940 гг.

Человек образованный, знавший 15 иностранных языков, он стал безусловным авторитетом для юноши.

Любовь к поэзии Серебряного века Юрий Александрович сохранил на всю жизнь...».

...Когда Юрий Александрович учился в ИФЛИ, он, изучая латынь, перевёл 30-ю оду древнеримского поэта Горация, известную в русской литературе как «Памятник».

И, хотя до него уже было сделано девять переводов, перевод Полякова – лишь он совпадал в точности по размеру! – педагог признал одним из лучших, сказал, что этот перевод обязательно нужно опубликовать.

Но началась война. Какая латынь, какой Гораций, какой перевод...

В архиве семьи Юрия Александровича сохранились его переводы, стихи разных лет и блестящие литературные пародии на русских классиков и советских поэтов.

«Не говори с тоской: их нет...»

Юрий Александрович был уже человеком преклонного возраста, болел, но вплоть до последних дней своих участвовал в научной работе Института российской истории РАН и отделения историко-филологических наук РАН, выступал инициатором и участником различных научных конференций, круглых столов...

Смерть в больнице 27 декабря 2012 года на 92 году жизни оборвала многие его замыслы. Юрий Александрович похоронен на Ваганьковском кладбище. Его вдова Александра Яковлевна была похоронена рядом с мужем в 2016 году.

На памятнике академика Юрия Полякова, выполненном в форме раскрытой книги, высечены строки из того юношеского, казалось бы забытого, но каким-то чудом сохранившегося в его домашнем архиве перевода оды Горация. Эти строки венчают долгий путь Юрия Александровича в жизни и науке:

*Создан памятник мной.
Меди нетленной он,
Выше гордых высот
Царственных пирамид.*

*Я умру, но не весь.
В урне седой не быть
Лучшей части моей.
Славой не меркнуть мне
В эолийских ладах.
Этой заслугой ты,
Мельпомена, гордись
И благосклонно мне
Лавром главу венчай,
Ветвью невянущей.*

И научному наследию Юрия Александровича не грозит забвение: «Не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были» (В.А. Жуковский).

Фото из архива автора

На исходе лета...

Новелла

*Случайных встреч не бывает!
Каждый человек в нашей жизни –
это либо испытание, либо наказание,
либо подарок судьбы...*

Ошо

Берег Финского залива, малолюдный даже в отменную летнюю пору, в середине августа тем более был тихим и опустевшим.

Живописные песчаные дюны, поросшие высокими соснами, выходили к самому берегу и, много лет омываемые буйными осенними волнами залива, выставляли напоказ причудливые корни этих зелёных великанов. Но величавые красавцы уверенно тянулись в высоту, хотя, казалось, только чудо может спасти их от гибели.

Посёлок Репино жил своей размеренной жизнью, в нём царил мир и покой. В предосеннее время это была какая-то особенная тишина, мягкая и благоуханная.

Я, коренной московский житель, приехал сюда отдохнуть от городского сумасшествия. С некоторых пор я полюбил это малолюдное место. Мне не хотелось связывать себя жёстким распорядком дня, поэтому я не стал хлопотать о путёвке в дом отдыха или санаторий, а просто заказал номер в местной гостинице с одноимённым названием, которая была мне хорошо знакома.

Людей в этом живописном отеле было немного. А так как мест общественного питания в посёлке раз-два и обчёлся, то все обитатели гостиницы как правило собирались в гостиничном ресторане два-три раза на дню, приблизительно в одно и то же время. Сидя за столиками, они поглядывали друг на друга, наверное, про себя удивляясь себе подобным, избравшим местом отдыха этот заброшенный уголок. Изумлялись, но не покидали эту тихую гавань. Что-то было в этом местечке такое, что привораживало людей, правда, надо сказать, в основном уже немолодого возраста.

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, переводчик, член Союза писателей России. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР (за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией) и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг и многих поэтических сборников, рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

Моё внимание привлёк человек, как мне показалось, одного со мной возраста, который сидел у окна, всегда в полном одиночестве, лениво дымя неизменной трубкой. Как заядлый трубочур, он вбирал дым небольшими порциями, смакуя и улавливая тончайшие ароматы табака. Сидел он несколько на отшибе, и дым никому неудобств не доставлял. Часто он приходил с книгой и, не спеша уходит после обеда, перелистывал её в некоторой задумчивости. Мне это очень импонировало: человек с книгой всегда привлекал моё внимание.

Несколько дней дождливой погоды и ответное дружелюбие этого человека способствовали нашему быстрому знакомству, придав ему оттенок доверительности и даже, я бы сказал, сердечности.

Он был начитан, обладал прекрасными манерами, был сдержан в суждениях, то есть всё в нём соответствовало его облику. Не могу объяснить почему, но я был совершенно уверен, что он, так же, как и я, одинок – человек, привыкший к тишине и покою, не нуждающийся ни в чьём обществе. Но я ошибался. Он был женат, и у него было двое детей.

Я не мог похвастать такими достижениями, хотя и был дважды женат. Обеих моих жён, в общем-то, вполне приличных женщин, категорически не устроила моя непрактичность и совершенное отсутствие, как они обе, словно сговорившись, выразились, «настоящей мужской хватки». Хватать всё подряд я действительно не умел и зачастую при всём желании был не в состоянии понять, зачем это следует делать. Обе женщины буквально изнывали оттого, что им приходится перемещаться в общественном транспорте, – переполненных трамваях и метро, в то время как уважающие себя люди передвигаются исключительно на автомобилях. И если муж категорически против такого вида транспорта, то они согласны заменить его за рулём. Ему только следует предоставить им такую возможность. Ну, а моё неприязненное отношение к отдыху в экзотических странах, где проводят свои отпуска, по их пониманию, все порядочные люди, совершенно выводило их из равновесия.

Мне всего пятьдесят один год, но многое у меня уже в прошлом. Бывший лётчик гражданской авиации, я в настоящее время списан с лётной работы по состоянию здоровья. Подкачало сердце. Вернее, не подкачало, а не выдержало издевательств над собой, и дало сбой. Постоянные переживания по поводу многочисленных семейных неурядиц выбивали меня из рабочего ритма, вели к незапланированным медицинским обследованиям и в результате привели к такому, плачевному для меня, исходу. Знакомые лекари, бывало, подшучивали надо мной, говоря, что я ещё хорошо отделался, бывали катастрофы и гораздо печальнее.

Человек я довольно эмоциональный, впечатлительный, принимающий всё близко к сердцу. «Мне бы следовало родиться поэтом, либо драматическим артистом – натура у меня больно уж утончённая», – такая мысль уже не раз приходила в голову.

Мой новый знакомый, напротив, казался очень уравновешенным человеком. Был он на пять лет старше меня и приехал в это захолустье, подальше от суеты, чтобы в спокойной обстановке, как он выразился, разложить по полочкам накопившиеся мысли. Работал он редактором в одном из крупных издательств, в отделе современной прозы. Занимался одновременно критикой и литературоведческой деятельностью, и уже несколько лет трудился над своим романом. Так что отдыхом, в полном смысле этого слова, его пребывание здесь можно было назвать с большой натяжкой.

Весь его облик и манера общения располагали к откровенности. Чувствовалась в нём какая-то притягательная сила, какая-то подсознательная уверенность и надёжность.

Однажды вечером мы сидели на спрятавшейся в зарослях скамейке с удобно изогнутой спинкой, неподалёку от берега и смотрели, как медленно темнеет залив. В мягких закатных лучах вдалеке тонкой паутинкой протянулась над заливом дамба, защищающая город от нагонной волны, а за ней светлым пятнышком сверкал купол Морского собора Кронштадта.

Я заговорил о том впечатлении, которое он на меня производил. Он улыбнулся:

– Быть может, вы не так уж и неправы. Наверное, это наследие пережитого. Можно сказать, ответная реакция. Многие безвозвратно остались в прошлом, но следы бывшего просто так не стираются. А ко всему прошедшему нужно относиться с благодарностью, потому что только оно и даёт определённый опыт.

– Вы здесь впервые? – поинтересовался я.

– Нет, это место мне хорошо знакомо. И будет очень жаль, если и сюда доберётся цивилизация. Тогда прощай покой и царственная тишина. Всё меньше остаётся мест недалеко от устроенного городского быта, где можно ещё услышать шум прибоя и крики чаек.

Мы пошли по мягкому песчаному берегу вдоль залива по направлению к Сестрорецкому курорту. Сосновый запах усиливался, смешиваясь со щекощущим ноздри свежим запахом водорослей. Дальний берег, загибаясь пологой дугой, блестел крышами редких строений. Уходящими вдаль яркими полосами поблескивал спокойный залив. Чуть душноватая теплота не тяготила нас. Надвигающиеся тени приносили с собой лёгкую прохладу, наполненную неясными запахами невидимых цветов.

– А вот вы, я думаю, здесь как раз впервые, – после некоторого молчания произнёс мой спутник.

– Нет, вы тоже ошиблись. Я в этом месте бывал и ранее. Третье лето кряду я приезжаю сюда. И вам, как романисту, будет, наверное, интересно услышать рассказ, а точнее повесть, которую я сочинил сам для себя в первый свой приезд, и вот уже два года она не даёт мне покоя. Мой рассказ, наверное, удивит вас, но, в сущности, для него просто нет других слушателей, к тому же он, как говорится, «ни о чём». Но, я думаю, человеческая сущность такова, что именно глубокие психологические переживания, тонкие жизненные нюансы, в конце концов, определяют и утверждают ценность и статус самой личности...

Если хотите, я с удовольствием поделюсь с вами этими наблюдениями, результатом которых и стала история, которая глубоко запала в душу и волнует меня по сей день.

– Это интересно. Послушаю с удовольствием вашу историю. Видимо, произошло что-то довольно необычное, раз это до сих пор так волнует вас.

– Благодарю, вы будете первым моим слушателем.

И я рассказал, стараясь не торопиться и избегать повторов, историю, которая случилась со мной два года назад.

В позапрошлом году, когда я совершенно случайно оказался в этом месте, после нерадостной для меня диспансеризации, здесь было так же малолюдно, как и сейчас. Даже лица, мне кажется, были те же – в основном люди преклонного возраста. Единственные постояльцы, которые привлекли моё

внимание – пожилая пара: муж и жена, так мне подумалось. С ними была дочь, молоденькая девушка лет шестнадцати.

В молодой особе была заметна некоторая нескладность, угловатость в движениях, хотя фигура уже начала приобретать некоторую женскую округлость. В ней не было ничего привлекательного, к тому же, судя по виду, она совершенно не стремилась заниматься своей внешностью. И одета-то была как-то безвкусно, просто и невыразительно. Можно было даже сказать, что девушка была некрасива, во всяком случае, не её внешний вид привлёк моё внимание. Про себя я отметил лишь большие глаза. Настороженные, они испуганно прятались от чужого взгляда.

Вообще, в ней угадывалось какое-то трогательное томление, беспомощность, словно она зывала к заботливому вниманию. Девушка никогда не расставалась с книгой, но я не раз видел её сидевшей на берегу залива почти неподвижно, и мне казалось, что её мечтательный взгляд, скользя по поверхности залива, уносил её куда-то далеко от существующей реальности.

Не знаю, почему именно это так запало мне в душу. Быть может, потому, что сам я по натуре мечтатель, и мне в жизни тоже очень не доставало чуткого внимания и доброго расположения. И где-то очень глубоко, в недрах души вдруг проснулась эта потребность. А может быть, меня привлекло сладостное юношеское томление, бьющее через край, когда исподволь наступает пора взросления, и в душе просыпается спавшее доселе смятённое чувство неосознанного восторга. Ожидание прекрасного – так это можно охарактеризовать в двух словах.

Я мог бы без усталости наблюдать за её неподвижной фигуркой, такой хуленькой, ранимой, словно взывающей о помощи. Она порой раскрывала книгу, но вскоре поднимала голову, оставаясь неподвижной, опускала руки и надолго задумывалась. Её лицо в такие моменты выражало глубокие душевные переживания...

Наблюдая, я понял, что среди постоянно сопровождавших её людей, мужчины – её отец, а женщина – его сестра, тётка девочки. По-видимому, она и занималась её непосредственным воспитанием. Только от неё исходили бесконечные упрёки и замечания. Девочка за столом старалась сесть так, чтобы находиться подальше от неё и поближе к отцу.

Тётка, пожилая мужланистая особа, с крашенными в тёмно-жёлтый цвет волосами, порывистыми, резкими движениями, колючими маленькими глазками и ртом с узкими жёсткими губами, очевидно, являла собой натуру властную и нетерпеливую. Брат был её полной противоположностью. Он по большей части молчал, а когда говорил, то так тихо, словно пытался уравновесить для дочери бьющие, как гири, слова сестры, своей словесной подушкой безопасности. На его лице при этом всегда была виноватая улыбка.

Я продолжал наблюдать за девушкой, строя различные предположения. Это занятие увлекало меня всё больше и больше.

Было совершенно очевидно, что это юное создание было просто пронизано смутной тоской. Это чувствовалось в ищущем взгляде, блеске глаз, даже в походке, какой-то робкой и скованной. Было видно, что её тяготит постоянное общество взрослых, что она изнывает от желания поговорить с кем-то, поделиться тревожащими душу чувствами, но вокруг не было никого – недовольный голос тётки не нарушал её душевного одиночества.

Смотря на её мечущуюся натуру, я мысленно сострадал ей. У меня даже возникло смутное желание подойти к ней где-нибудь на прогулке у залива

или в гостиничном скверике. Но я быстро отогнал эти глупые мысли. Чем может помочь в такие минуты молодой девушке стареющий субъект вроде меня? Рассмешит или напугает, не знаю, что выбрать, но и в том, и в другом случае – это неразумно.

И потом, не следует забывать, что этот факт может стать известен отцу и ретивой воспитательнице. Можно предположить, какую трагедию по этому поводу способна разыграть эта неутомная ревнительница нравственности.

Девушка, без сомнения, мечтает о любви, о неожиданном знакомстве, о словах, которые уже, наверное, звучат в её ушах. Нет, я никак не похожу на доброго молодца, от встречи с которым юная ищущая душа запоёт и затрепещет одновременно. О, эти незабываемые мгновения первой встречи...

Но жизнь иногда преподносит неожиданные сюрпризы...

Однажды по гостиничному дворику я шёл на залив. Девушка сидела на скамейке и, на первый взгляд, была увлечена чтением. Однако когда я проходил мимо, неожиданно проговорила, указывая на детскую качалку с двумя сиденьями:

– Вы не сможете побыть ненадолго моим противовесом? Ужасно хочется покачаться, но одной это совершенно невозможно.

Незнакомка говорила медленно, тщательно подбирая слова, со страхом озираясь по сторонам. Она относилась к тому типу молодых особ, чья стыдливость настолько велика, что они, решившись, по их понятиям, на что-то совершенно невозможное, становятся предельно беспомощными. От неожиданности я даже вздрогнул:

– Отчего же не покачаться. Извольте, – выскочило у меня неожиданно, – я готов.

Я придержал руками качалку, пока девушка усаживалась на сиденье. Делала она это не торопясь, тщательно укутывая сиреневым платтицем загорелые колени. После этого уселся напротив и я.

Мы начали раскачиваться. Она сидела, потупив глаза, на её щеках заиграл лёгкий румянец. Она задумчиво сказала, заметно растягивая слова. Нет – она не заикалась, но, заметно волнуясь, говорила тихо и медленно, боясь, наверное, сказать что-нибудь невпопад, а, может быть, страшась неожиданной, а, возможно, и неприятной реакции незнакомого человека:

– Почему взрослые, зная, что поступают нехорошо, неправильно, всё равно делают так, иногда даже во вред себе?

Мы продолжали раскачиваться. Она по-прежнему сидела со склонённой головой, и мне были видны только рот и подбородок. Детская качалка скрипела, словно подчёркивая напряжённость момента. Кончив говорить, она подняла голову и посмотрела на меня вопрошающим взглядом. Это было совершенно другое лицо, а в глазах замерло напряжённое ожидание и непреодолимая мука.

– Почему ты так думаешь? – только и смог выдавить из себя я в некоторой растерянности.

– Я не думаю, я – знаю, – уверенно произнесла она. – Вот вы, например, отдыхаете один, без жены, но, мне кажется, страдаете от одиночества.

Оказывается, не только я наблюдал за ней, но и она тоже обратила на меня внимание.

– Нет, Ася, должен тебя разочаровать. Ни жены, ни детей у меня нет. Я живу один и от одиночества не страдаю.

Девушка как-то вся подобралась, в глазах сверкнули искорки, и она почти воскликнула:

– Ой, а откуда вам известно, как меня зовут?

– Мне известно не только твоё имя, но и то, что ты очень любишь своего отца и не очень – тётку.

Она пристально взглянула на меня, мне показалось, что губы её тронула лёгкая улыбка, потом вдруг заёрзала и сказала:

– Помогите встать. Мне пора.

Я придержал качалку, она порывисто поднялась с сиденья и, не сказав больше ни слова, побежала ко входу в гостиницу.

Весь следующий день шёл нудный дождь. Я маялся в своём номере, наблюдая залив, затянутый лёгкой дымкой, мокнувших чаек, и не мог отделаться от одолевшей меня печали. Будто не сбылось что-то давно ожидаемое, или враз расстроились долгосрочные планы. Я бесцельно слонялся по гостиничному холлу, сидел в кафе и не признавался себе в том, что просто ищу встречи с этой девушкой.

Встретились мы вечером следующего дня на том же самом месте. И хотя я имел полное право подойти к Асе, кивнул ей и, поздоровавшись, хотел пройти мимо, но остановился, услышав, как она сказала:

– Если вы идёте на залив, может быть, вы разрешите нарушить ваше уединение? Как меня зовут, вы знаете, а как ваше имя?

– О чём ты говоришь? Такая спутница только в радость, а зовут меня Арсений Петрович.

Она вновь смутилась, наверное, ругая себя за такую смелость, но быстро овладела собой, и застенчивая, еле заметная улыбка заиграла на её губах.

Передо мной стоял совершенно другой человек. Бледно-голубые джинсы подчёркивали её ладно скроенную фигуру, белые босоножки на небольшой платформе способствовали этому. Обтягивающая кремовая блузка ещё больше усиливала формирующиеся достоинства. И волосы! Распущенные – они скатывались к плечам густым рыжеватым потоком, струясь крупными извилами до самых лопаток. Но что самое невероятное: лицо озарилось трепетной неповторимой красотой, лёгкие тени окружали её тревожно горящие глаза.

Мы вышли на берег и под тихий плеск прибоя неспешно пошли по песчаному берегу, любимому маршруту отдыхающих, любующихся богатством красок приближающегося заката. Девушка изменилась разительно не только внешне. Она преодолела свои, казалось, неодолимые робость и смущение. Заговорила звонким ровным голосом. Через некоторое время можно было подумать, что мы встретились не второй раз, а знакомы давно, если не родственники. На этот раз меня поразила её доверчивость.

В руке у неё был роман Пушкина «Евгений Онегин». И её очень интересовал вопрос: правильно ли поступила Татьяна, написав письмо незнакомому, в общем, человеку. И была очень довольна, когда я оправдал порыв героини, как стремление к любви молодой увлекающейся натуры.

– А какие писатели кроме Пушкина нравятся тебе? – спросил я.

– Мопассан и Чехов, – услышал я в ответ.

В этот момент мой собеседник и внимательный слушатель улыбнулся. Я спросил:

– Чему вы улыбаетесь?

Он извинился и объяснил:

– Видите ли, меня рассмешило это сочетание, на мой взгляд, несочетаемых авторов.

– Ах, вот оно что, – сказал я, – действительно, это несколько удивляет, а с другой стороны – нисколько. Поверьте, молодым девушкам всё равно, какого автора читать, лишь бы находить в книгах ответы на их душевные порывы. И согласитесь, именно эти авторы – большие знатоки женской психологии.

Дальше мы эту тему обсуждать не стали, и я продолжил свою историю.

Сидя за столиком в зале ресторана, я не только наблюдал за ней, но и любовался, не уставая удивляться столь неожиданному превращению. Она так ожила в последующие дни, что это чудесное преображение не ускользнуло от внимания отца и, тем более, от всевидящего глаза вечно недовольной тётки. Они с любопытством рассматривали её подвижную фигурку и расцветающие щёки, украдкой переглядывались и обменивались добродушными усмешками. Голос девушки, доселе тихий, обрёл упругость, стал смелее и твёрже.

– Я вижу, вы опять улыбаетесь.

– Нет, нет, продолжайте, пожалуйста. Я просто подумал, что вы прекрасно рассказываете. У вас, смею заверить, несомненный талант рассказчика. А, может быть, и не только рассказчика, но и писателя. Вы могли бы выразить это на бумаге не хуже, чем любой из наших литераторов.

– Вы хотите намекнуть мне, что всё это уже не ново. Кто-то уже, наверное, написал что-то подобное. Должен вам признаться, что я вовсе не стремлюсь к оригинальности, просто рассказываю то, что было на самом деле.

А было – так. Я немного помедлил, собираясь с мыслями, и продолжил свою историю.

– Потерпите, осталось совсем немного, – сказал я.

И тут, я должен признаться. «Да, я постарался помочь этой девчужке освободиться от чрезмерной робости, застенчивости, стискивающей её скованности. Я своим присутствием позволил ей раскрепоститься, раскрыть душу, выплеснуть переполнявшие её дремлющие чувства. Я выступил в роли ответившего на её чувства, благородного юноши, который и предназначен ей самой судьбой, того единственного, по достоинству оценившего её порыв.

Мне льстило то, что я своей чуткостью и вниманием стал, может быть, первым в её жизни человеком, который увидел в ней не только школьницу, но и молодую женщину с пылкой страстью и рождающейся чувственностью. Я по своей прихоти, таким образом, управлял процессом преображения и не мог налюбоваться чудесным превращением гадкого утёнка в прекрасного лебедя».

Казалось, цель достигнута: марионетка плясала, а я уверенной рукой дёргал за нитки. Боже мой, как я ошибался! Кукла ожила и давно уже вышла из-под моего контроля. Незаметно и неожиданно я сам оказался в её власти. Особенно после того, когда она в порыве откровенности поведала мне о тайной жалости, которую она испытывала к своему отцу.

Мать оставила их. Ася не раз слышала, как она называла отца «мямлей», видела, как тяготилась его вниманием. Когда уходила, то обнимая дочь, заливалась слезами и говорила, что не может так жить, что она болеет, и нервы у неё не выдерживают этого показного спокойствия отца.

– Хоть бы накричал или даже ударил, – говорила она.

Но отец, искусствовед по специальности, сидел над своими книгами и ничего не замечал вокруг. Мать уехала в Краснодар с каким-то военным. С тех пор виделись они всего несколько раз при её наездах в Москву.

– Что, разве плохо быть добрым, спокойным человеком? Отец очень мягкий и покладистый. Он, как ребёнок, и тётка переехала к нам, чтобы мы, как она выразилась, не затерялись в этой жизни, – говорила она, волнуясь и ища сочувствия.

Её горячность, её искреннее сопереживание не могло не затронуть мою душу. Я ведь тоже, некоторым образом, «мямля». Только, в отличие от её отца, меня пожалеть было некому.

Я уже понимал тогда, что захватывающая игра, которую я затеял, не пройдёт для меня безнаказанно. И уже осознавал, что она становится действительностью, и я уже не управляю ею, напротив, я оказался в её власти, и игра уже давно управляет мной.

Всё более очевидным становилось то, что расцветающая красота девушки, которую я наблюдал со стороны, на самом деле глубоко волновала меня самого. Мне вдруг стало страшно от того, что всё выскальзывает из моих рук, и мучительная тоска охватила меня в один из чудесных летних вечеров, когда я перед сном сидел в раздумьях на берегу сонно шевелящегося залива...

И предчувствие меня не обмануло. Утром я увидел, что их столик не был накрыт. Они уехали.

Я представил себе её состояние.

Ей пришлось уехать, не сказав мне ни слова на прощанье. А что она могла сказать обо мне своим домашним? Как она могла выпросить у них время на прощание с каким-то незнакомцем? Что они могли подумать, расскажи она им подробно о возникших отношениях, а может быть, и чувствах к человеку, который старше её более чем на тридцать лет? Она ведь такая впечатлительная, эта Ася.

Учебный год на носу. Об этом я не подумал, весь погружённый в эту изумительную, сказочную жизнь, внезапно возникшую из ничего и всколыхнувшую вдруг во мне массу нерастраченного. Проснулось, казалось бы, забытое чувство восторженности от неожиданно сбывшегося желания. Желания повстречать девушку своей мечты, когда и мечта-то уже почти угасла под увесистыми ударами судьбы...

Некоторое время мы шли молча. Мой спутник, видимо, проникшись моей историей, думал о чём-то своём и как бы совсем не замечал меня. Я подвёл итог сказанному.

– Теперь я, влекомый каким-то необъяснимым желанием, третий раз подряд приезжаю в это местечко с тайной надеждой на встречу с той, которая, сама того не ведая, подарила мне веру в самого себя и возродила во мне, угасшую было мечту о невозможном.

Было уже поздно. Мы простились. Он повернулся и ушёл в темноту. Песок зашуршал под его ногами. Усталость, обычно овладевавшая мною в духоте ночи, не приходила сегодня из-за волнения, которое проникает в кровь, когда сталкиваешься с чем-нибудь необычным или когда, в какое-то мгновение, переживаешь чужие чувства, как свои.

Я шёл по пустынному берегу. Ночь была чудная. Огоньки вдоль берега, которые, словно светляки, мерцали в отдалении, теперь были еле различимы и один за другим исчезали в надвигающемся мраке. Безмятежно плескался залив. Глубокая даль неба, усеянного тысячами звёзд, казалась неведомой и бездонной. Звёзды сияли в торжественном молчании.

И подумалось мне: «Что значит человеческая жизнь в этой бесконечной вселенной с её неизмеримой силой? Что ей человеческие судьбы в круговороте тысячелетий...»

ПОЭЗИЯ

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Вита Валерьевна Пшеничная (Шафронская) – член СП с 2004 г. Публикации в изданиях (стихи, проза, эссе, критика): «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наши современник», «Волга. 21 век», «День литературы», «Письма из России», «День и Ночь», «Венский литератор», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария) и др. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов («Литературная Вена», «Рождественская звезда», «Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные столыхи»). Дипломант Международного Литературного фестиваля «Золотой Витязь-2020».

Живёт в Пскове.

«Осень – время прощаний...»

К тёмному небу солнечный зайчик приколот,
Как маячок. И с ним так спокойно спится.
Детство моё... Папа ещё молод,
Мама почти девчонка с глазами лисицы.

Жизнь началась, и прекрасна, как яркая сказка,
Жизнь – это что-то такое, чему нет конца.
Детство моё: ох, не щедрая мамина ласка
Да неприкрыто скупые объятья отца.

Небо потом мрачнело не только ночами,
Солнечных зайчиков вскоре и след простыл.
Где же ты, Детство?..
Затихнешь, пожав плечами,
Вроде оно и было, и ты в нём был.

Помнишь ночник над кроватью? – спалось так крепко...
Изредка в дымке цветных снов кружу,
Перебирая пожелтевшие снимки предков,
Я будто опору себе ищу и нахожу.

И к тёмному небу солнечный зайчик приколот...
Как маячок. И сердчишко так сильно бьётся...
Многое в прошлом: там папа – красив и молод,
А мама – девчонка – звонко-звонко смеётся.

Конец августа.
Не ладаном – яблоками – ладони пахнут.
Медленно солнце
Скатывается с пьедестала.
Кажется, ещё чуть-чуть,
И даже небеса ахнут,
Видя, какая чудная пора настала.

Не спеша иду, и не мешают резкие звуки
Города, умеющего быть жестоким и ласковым.
И хочется то ли парить, раскинув в стороны руки,
То ли, ближе к ночи,
душу укутать звёздами – вечными сказками.

Конец августа.
Под ногами засохший веноч, кем-то брошенный...
А взгляд застыл на холсте цвета сливы спелой...
Дальше нам не по пути, ты – хоть и друг, но непрошенный –
И тебя, как случилось и как вырвалось, я стихами спела.

Природы замедлен ритм,
И жизни замедлен бег;
Вот-вот превратятся в снег
Туманы-поводыри.

Под поступь чужих ног,
Под треск неокрепших луж,
Начнёт невидимка-стужь
Свой длительный монолог.

С утра б, когда город тих
Послушать себя, помолчать...
Да вынянчать, как внучат,
Все дни, как вот этот стих.

Чтоб каждый из них – в цвет.
Чтоб каждый из них – в масть.
Чтоб целого мира – часть
Сплелась из моих лет.

Сплелась и вросла в век –
Узором своим пленя...
Чтоб кто-то, замедлив бег,
Узнал вдруг в себе – меня.

На Масленицу

В.

Пишешь, «прости, что родился рано,
что не нашёл тебя в час НАШ...»
Боже, какая в душе рана
Выжжена в масленичный кураж!

Чем мне тебе ответить, солнце?
Иль это я припозднилась чуть?
В небе ночном, как в глуби колодца,
Выискиваю один – наш – путь.

И в это Прощёное Воскресенье
Взметнулись к самым Его очам
Моя – надежда и твоё – спасенье,
Твоя – свобода и моя – печаль.

Обними меня, но потом уже не отпускай.
Я глаза закрою, уткнувшись носом в плечо.
И мы оба поймём – каждый из нас нашёл,
Что давно искал.

И в закате – таком нашем и таком ничьём
Пусть утонет день – какой-то из октября,
И под ноги настелет листву
И дождей шёлк,
По и над паря.

Обними, заговори, словно кот-баюн,
Я поверю любой из тобой сказанных фраз,
Пусть звенит россыпь натянутых туго струн,
Исцеляя нас.

Непогодное

Как будто с барского плеча
дождь небо опрокинуло
И льёт вовсю, сентябрьский шарм
под лужами топя.
Уж сколько этих непогод
сбылось, забылось, сгнуло,
Но каждый раз впервые
в осень я ввожу себя.

Ввожу ребёнком, позабыв,
что сорок лет отлистнуто,
В приметы веря, и в Мечту,
и в то, что Мир – во мне,
Что листьями из сентября
тропинка в небо выстлана,
Что к Богу все слова молитв
из душ летят по ней.

А дождь ведёт себя, как тать,
дорвавшийся до нужного,
Ворует лета бабьего
последние деньки,
Взамен рассеивая боль
былого и недужного.
И не почувствовать нельзя –
Так сильно жмёт виски.

Осень – время прощаний и стылой воды по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм
Да всё чаще и дольше прохлада елозит по коже.

Осень – бремя потерь, о которых ни сном и ни духом,
Нараспах акварели – природа чудит и творит –
Всё, что скажешь в сердцах,
Обрастает немислимим слухом,
Что укроешь в душе – то однажды отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое Время невидимых слёз,
И приметы твои я читаю по шороху листьев...
Свет погашен. И звёзды гурьбою спешат на помост –
Как посланцы простых, не всегда понимаемых истин.

В.

«За расставанием будет встреча...»

Высуши мои слёзы, бродяга-Ветер.
Душу не очерствь, ускользящее Время.
Бьют наотмашь беспощадные плети смерти
Прямо в темя.

Силы на доньшке ещё немного осталось,
Дни незаметно и неотвратно сменяют ночи.
Мне бы Веры, хоть чуточку, хоть самую малость.
Слышишь, Отче?

Мне б заглянуть на мгновение внутрь Твоих владений –
Убедиться, что он в покое и безмятежности.
Господи, сколько же Ты вложил в нас несовпадений!
И – нежности...

В.

Улыбнись, слышишь? И вслед за тобой улыбнётся Отец-Сын-Бог,
Приобняв за плечи тёплым ветром, далью ещё незнакомых дорог.
Во дворах сирень от себя в восторге, сводит прохожих с ума,
Улыбнись тому, как щедро весна очищает свои закрома.

Эта вечная смена картин под небом никогда тебе не надоест.
Кажется, с полчаса назад солнце – разливалось, слепило, жгло.
А сейчас – полдень, тьма развалилась ленивым тюленем окрест,
Не успев добраться до дома, чертыхнёшься: «Не повезло».

Что ж, лови эти сочные капли, чтоб сразу и пригубить –
Трижды мысленно перекрестясь, намери их в ладошку да,
как дитя, причастись:
На тебя смотрит с улыбкой Отец-Сын-Бог, значит, время – жить,
Прошепчи по памяти «Отче...», и Ему в ответ с благодарностью улыбнись.

На слиянии рек

В Великой отражаются века,
В Пскову перетекающие плавно,
Давнишнее в них было так недавно,
И поступь Бога, как перо, легка.

Глаза поднимешь – купол-богатырь
Скрывает крест свой за небесной прядью,
Опустишь взгляд – за беспокойной гладью
Душа иной увидит свет и мир.

Оглянешься вокруг – ни взять, ни дать:
Какая даль, и сколько откровений!..
И сотканная из земных мгновений –
Теплом по телу – Божья благодать...

В.

Улыбаюсь тебе – сколько света внутри! –
Ни с чем не сравнить
И ни с чем не спутать.
Ветер тихо качает в яслях
Пробуждающееся утро.
Как уютна мне
нескончаемая иллюзия твоего присутствия
Без ненужных теперь слов
Ободрения
или напутствия.
Улыбаюсь! Сколько света внутри –
черпай, пей глотками жадными это Счастье,
И подставь ладони,
Чтобы в них однажды
Могла упасть я.
Как уютно думать,
Что ты рядом.
Что здесь, а не в краю
чужом и непонятном.
Улыбаюсь, помня,
Как ты вечно мчался куда-то.
И всегда возвращался.
Обратно.

Маленькая моя Родина

Пропахли одежда и руки душистой мятой,
На языке чуть с кислинкой привкус чёрной смородины..
Падают солнца лучи сквозь облаков пышную вату,
Озаряя святой лик моей маленькой Родины.

От дороги метров триста звенит озёрная речонка,
Через неё мосток; но настил непрочен, зыбок.
Там Детство бродит – смешная, конопатая девчонка,
Встречающая каждого самой светлой из всех улыбок.

Там в лесу по правую сторону бьёт источник целебный,
Дойти до него непросто сквозь комариную рать.
Там, омывшись, душа за здравие служит молебны,
Даже если недавно всё внутри готовилось умирать.

Там вдали храм на горе дитём на ладони неба,
А вокруг тропинок – не счесть – все ли будут они пройдены?
На столе – травяной чай да ломоть чёрного хлеба
Для меня приготовила маленькая моя Родина...

Надевай...

Надевай своё мятое рубище,
Отряхни от землицы суму;
И спокойно, без страха пред будущим,
Уходи в непроглядную тьму.

Вон, по веткам вороны кликушами
Порасселись, и нет им числа.
То ль с живыми, то ль с мёртвыми душами
Ночью службу несут купола.

Падай в сна беспокойное варево,
Забывайся в холодном поту...
Но разбудит к заутрене зарево,
Тонкой вязью скользя по листу.

Ты не вспомнишь, как строки до одури
Молотили плетью по вискам,
Как заманчивой полудремОтою
Расстилалась забвенья река.

Как ты мок под дождями и грозами,
Как стоял на распутье дорог,
Как себя засыпал ты вопросами,
И на них же ответить не мог.

Как опять брёл заросшими тропами,
То ль молитву шепча, то ли стих,
А внутри обрастало сугробами
То ль «прощай» чьё-то, то ли «прости»...

...

Надевай своё мятое рубище,
Не скажи ничего никому.
И не думай (не надо) о будущем,
Уходя в предзакатную тьму.

Антонина Васильевна Белова – филолог-русист, стихи пишет с детства, олимпийский победитель, призёр и лауреат многих поэтических турниров и фестивалей как в России, так и за рубежом. Автор девяти поэтических книг, член Союза писателей России. Творчество сочетает с научно-педагогической деятельностью – кандидат филологических наук, доцент, автор более 50 научных статей по стилистике и поэтике.

Живёт в Москве.

Свет упования

Венок сонетов

1

Осенних дней прохладное течение
Прими душой – так краток этот миг.
Забудь обид и ревности мученье,
Лишь тот, кто любит, истинно велик.

Сердце огонь и тайное влечение
Изведал каждый – юный и старик.
Без робости стыдливой и смущенья
Насмешник, что куражиться привык.

Пусть осень жизни будет благосклонной
К любой душе, любовью окрылённой, –
Достойнее нет радости другой.

Закат томится, тихо догорает,
Небесный свет зарницами блистает,
Вливает в душу благодать и покой.

2

Вливает в душу благодать и покой
Полночных звёзд торжественных сиянье.
Душа, измученная злой тоской,
Вбирает чутко тайны мирозданья.

Земли и неба чаши – из какой
Напиться ей божественного знанья?
Вот маленький изысканный левкой,
Светло его живое ликование.

Извечная борьба души и тела.
И нет ей на седой земле предела,
О том гласит пророка изречение.

Звезда упала в зыбкой тишине,
Растаяли в душевной глубине
Тревоги жизни, боль, ожесточенье.

3

Тревоги жизни, боль, ожесточенье
Всегда скрывают свет и красоту.
В плену желаний, средь забот стеченья
Мы забываем духа нищету.

Евангельское древнее реченье
Разбудит в чутком сердце доброту.
Молитвы сила дарит облегченье –
Несёт душе заблудшей чистоту.

Плывёт над миром ранний звон воскресный,
Горит восток в огнях зари небесной.
Да будет день воистину благой.

За ним грядут другие дни и сроки,
И пусть уныние, тоску, пороки
Уносит вдаль предзимнею рекой.

4

Уносит вдаль предзимнею рекой
Последних листьев дар с прибрежной ивы,
Их гонит ветер тайною клюкой,
Ему они послушны, хоть игривы.

Высокий тополь свечкою нагой
Грустит у вод, темны их переливы.
И только дуб, могучий, вековой,
Шумит листвой своей косматой гривы.

Всё глубже осень. Тянет холодком
От чёрных лип, сбегających рядком
С холма, как пленницы из заточенья.

Свободой дышит отдалённый лес,
Над ним призыв сияющих небес –
В любви познать своё предназначенье.

5

В любви познать своё предназначенье...
Земли осенней безмятежный вид
Нам как намёк безмолвный о прощенье
Земных страстей, желаний и обид.

Былого простодушное забвенье
О бедности сердечной говорит.
А тот, в ком живо прошлого волненье,
Победы и ошибки предков чтит.

Ему дано постичь как откровенье
Реки времён суровое стремленье,
И счастлив тем среди других такой.

Ведь он готов войти в те дни и дали,
Вкусить высокой жертвенной печали,
Смириться пред забытою строкой.

6

Смириться пред забытою строкой,
Найти её во что бы то ни стало
В бессмертной светлой памяти людской,
Чтоб обрести зерно любви – начало.

Так жажда нивы, спелой, восковой,
Зовёт жнеца – и поле засияло.
Так василёк синеет луговой,
Не ведая, как близко смерти жало.

Дела земные требуют венца.
Небесные пути в словах Творца.
И потому всё победит терпенье.

Осмыслить надо времени края,
Постичь, в чём предначертанность твоя,
Всеми придать высокое значенье.

7

Всеми придать высокое значенье,
Минуте каждой, мигу одному,
Остерегаясь лжи, её прельщенья,
Тем самым обнажив её саму.

Любви горячей сила излученья
Согреет одинокого в дому,
Больного вырвет из оков забвенья,
Не даст пропасть на свете никому.

Вновь сердце, чуткое к чужой неволе,
Вмиг отзывается на голос боли
Средь суеты надменной городской.

Оно сумеет и в покое сельском,
В обыкновенном доме деревенском
Руки коснуться дрогнувшей рукой.

8

Руки коснуться дрогнувшей рукой,
Во взгляде долгом прочитать родное.
И над плитой могильной иль доской
Почувствовать страдание земное.

И пусть заботы целый день-деньской –
Не победить им истинно святое.
Ведь их дороже и цветок польской,
Что, расцветая, умирает в зное.

И только душу не одеть в шелка,
Её необозримы берега,
И ждёт она духовной силы: «Где ж ты?!»

Какие дали светят впереди!
Дай каждому, Господь, туда пойти.
Уйди, печаль! Не отнимай надежды.

9

Уйди, печаль! Не отнимай надежды.
Есть радость жизни в каждом новом дне, –
Живая и всеильная, как прежде,
Она восстанет Фениксом в огне.

Пусть до поры её сомкнуты вежды,
И спит она, покорная луне,
Но вдруг беда иль горести безбрежны, –
Зарёй засветится в твоём окне.

В цветах, улыбках – всюду дышит радость.
Она нужна как свежий воздух, благость –
Разлуками и нежной встречей между.

Постичь загадку жизни нам дано,
Вкусив её прекрасное вино.
Пускай не верят умные невежды.

10

Пускай не верят умные невежды,
Душа продолжит к храму верный путь.
Когда ж на сердце боль, слова небрежны, –
Прости обиду – в этом веры суть.

Торжественные белые одежды
От ран жестоких не спасают грудь.
Об этом, о любви, мой ангел нежный,
В молитве непрестанной не забудь.

Её всеилье как крыла касанье,
Сокрыто в ней божественное знание,
Хоть всякий на тропе своей скорбит.

Доверься, как дитя, Господней воле,
Живи легко и просто. Что нам боле?
Свет упования вечностью разлит.

11

Свет упования вечностью разлит.
Он кроется в младенческой улыбке,
Доходит и до звёзд, и до орбит
И дышит в голосе печальной скрипки.

Надменного он только не пленит,
Смотрящего на мир, как на открытки.
Но всё ж сомнение его язвит,
И он не может не признать ошибки.

В садах эдемских много райских птиц.
Они и там не ведают границ.
Бессмертья птицу нарекли павлином¹.

¹ В раннем христианстве изображение павлина было связано с символикой солнца и стало восприниматься как символ бессмертия и красоты нетленной души. В христианской традиции «глаза» павлина иногда символизируют «всеядящую» Церковь.

Душа, как птица, рвётся от земли,
Ей зов небесный слышится вдали.
Он всюду – в дальнем клике журавлином.

12

Он всюду – в дальнем клике журавлином,
Так стаи покидают милый дом.
Он в грозном, страшном клёкоте орлином.
Во всём, что достаётся нам с трудом.

Свет упования щедро послан с Сыном
На землю нашу грешную Отцом.
Он на пути к Голгофе – слёзном, длинном,
Увенчанном Христа святым крестом.

Века проходят, но не гаснет свет,
Пока есть дни, ему предела нет.
Земля одна – мы все в доме едином.

Вот снова стая посылает весть,
Надежда на спасенье в крике есть,
Он рвётся следом за далёким клином.

13

Он рвётся следом за далёким клином
Призывом смелым к людям, к их сердцам –
Так много боли в зове том унылом
К нам – гордым и беспечным, к нам – слепцам.

Тревожит память мысль о несравнимом,
Что вверено апостолам-ловцам,
О беззаветном, чистом, голубином –
О тех, кто через жертву шёл к венцам.

Ласкает ветер кроны золотые,
Открыты сердцу истины простые –
Ничто души высокой не смутит.

А небо дышит синью бесконечной,
В ней будто веет отзвук тайны вечной.
Он здесь – среди могильных тихих плит.

14

Он здесь – среди могильных тихих плит,
Под сенью монастырских лип и вязов,
Где каждый камень тайное хранит.
И ты, живой, с ним тоже кровно связан.

Луч падает и купол золотит,
Его не удержать надолго глазом.
С креста слетает голубь и парит –
Так тает жизнь, и ты ей сам обязан.

Огонь свечей трепещет у икон.
Стяжанье духа для души закон.
Молитвы светлый дар – её спасенье.

Нам остаётся верить и любить.
И знать, что это нашей жизни нить –
Осенних дней прохладное течение.

15

Осенних дней прохладное течение
Вливает в душу благодать и покой.
Тревоги жизни, боль, ожесточенье
Уносит вдаль предзимнюю рекой.

В любви познать своё предназначенье,
Смириться пред забытою строкой,
Всеми придать высокое значенье,
Руки коснуться дрогнувшей рукой.

Уйди, печаль! Не отнимай надежды.
Пускай не верят умные невежды –
Свет упования вечностью разлит.

Он всюду: в дальнем клике журавлином,
Он рвётся следом за далёким клином,
Он здесь – среди могильных тихих плит.

25 октября 2020 – 18 марта 2021

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

НИНА ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

Вразнобой

Деревянный дом

Я люблю деревянный дом,
Мне легко летом дышится в нём.
Как приятен смолистый запах,
Крепко спится в сосновых лапах.
Голосами певцов и певиц,
Чьи вокалы не знают границ,
Утром птицы любовь поют,
А сирень ароматный салют
Распустила на ветках зелёных.
Не увидевши ночь, удивлённо
Смотрит призрачная луна,
И душа моя счастьем полна.

Гроза

Каплей случайной небо
Вдруг пролилось дождём.
Где-то сверкнули змеи
Плазменным огнём.

Залпом воздушных зениток
Грохнула высота.
Из водяных ниток
Выросла стена.

Снайпером одиночкой
Выстрелил старый дуб.
Стук желудей по крыше
Резок, сух и груб.

От грандиозности действия
Это – дрожащая тварь,
И по закону плебейства
Замерла, как встарь.

Солнце пошло на лето

Солнце пошло на лето!
Это хороший знак.
Без ноутбука с планшетом
Жить буду просто так.

Буду гулять по полю,
Где ячмени шелестят,
Рядом коровы с любовью
Лижут своих телят.

К пруду с зелёной тиной
Выйду под сводом ветвей.
Мама семейки утиной
Учит нырять детей.

Я потянусь за кувшинкой,
Ноги спустив до воды,
И всколыхнет камышинку
Тихим вздохом среды.

Сонет

Возжечь свечу с цветком лаванды синей,
Добавив запах ландыша в букет,
Каминным жаром растопить на окнах иней,
Налить игристого в бокал себе и тет-а-тет.

Устроившись в глубоком мягком кресле,
Вести о творчестве спокойный разговор,
И не расстраиваясь вовсе, если
Мой тет-а-тет лишь комнатный декор.

Среди шедевров, на бумаге воплощённых,
Мелькнёт когда-то начатый сонет,
От чувств отвергнутых, грехом не искуплённых,
Подступит горечь тех забытых лет.

Глотну из хрустала налитое вино,
А горечь пусть сама опустится на дно.

Зимняя сказка

Ой, мороз, Дед Мороз
К ветке рыжий хвост прирос,

Белка мечется вокруг
Дед смеётся громко вслух:

«Помогите белке, звери,
Хвост отдёргнуть без потери

В тёплое дупло вернуться
И калачиком свернуться».

Подлетела Ворониха,
Прохрипела белке тихо:

«Ты не прыгай, не скачи,
Сядь на хвост и помолчи.

Лёд растает от тепла,
Вмиг отпустит шерсть кора».

Белка приняла совет,
И её счастливей нет.

В норку милую вернулась
Там калачиком свернулась.

Ремейк

Если завтра война, кто пойдёт воевать
За чужие поля и богатства,
Если нечего людям в карманах считать,
А душа хочет сытого рабства?

Если всюду соблазн, только деньги плати:
Заказать можно девку и нарко,
Или мчаться туда без разбора пути,
Где всегда и красиво, и жарко.

Если враг нападёт, и ударят в набат,
Разошлют молодёжи повестки,
А родные пустившихся в бегство ребят
В полк бессмертный пошлют эсэмэски.

Ночная гостья

Вечер был промозглый и дождливый.
У поэта не было жены.
Только муза посещала сны,
А когда она была гневлива,
То жужжала тонко, как пчела,
Что совсем плохи его дела.

В этот вечер в холоде постели
Он ворочался без сна и натощак,
Потому заснуть не мог никак.
А на улице качались и скрипели
У деревьев ветки и стволы,
Разрывая в клочья плотность мглы.

Мог поэт согреть немного ложе,
Вскипятить воды и сделать чай
И вдобавок, как бы невзначай,
Съесть и бутерброды с чаем тоже.
Там, глядишь, и сон пришёл бы вдруг,
Всем желанный, милый, давний друг.

Но решиться встать никак не мог он
И поэтому лежал, дрожа слегка.
«Если плохо, выпей коньяка!»
В голове его явился слоган.
В нём таился вековой совет.
Аргументов «против» просто нет.

Постучали. Будто сирота.
Но поэт тот тихий стук услышал,
Встал с постели, дверь открыл и вышел.
А за дверью в куртке, без зонга
Девочка стояла и дрожала.
Может, от кого-то убежала?

В комнату вошла без приглашений,
Курточку сняла, садясь на стул.
Был поэт немолод и сутул
И опешил от таких решений.
Девочка молчала, он молчал.
Слово – не начало всех начал.

К действиям ему явился повод
Сделать чай и ужин, наконец.
Дал, по-видимому, знак Творец,
Что пора унять ненужный голод.
Девочка совместно с ним поела,
На диван легла и засопела.

А ему пришлось встречать сон в кресле,
Толстой курткой сохранив тепло,
А когда светило уж взошло,
Он проснулся, счастлив так, как если
Вдруг писать закончил свой роман.
Но увы, то был лишь чувств обман.

Не увидел он ночную гостью.
На столе лежал простой листок.
Сверху из угла лучей поток
Лился на пространство белой кости.
Этот примитивный символ детский
Снял с души замок тоски мертвецкой.

ПРОЗА

Знамя

Уважаемый всеми фронтовик-сталинградец, а ныне завхоз конно-спортивной школы в областном центре Григорий Иванович Хохлов редко делился своими воспоминаниями о войне. Видно, сами эти воспоминания были неимоверно тяжелы и кроме боли, давящей за грудиной, мало что вызывали. Но иногда они накачивали и подолгу не отпускали, как сегодня, к примеру. «В Сталинграде был, конечно, ад кромешный, – думалось ему, – а всё ж было и пострашнее». В Сталинграде он знал, что рядом друзья, слева – справа, пусть по-редевшие, зато невероятной стойкости соседние роты. Есть командиры, научившиеся за полтора года войны воевать, отдавать толковые, выполнимые приказы. Была ежеминутная вероятность смерти, но и сама гибель была не бессмысленной. Оправданной, если хотите. Имела цену свою – за тот вон этаж полуразрушенного дома, за более выгодную позицию в развороченных бомбами и снарядами заводских цехах, за выручку десятка бойцов, отрезанных немцами от своих, за эту тонюсенькую полоску приволжской земли, за которой жизни для защитников Сталинграда уже не существовало.

До всего этого у него был май и июнь сорок второго. Было Барвенково. Называли и называют это место и события, с ним связанные, по-разному: «Барвенковский выступ», или «Барвенковский плацдарм», «Барвенковский котёл» или «Барвенковская катастрофа». Как ни назови, всё правильно, всё в точку. Именно с Барвенковского плацдарма они начали наступление. Именно отсюда, вгрызаясь в немецкую оборону, без должной артиллерийской и воздушной поддержки, поливая кровью пехоты меловые горы и непросохшие к середине мая степные балки, они шли вперёд. Целью наступления был Харьков, и он уже был виден без биноклей, когда поступил приказ остановиться и вернуться к исходным рубежам. Не только такие, как помкомвзвода сержант Хохлов, но и большинство офицеров не знали, что к тому времени

Сергей КОЧУКОВ

Сергей Константинович Кочуков – родился в 1957 г. в селе Лысье Горы Тамбовской области. Работал на машиностроительном заводе и хлопчатобумажном комбинате, срочную службу проходил в пограничных войсках на советско-китайской границе. Учился в Москве, по образованию юрист-международник, референт по странам Востока. 25 лет прослужил в органах государственной безопасности. С 2002 г. – военный пенсионер. Занимается исследованием региональной истории, автор более десяти краеведческих и художественных книг. Правлением СПР награждён памятной медалью В.М. Шукшина. Член Союза писателей России, создатель и руководитель музея в с. Лысье Горы, организатор ежегодного фестиваля авторской песни «Там под Лысой Горой». В 2018 г. присвоено звание «Почётный гражданин Тамбовского района».

Живёт в Лысых Горах Тамбовской области.

немцы сходящими ударами с севера и юга отрезали Барвенковский выступ у основания и всё ту же стягивали котёл окружения.

Григорию Ивановичу до самой смерти не забыть, как на площади всего в 15 квадратных километров скопилось несколько сотен тысяч бойцов и командиров, огромное количество техники, вооружения, конского поголовья. Разве забудешь, как потерявшая всякое управление масса войск беспорядочно металась на этом пятачке, под непрекращающимся обстрелом из всех видов оружия, с, казалось, навсегда зависшей над головами вражеской авиацией, безуспешно пыталась вырваться из этого кипящего котла. Несколько дней длилось это беспощадное истребление.

При одном воспоминании от всего пережитого, всего увиденного мертвело внутри, сердце бухало неровными болезненными ударами, не хватало воздуха, чтоб дышать. Всю полноту безграничного мужества и самопожертвования видел он на том пятачке, всю полноту человеческой слабости, трусости и предательства он тоже видел. Он видел генералов, которые, отчаявшись навести порядок, двигались с примкнутым штыком впереди бойцов в последнюю атаку. Побелевших старших офицеров, приказывающих своим подразделениям сложить оружие и сдаться на милость врагу, он тоже видел. Ему не забыть того седого полковника, который, не обращая внимания на вышестоящее начальство, взял ответственность на себя. Он стоял во весь рост, не кланяясь пулям и осколкам, твёрдо отдавал приказы, которые, несмотря на неразбериху, безукоснительно исполнялись. Вокруг него собралось ядро солдат и офицеров, большинство из других частей, которое за считанные часы обросло тысячами поверивших в него, подчинившихся его железной воле. Таких военачальников было немало, и именно им удалось с боями вырваться из этого ада, и спасти хотя бы часть людей.

Ему не забыть своего командира полка, с безумными глазами и грязной пеной в углах кривившегося в беззвучном крике рта, пытавшегося остановить панически отступавших бойцов. Меняя обоймы в своём ТТ, он стрелял и стрелял в них, редко промахиваясь. Это были солдаты, всего неделю назад перед наступлением прибывшие на пополнение его батальонов. Ещё тогда Хохлов поразился, что это были совершенно необученные, не прошедшие даже недельный курс молодого бойца вчерашние школьники, колхозники, студенты.

– Дядя Григорий, спаси, не бросай, – размазывая по грязным щекам слёзы, скулил один из этого пополнения, боец его взвода Свирелин Ваня. Свирепо взглянув на него, Григорий неожиданно для себя смягчился. «Даже обращаться к старшему по званию не обучили, назвал как какого-нибудь бригадира в родном колхозе».

– Ладно, племянничек, рядом держись и винтовку не бросай. Прорвёмся, как пить дать, прорвёмся. Оглядимся вот только.

Он не был новичком на войне, почти год уже воевал, потому и понял, что дела плохи – хуже некуда. Он озирался по сторонам, ища спасения в этом хаосе огня и смерти, и не находил его. Примерно через час они с Ваней наткнулись на седого полковника. Хохлов доложил, что они двое уцелели от своей роты, и о том, что он ждёт дальнейших указаний. Полковник впери в него свой взгляд, взгляд глаза в глаза, взгляд оценивающий и внимательный. Чего он рассмотрел в глазах сержанта, осталось загадкой. Главное, он не увидел там безысходности и панического страха.

– Сержант, собрать с десятков бойцов, слить весь бензин, который только найдёте с разбитых машин, в эти четыре полуторки, о выполнении доложить.

– Есть, – спокойно ответил Григорий и без излишней, которая чаще бывает показной, торопливости, принялся выполнять приказ.

– Сержант, загружай в эти машины бойцов, с оружием, и не раненых. Будешь двигаться слева от основной колонны, за безопасность слева несёшь ответственность. Что с того, что имеются офицеры, мы сейчас все подравнялись в званиях и должностях. Кто этого не понял, с нами не по пути. Ты лично мною назначен старшим бокового дозора. Выполняйте, сержант, через полчаса выстуаем.

...Седой полковник всё-таки вывел их из котла. Построив до десятка тысяч бойцов и командиров клином, где остриём служили два уцелевших танка и броневичок погибшего командарма, две батареи сорокапятков, а по бокам отряды автоматчиков на автомобилях, Федотов (фамилию полковника Хохлов запомнит на всю жизнь) предпримет прорыв, казалось бы, на самом крепком участке фашистского фронта. Только безумец был способен на это. Федотов безумцем не был. Немцы ожидали возможных прорывов с нашей стороны, но только не здесь, где у них скопилось большое количество войск, техники и штабов различного уровня.

Придя в себя, немцы начали с двух сторон, в упор, буквально насквозь прошивать рвущиеся к свободе колонны русских из всех видов оружия. Сгорели танки и броневичок, было разбито большинство машин и орудий, полоса прорыва была устелена телами убитых и раненых. Эту шевелящуюся, стонущую, истекающую кровью полосу немцы дважды засыпят минами, перепашут снарядами, и она смолкнет. Они отведут войска и обустроят их в менее подходящем месте, лишь бы не находится рядом с этим, открытым ветрам, дождям и солнцу, гигантским кладбищем.

Окружение немцев прорвали, а вот советского фронта не нашли. Его попросту не было. Была сухая, несмотря на июнь голая степь. Без леса, без кустика, с редкими безлюдными казачьими хуторами. Единственным спасением от, казалось, навечно нависших над колоннами немецких пикировщиков служили овраги.

Федотов доведёт их до Оскола и при огневой поддержке советских частей с левого берега организует переправу. Самого же, неоднократно раненого, истекающего кровью, схоронят на правом берегу в буераке остававшиеся с ним до конца Хохлов и Свирелин.

Сейчас они шли вдвоём безводной степью, держась строго на восход солнца, бесконечно усталые, голодные, пытаясь утолить жажду в редких солончаковых болотцах. Солёная, дурно пахнущая вода не утоляла, а делала её ещё более нетерпимой.

Они держались оврагов, в которых укрывались от хозяйничавших в степи немецких самолётов и мотоциклистов. Григорий коротко бросил взгляд на Ивана, загребавшего усталыми ногами степную пыль, и в который раз подумал, что не зря взял неделю назад этого скулящего, обмеревшего от страха юнца под свою опеку. За время непрерывных обстрелов и бомбёжек, атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, Иван почернел лицом, взгляд ушёл куда-то вглубь, злость, а порой и отчаяние плескалась в его угольно-чёрных глазах. Весь он превратился в сжатую пружину, готовый в любой момент взметнуться, схватиться с любым противником, пулей, штыком, зубами отстаять своё право на жизнь.

«Хочет выжить, во что бы то ни стало выжить, – думалось Григорию. – А ты? Сам неужто не хочешь?» Душа, обугленная от всего пережитого, ум, отказывающийся воспринять и осознать весь масштаб разыгравшейся трагедии, не находили ответа.

«А в целом держится неплохо. И в прорыве вёл себя прилично, стрелял, пока не кончились патроны в тяжелой для него винтовке, стрелял осмысленно и даже пытался целиться, положив её на борт полуторки. И седого полковника не бросил, хотя сил уже не было тащить его вдвоём на плащ-палатке». Вчера, правда, повёл себя для Григория неожиданно и до конца непонятно. Немецкие мотоциклисты, окружив овраг, прочесали его пулемётными очередями, затем на ломанном русском предложили сдаться всем уцелевшим. Знать, не одни они с Иваном укрылись здесь, из разных концов оврага поднимались наши бойцы и начинали карабкаться на крутой песчаный откос, верху которого гоготали немцы. И тут Григорий почувствовал, что лежавший с ним рядом Свирелин тоже начал подниматься.

– Лежать! Лежать, говорю, – и тяжёлой лапицей Григорий придавил голову Ивана к земле.

– Что лежать, что лежать? Перестреляют всех, кто не вышел, конец тогда, совсем конец.

– Заткнись, не то сам удавлю.

Григорий наблюдал из своего укрытия, как немцы встретили поднявшихся на крутояр красноармейцев, тычками сбили их в кучу и начали что-то громко обсуждать, затем гортанно пролаял что-то старший среди них, и они разом умолкли. Двое сели в мотоцикл с коляской и, развернувшись, равнодушно, как при какой-то обыденной работе дали длинную очередь по красноармейцам. Все семеро, надломившись, пали наземь.

Даже убирать их немцы не стали, так на крутояре и оставили, сели в мотоциклы и укатили в бескрайнюю степь. «Видно, решили, что тащиться с этими пленными до сборного пункта по выжженной степи себе дороже. Да и улов невелик, всего семь русских».

– Смотри, смотри, сучий потрох, смотри и в следующий раз всегда вспоминай, – твердил он в злобе Ивану, когда они одной лопатой и каской отрывали на крутояре могилу тем семерым.

На расстрелянные, видимо с воздуха, три штабные машины, они наткнулись на следующий день под вечер. Штабная «эмка» с мёртвым генералом-артиллеристом и два грузовика были изрешечены пулями и осколками, сухой ветер разносил по степи листки каких-то штабных документов и сладковато-приторный запах от начавшихся разлагаться трупов. «Дня три назад, должно, попали под немецкую бомбёжку. И ни одного живого или раненого. Может, оставшиеся в живых ушли. Сволочи, коли так». Григорий узнал рядом с водителем одного из грузовиков командира своего полка. Того самого, пытавшегося остановить бегущих в панике бойцов и стрелявшего в них. А в кузове, среди ненужного теперь военного хлама и мёртвых бойцов, зачехлённое знамя полка на выструганном, отполированном годами древке.

Иван безропотно принялся долбить для могилы неподатливый каменистый суглинок, Григорий вскоре присоединился к нему. На захоронение потратили весь вечер, короткую июньскую ночь и остаток собственных сил.

Не восстановили их и съеденная, чудом уцелевшая в кузове банка тушёной каши, и протухшая вода из канистры в «эмке».

Утром, едва забрезжило, Григорий стянул с древка полковое знамя и после неудавшейся попытки втолкнуть его в противогазную сумку, начал стягивать гимнастерку, чтобы обмотаться им.

Свирелин смотрел широко распахнутыми, словно вылезшими из глубины орбит угольными глазами на манипуляции Хохлова. Голосом полным страха и неожиданной решимости отчаянно зашипел: «Не смей! Не смей брать это!» Хохлов поначалу даже не понял, о чём он. А Иван подступился вплотную, вцепился в алую бархатистую ткань мёртвой хваткой.

– Не смей, говорю! Оставь! Ты что, погубить нас решил? Смерть верная, коли к немцам попадём! Да отдай же, наконец! Дурак! Идиот! Всё в героев играешь.

Опешивший Григорий, даже слово вставить не мог в этот захлёбывающийся словами, пронизанный страхом крик. Продолжал крепко держать край полотнища. Свирелин, откуда сила взялась, едва не выдрал его из рук Хохлова.

– Всё в героев играешь! А они там под Барвенковым все остались, а генералы, комиссары, что нас в это пекло послали, далеко на востоке, новые сражения разрабатывают. И эти, которых мы только что схоронили, тоже впереди всех драпали, войска бросили, стратеги, мать их... Чего ты мне полковником Федотовым тычешь, таких как он единицы, и они, как и мы, всего лишь мясо пушечное. А я не желаю, не желаюдохнуть из-за этого куска материи, не хочу! И тебе не позволю!

– Ах, вон ты запел как? Никак, к немцам собрался? Шкуру спасти? – Григорий всё больше накалялся.

– Никуда я не собрался, а исключать и такой поворот дел не приходится.

– Заткнись, паскуда, покуда я тебя лично не прибил тут, – он рывком вырвал знамя и толкнул Ивана в грудь. Тот едва не упал.

– А что, Григорий Иванович?! А и вправду, чего церемониться, у тебя в автомате ещё с десяток патронов имеется – потрать на друга! Потрать! Вот уж будешь героем настоящим. Ну? Чего ж ты? Давай, тем более у меня в винтовке ни одного патрона, да и были бы – духу не хватило у меня. Ну, не герой я, слышишь! Не герой и всё! Уродился, видать, таким! Я жить! Понимаешь, я просто жить хочу.

– Уйди! Уйди от греха подальше, – Григорий медленно опустил ствол автомата. – Сволочь ты последняя! Уйди, и на глаза мне не попадайся больше.

– Ну и уйду! – Иван подхватил шинельную скатку, длинную, не по росту винтовку и, набычившись, зашагал куда-то в сторону.

Ошеломлённый Григорий присел прямо на землю, внутри клокотало. И с этим человеком он воюет уже много дней, таких дней, что годам порой равны. С ним укрывались одной шинелью, делились последним сухарём и, что ещё важнее, последней горстью патронов. Как мог он не разглядеть, проглядеть эту червоточину в человеке, которого ещё полчаса назад считал своим верным другом. И лишь где-то, в самом дальнем уголке сознания едва-едва шелохнулась мысль: «А ить силы человечьи то ж не без пределу! И гранит-камень, бывает, пополам трескается. А тут война такая!» Шелохнулась мысль и примолкла, уступив место негодованию, раздражению и неприязни.

Он шёл уже третьи сутки. Нет, уже не шёл, медленно брёл, загребая порывшимися сапогами горькую пыль. Порою впадая в забытие, он падал в эту горячую полынную землю, а очнувшись, тяжело поднимался, чтобы сделать ещё сотню другую шагов. Входя на очередную возвышенность, он оглядывался кругом, но ни малейшего признака жизни, ни одной живой души не находили его глаза. Душу сковывал страх именно от этого безлюдья. Казалось, что попал в какую-то далёкую неведомую землю, где нет войны, нет людей, вообще ничего нет. Есть только он, эта полынная степь без конца и края, и безжалостное солнце. Даже немецким мотоциклистам или самолётам он, казалось, обрадовался бы сейчас больше, чем этому безлюдью и безмолвию.

Одновременно Григорий затылком чувствовал, что он не один. Однажды, поднявшись на очередной увал, даже увидел его, устало бредущего далеко сзади. Если для Хохлова ориентиром служило встающее поутру на востоке солнце, то для Свирелина, видимо, фигурка Григория в паре километрах впереди. Попытался выругаться матерно, вновь озлиться в душе, но даже на это не хватало сил, и Григорий в очередной раз заставил себя подняться и двинуться вперёд.

В широкий противотанковый ров он угодит уже поздним вечером. Было это так неожиданно, будто земля разверзлась перед ним, и он летит в чёрную бездну. Свалившись на дно рва, вновь впал в беспамятство. Лежал долго, раскинув руки и прижимаясь щекой к влажному, прохладному в ночи песку. Порой сознание возвращалось к нему, но он не верил, что оно вернулось, как не верил и невнятным голосам и другим звукам где-то в десятках метров от себя.

Он очнулся от резких автоматных очередей, инстинкт солдата толкнул его, и он судорожно повёл руками вокруг, отыскивая оружие. Автомата рядом не было. Солнце поднялось уже высоко и, приподнявшись, он увидел, что ров стал прибежищем не только для него. Слева и справа кучками и в одиночку, лёжа и сидя располагались запыхлённые, почерневшие бойцы.

А по гребню рва шёл офицер в перетянутой ремнями гимнастёрке и три красноармейца-автоматчика.

– Кто такие? Какой части? Где оружие? По паникёрам и дезертирам огонь!

Звучала короткая очередь и прислонившиеся к стенке рва солдаты в расхристаных гимнастёрках сползали безжизненно вниз.

– Кто такой? Почему здесь? Трус! Твоя часть дерётся там, – и указ рукой на запад. – Огонь!

– Что ты мямлишь, где винтовка твоя? Фронт стоит в десяти километрах на запад. Стоит, несмотря на то, что ты дезертировал! Огонь!

«Какой фронт? О чём он говорит? Не было там никакого фронта. Не перепрыгнул же я через него», – лихорадочно билась мысль у Григория. А группа по брустверу неуклонно двигалась в его сторону. Поднявшиеся солдаты, среди которых были младшие командиры, оцепенело смотрели на происходящее. Никто не шелохнулся, не предпринял малейшей попытки бежать, спастись. Просто стояли и безропотно ждали, когда подойдёт их очередь.

– Так, с оружием? Кто старший? – вновь гортанный голос офицера, – живо наверх! Марш строиться, с вами отдельный разговор.

– Так, а ты, толстяк, где оружие, документы, выбросил? (Со знаменем под гимнастёркой Григорий, видимо, действительно выглядел толстым).

Хохлов наконец увидел свой автомат, тот лежал на противоположном откосе, видимо, обронил при ночном падении. До него было далеко, да и поздно что-то объяснять. Он судорожно рвал ворот гимнастёрки и ремень. Стал стягивать её через голову. Вокруг тела было обмотано знамя. Нет, оно не алело и не выделялось красным пятном. Оно было чёрным от пота и пыли, от крови, периодически сочившейся из касательной раны в бок, которую получил ещё при прорыве из котла. Но это было знамя, и не узнать его было невозможно.

– Сержант, быстро наверх, какой части?

– Помкомвзвода третьего батальона 429 стрелкового... сержант Хохлов... Знамя это... полка нашего...

– Этот боец с вами?

Тут только Григорий увидел в пяти шагах пытавшегося подняться на ноги Ивана Свирелина. Если бы увидел в его угольно-чёрных глазах страх и мольбу о пощаде, Григорий, наверное, не «признал» бы его. В глазах он увидел несвойственную Свирелину горделивую обречённость, готовность принять как должное то, что через мгновение станет последней безжалостной точкой в его короткой жизни. Может, поэтому Григорий неожиданно для самого себя произнесёт:

– Со мной... соседней роты боец, – и двинулся наверх, но не к офицеру, а к своему автомату на скате противотанкового рва.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – член Союза писателей России. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор более 10 книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Москвы» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

«В заветных чувствах...»

На свет живой

Куда ведёт меня дорога?
В обитель света иль во тьму?..
Но душу я храню для Бога –
Иду к Нему лишь одному.

Иду по жизни минным полем...
Спаси меня Господний Крест –
Веди меня по Божьей воле,
На свет живой под благовест!

Петля Мёбиуса

Петля проста, но необычна.
Своею странностью сложна –
Односторонность непривычна,
Изнанка даже не видна.

Мы по Вселенной млечной лентой
Идём вперёд – к самим себе,
И слышим звёзд аплодисменты –
Тех, что ведут нас по Судьбе.

Гроза в Москве

Гроза идёт в атаку строем
И наступает, как гора –
Стихия лупит градобоем,
И ливень льёт, как из ведра...

И каждый рад, и успокоен –
Спадает жуткая жара...
А город – реками затоплен,
Увы, спасаться всем пора!..

Разряды молний с резким треском
Перекрывают шум дождя,
И гром с раскатистым довеском
Грохочет следом, не шутя...

В Петербурге

Гуляли мы по Петербургу
Вослед за ангелом любви –
К Петру Великому, как к другу,
На берегу реки Невы.

Потом в саду бродили Летнем,
И ангел нам читал стихи
О том, что мы с тобой – поэты
Из тех, что очень неплохи.

Воспеть любовь

В молитве к небесной царице
Исполнить прошу я мечту –
Искусно, как Лель на цевнице¹,
Любимой дарить лепоту.

Волшебным дыханьем бессмертных
Повеет из флейты моей,
Чтоб в чувствах сердечных заветных
Проснулся во мне соловей.

Любовь воспевать буду ладно
В созвучии с сердцем моим –
Пусть чувства летят безоглядно
Туда, где я буду любим.

Услышит любимая голос
Чарующих флейтовых нот,
И годы подарит нам Хронос,
Продлив наш совместный полёт!..

¹ Цевница – старинный русский народный пастушеский многостольный духовой музыкальный инструмент типа флейты Пана.

ПОЭЗИЯ

Элла КУЗНЕЦОВА

ЭЛЛА КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – член Союза писателей России. Автор книги стихотворений «Солнечный дождь», соавтор детских книжек «Сказка о вислоухом кролике» и «Невероятные приключения попугая». Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Москвы». Союзом писателей России и Благотворительным фондом «Возрождение культурного наследия» награждена медалью «Великий Князь Сергей Александрович». Решением МГО СП России награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», а также Наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Живёт в Москве.

«Как же жизнь хороша...»

В поисках мечты

Как много хочешь выразить в стихах,
И в поисках мечты летишь во снах...
А чувства длинной чередой
Изводят грустью колдовской.

Когда подчас стужается туман,
Теряет краски каждый сон-обман,
И не сулит рассвет покой,
И нет поэзии живой.

И сердце жалит тихая печаль,
Сжимает душу ржавая спираль,
И в форточке ветер сквозной
Грустит о любви неземной...

Но посреди холодной тишины,
Средь ледящих звёзд – из вышины
Вновь рифмы в кружеве каймы
Поют строкой живой тесьмы!..

Две розы

Душа рождает искренность строки,
Когда приходит свыше вдохновенье,
Слова любви в полёте высоки –
Рифмуются в крылатом облаченье!

Лечу над Крымом в облаке живом
Слезу пролить в саду Бахчисарая,
И на скалистом выступе крутом
Прочесть стихи, в любви сгорая.

Две розы брошу в пену вод морских,
Цветы утешут гневную стихию,
И хоть трагедий множество людских,
Мне очень жаль Зарему и Марию.

Лунная дорожка

Подобно росчерку пера
Рождает ночь на водной глади
Дорожку – всю из серебра...
Неужто лишь тщеславья ради?

Из света лунного она,
Из взмахов крыльев белых чаек...
Блестит, романтики полна –
К мечтам призыв необычаен.

И хочется пройтись по ней –
К Луне с загадочным приветом,
Что дразнит бликами теней,
Маня брильянтовым просветом.

К себе притягивает взор,
Играет, затаив коварство –
Обманчив сказочный простор
Дороги в призрачное царство...

Забайкальское утро

Умываюсь рассветною свежестью –
Тонкой дымкой росистый туман...
Всею душой с удивительной нежностью
Окунаюсь в любви океан.

Расплескался по сопкам бесчисленным
Молоком в облаках голубых...
Восхищаюсь я чудом немислимым
Забайкальских просторов родных.

И бегу по волнистой безбрежности,
И ликую в восторге душа,
И кричу с неожиданной смелостью
На весь мир: «Как же жизнь хороша!»

ПАМЯТЬ

Одноклассники

Я люблю смотреть документальные фильмы о войне. Большинство бойцов в этих фильмах – молодёжь школьного возраста. Не зря сказано – вчерашние десятиклассники выиграли эту страшную, кровавую войну. Я внимательно всматриваюсь в лица, мелькающие на лентах военной кинохроники. С годами не проходит желание отыскать среди них своих родных, также после школы ушедших на фронт и не вернувшихся домой, навсегда оставшихся для нас молодыми. Поражает духовная красота этих суровых лиц. На них видны и высокая ответственность, и внутренняя сосредоточенность, и широкая доброта – всё то, что позволило победить.

Недавно в российской газете нашёл цифру. Девяносто семь процентов поколения 18-летних только из первого военного призыва 1941 года остались лежать на полях сражений. А сколько же их погибло за все годы войны. Сколько страна потеряла великих и не только великих, а настоящих учёных, инженеров, поэтов. Сколько разбитых судеб, несчастных матерей, сколько горя принесла эта война.

Вместе с тем, чувство восхищения и гордости вызывает героизм, проявленный на полях войны простыми мальчишками и девочками, только что вставшими из-за своих школьных парт. История не даёт нам схожих примеров из жизни других стран, где молодое поколение также активно становилось на защиту своего отечества.

Задаю себе вопрос: откуда такой героизм, откуда это массовое самопожертвование у молодёжи, жившей, как правило, в трудных материальных условиях, в небогатых деревнях, посёлках и городах, расположенных в основном вдали от республиканских и областных административных центров, где даже радио появилось всего за несколько лет до войны? При этом хорошо известно другое. Именно молодёжь – это та социальная среда, которая не лукавит и не

Игорь ГАФУРОВ

Игорь Гафурович Гафуров – является директором Махачкалинского машиностроительного завода сепараторов, профессор, доктор экономических наук. За сохранение предприятия в сложные перестроечные годы и организацию производства новой конкурентоспособной продукции награждён орденом Почёта, многими республиканскими и ведомственными наградами. В последнее время помимо научных работ пишет очерки о людях, внёсших немалый вклад в хозяйственное и культурное строительство страны, её защиту в годы Великой Отечественной войны, с которыми ему пришлось встретиться по жизни. Живёт в Махачкале.

ИГОРЬ ГАФУРОВ

приспосабливается и, если она встала на защиту Родины, то делает это искренне, по зову сердца.

Сегодня многое из тех героических лет уходит в небытие. Мало остаётся очевидцев и участников тех исторических событий. Всё это даёт повод отдельным литераторам и историкам для их неадекватной оценки. Но в будущее, как в своё время сказал фронтовой поэт Михаил Луконин, лучше прийти с пустыми руками, чем с пустым сердцем. Потому что без настоящего прошлого нет настоящего будущего. Мне выпало счастье рассказать о десятиклассниках фронтовой поры, на примере одного класса, в котором учились моя мама, ученики которого 1925–26-ых годов рождения ушли на фронт в 43 году.

Они учились в обычной десятилетке, которая находилась в далёком сибирском селе с красивым названием Берёзовка. Село, расположенное на небольшой возвышенности, омывалось полноводной рекой, славившейся изобилием разнообразной рыбы, как мелкой – краснопёрка, хариус, окунь, налим, так и большой – щука, таймень, нельма, которая выручила жителей в тяжёлые неурожайные годы. Вдоль реки по обе стороны села, насколько охватывал взгляд, тянулись бескрайние колхозные поля, пастбища и сенокосы, которые в зависимости от времени года меняли свой цвет, от ярко-зелёного – весной и летом до огненно-жёлтого – осенью. На них трудолюбивые крестьяне создавали свой скромный материальный достаток, производили сельхозпродукцию для жителей страны. Прямо за деревней во всю свою серебряную красоту тянулась берёзовая роща, давшая ей такое красивое название. Славившаяся черемуховыми околками с их неповторимым весенним благоуханием, изобилием грибов и ягод, чудными полянами, с которых можно было любоваться прозрачной голубизной сибирского неба, она сыграла большую роль в судьбах многих поколений сельчан. Однако особая любовь и гордость жителей Берёзовки была связана с тайгой. Тайга, в которую плавно перетекала нарядная белизна деревьев, тянулась до самого горизонта, до самых отрогов Саянских гор, величаво смотревшихся на фоне заходящего солнца. Её зачарованная таинственность, многочисленные предания, несметные богатства и громадные просторы оказывали особое влияние на формирование местных характеров. Она определяла как хозяйственный уклад людей, так и их отношение к жизни. Учила мужеству и стойкости. Вместе с этим, учила жить и созидать в суровых сибирских условиях. Это хорошо понимали мудрые педагоги берёзовской школы, стремившиеся через любовь к природе, земле привить своим ученикам большее – любовь к Родине.

Здесь настала пора остановиться на классе, о котором ведётся наше повествование. Хотя выделить его чем-то из множества других подобных классов, расположенных в таких же одноэтажных деревянных школах, разбросанных по бескрайним просторам Сибири, почти невозможно. Класс по тем временам считался небольшим. В нём обучалось 10 ребят и 14 девочек, включая и тех, кто жил в соседних деревнях, где не было своей десятилетки. Ребята с детства увлекались рыбалкой и охотой, хорошо ходили на лыжах. Помня о ещё свежих в памяти событиях, связанных с Гражданской войной, а также военными событиями в Испании, большинство из них хотели свою судьбу связать со службой в Красной армии. Девушки, как правило, мечтали стать учителями – в те годы наиболее авторитетная профессия, пользовавшаяся всенародной любовью и уважением. Конечно, на формирование характеров ребят и девчат большое влияние оказывала семья. Именно пример старших прививал любовь к труду и окружающей природе. Всем памятен случай, когда из-за

неосторожности ребят загорелись берёзовые деревья и какая жёсткая реакция на это последовала со стороны старших.

Но поскольку родители, у кого они были, с утра и до позднего вечера работали в колхозе, то фактическим воспитанием подростков занималась школа.

Учителя той поры заслуживают особого разговора. Они, как правило, самоотверженно отдавали себя любимому делу, и поэтому во всех многочисленных победах, которые одерживала наша страна, есть и их огромный вклад. На одном из таких педагогов, имевшем непосредственное отношение к предмету нашего рассказа, следует остановиться подробнее. Зинаида Григорьевна Панасенко, классный руководитель и учитель литературы. Эта невысокая средних лет женщина с заметной проседью в густых каштановых волосах и добрыми карими глазами под стёклами всегда спадающих очков по сути являлась матерью и отцом наших героев. Она сопереживала вместе с ними все события, которых на их долю выпало немало, добрым словом и советом помогла в жизни. Зинаида Григорьевна обладала редким педагогическим даром, выделившим её среди школьных учителей. Знакомя учащихся с очередным литературным произведением, она умело перевоплощалась в образы изучаемых героев, особыми жестами, мимикой и интонацией раскрывала их характер. Также выразительно ей удавалось передать сцены с описанием природы. Рассветы и закаты, холодные зимние пейзажи и весенние проталины, знойное душистое лето и торжественно багряная осень – всё это ей удавалось наполнить мыслью и настроением. Оттого всё рассказанное заставляло жить. И если бы природа могла благодарить человека за ту любовь, с которой она воспевается, то эта благодарность должна была прежде всего выпасть на долю Зинаиды Григорьевны. Вот что вспоминают её ученики: На уроке изучали рассказ «Лес и степь» из «Записок охотника» Тургенева. Раскрывая, казалось бы, скучные и обыденные описываемые в нём картины, учительница с такой яркостью передала утреннее солнце и шлёпанье лошадиных ног по лужам от вчерашнего дождя, крик птиц над болотом и медовый запах гречихи, что каждый из её учеников невольно перенёс мысли на свою деревню и по новому взглянул на окружающую природу. Он обнаружил колдовскую прелесть распростёртых вокруг полей и лесов, куда они бегают за грибами и ягодами. Почувствовал опьяняющую душистость воздуха над цветением трав, смородины и малины, увидел бирюзовую красоту уходящего вдаль кедра. В груди затеплело ранее неведомое чувство гордости, а может быть, и любви к своей деревне, ко всему тому, что её окружает. Неудивительно, что после таких уроков любимые писатели Зинаиды Григорьевны, воспевавшие русскую природу – Тургенев, Лесков, Пришвин, Паустовский, многие произведения которых изучались на занятиях во внеурочное время и на которые, как говорят, ходили «валом», стали близкими и её ученикам. При этом навсегда запали в душу крылатые слова Пришвина: «Рыбе – вода, птице – воздух, зверям – лес, степи и горы. А человеку нужна Родина. И охранять природу – значит сохранить Родину».

Вот что писал своей любимой учительнице незадолго до гибели Анатолий Зайцев из партизанского отряда, находящегося в Белоруссии.

«Сегодня я вместе с моими белорусскими товарищами в дозоре. Ночью лёг первый мороз, отчего зябнут лицо и руки. Но меня согревает красота восходящего солнца, синева просыпающегося неба. Глаз радует седая от холода зелень кустарника, склонившегося над нашим окопом, величавая крона

растущей ели. Как всё это напоминает наши родные места. Как это созвучно с Вашими словами: “Любите каждый листик, каждую травинку – все они частица нашей души, частица нашей Родины”. Сегодня предстоит тяжёлый бой. Я буду защищать от врагов нашу родную природу, нашу любимую землю, на которой я мечтаю работать после войны. От этого светлеет моё сердце и укрепляется моя душа».

Война в Берёзовку, как и всюду, хотя о ней давно говорили, пришла неожиданно. 22 июня вся деревня собралась на площади перед правлением колхоза. Слушали выступление Молотова по радио. Стояла гнетущая тишина, которая изредка нарушалась тяжёлыми вздохами и кряхтением стариков. Люди, сторбившись под тяжестью ожидаемых бед, расходились медленно. Молодёжь, как будто сговорившись, направилась к школе, стоявшей напротив правления. Собирались по классам. Отдельно стояли девчонки. Над всеми витал дух возвышенной приподнятости, которую выдавали горящие глаза и звонкие голоса ребят. Уже строились планы, принимались решения. Девчонки, кончиками платков протирая глаза, с любопытством поглядывали на мальчишек. Среди последних выделялся худощавый паренёк выше среднего роста, с копной светлых волос и длинным прямым носом. Женька Трушкин, известный балагур и признанный лидер в своём классе, стоял, прислонившись к забору, и описывал какие-то непонятные фигуры правой ногой, обутой в короткий сапог. «Понятно, в армию нас не возьмут, однако ехать надо», – размышлял Женька. «Вы знаете, – обратился он к стоявшим рядом друзьям – Аркашке Сухатину и Витьке Симоненко, – белке в глаз с 50 метров – мне раз плюнуть. И на лыжах мало кто догонит. Да и у вас с этим нормально. Так что там мы пригодимся». После такого заявления Женька сдёрнул с головы непонятного цвета кепку, зачем-то дважды стукнул ею по своим сапогам и внимательно посмотрел на друзей. За всех ответил вынырнувший откуда-то Ванечка Ивлев, маленького роста паренёк в поношенном, не по размеру пиджаке на худеньком теле. «Другого нам не дано», – скороговоркой выговорил Ванечка, и его веснушчатое лицо расплылось в широкой улыбке.

Ребята хотели съязвить, как он собирается на войне носить огромную для его роста винтовку, но промолчали. Вспомнили непростую судьбу друга, оставшегося вместе с младшими братом и сестрой без отца и матери. Его родители погибли 8 лет назад от рук бандитов при перевозке первого колхозного зерна на районный элеватор. Ребята знали его огромную ненависть к врагам, под которыми Ванечка понимал и убийц своих родителей, и фашистов, и всех тех, кто мешал их начинающейся жизни.

Забегая вперёд, скажем, что Женька со своими товарищами спустя месяц выполнил принятое решение, и после тщательной подготовки они самостоятельно отправились на фронт. Однако уже в Новосибирске их сняли с товарного поезда и вернули домой, где произошёл серьёзный разговор с родителями. Так состоялся их первый юношеский подвиг, продемонстрировавший громадное желание быть там, где бьют врага. Следующий свой подвиг они совершат спустя три года непосредственно на полях сражений.

Сегодня в это трудно поверить, но летом 1941 года сотни тысяч юношей и девушек осаждали военкоматы и райкомы комсомола с одним желанием – скорее попасть на фронт.

Так было и с нашими героями. В соответствии с принятым решением, первого июля на утренней зорьке они всем классом отправились в военкомат, который находился в райцентре в 16 километрах от Берёзовки.

Повозмущавшись, когда к ним неожиданно присоединились ребята из других классов, они дружно всей гурьбой зашагали по тянувшейся вдоль реки дороге с глубокими колеями от колёс перегруженных телег. Их сопровождала трескотня придорожных кузнечиков и назойливое жужжание ранних комаров, нахально атакующих незащищённые шею, лицо и руки. Вокруг стоял приятный аромат просыпающихся полей. По мере движения освежающая прохлада утреннего тумана, стоявшего над рекой, уступала место нарастающей жаре с оводами и мухами. Светка Волчек и Надя Барлекова, шагавшие с ребятами в первых рядах, затянули любимую песню: «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает!». Её дружно подхватили и зашагали быстрее.

В райцентр подошли к обеду. Перекусив нехитрой едой, взятой из дома, вышли на главную улицу посёлка, украшенную молодыми берёзами, стройно стоявшими по обе стороны дороги. Вокруг военкомата и райкома комсомола уже толпилась молодёжь из соседних деревень. Наиболее активные пытались прорваться вовнутрь. Наконец на крыльцо военкомата вышел пожилой военный и охрипшим, видно, от многочисленных выступлений голосом обратился к толпе. Суть его короткого выступления сводилась к следующему: «Благодарим за патриотический порыв. Никакой самодеятельности не надо. Ждите. Сегодня работы будет много и дома. Кого надо вызовем в соответствии с мобилизационным планом». Все были недовольны таким оборотом. Небывалый патриотический подъём их души желал немедленного подвига. Им же мешали его совершить. Требовали ждать. Никто не расходился.

Спустя время несколько энергичных ребят из райкома комсомола доступным языком разъяснили всё сказанное военным, они потребовали в недельный срок представить в райком развёрнутые списки желающих идти на фронт.

Поздней ночью, смертельно уставшие и недовольные, добрались они обратно до родной деревни.

Однако война не заставила себя долго ждать. Её злое дыхание вскоре стало ощущаться и в Берёзовке.

По радио поползли тревожные сводки о неудачах на фронте. Всем селом с песнями и со слезами проводили на фронт первых призывников. Ими оказались те, кто ранее уже служил в Красной армии. Затем отправили первых добровольцев из числа вчерашних выпускников школы. Осенью стала ощущаться нехватка рабочих рук в колхозе. Ученики школы всегда помогали старшим на весенних и осенних работах и особенно при заготовке сена. Теперь настало время заменить ушедших на фронт. Аркашка с Витькой днём после школы работали на колхозной пилораме. Ванечку направили в колхозные мастерские. Девочкам нашлась работа в пекарне и в фельдшерском пункте. Но больше всех опять повезло Женьке, которого за его страсть к лошадям определили конюхом на колхозную конюшню. Теперь Женька иногда к окончанию занятий подъезжал к школе на всеобщей любимице – гнедой кобыле Вербе, с белыми носочками на играющих ногах, и катал по деревне одноклассниц.

Появились перемены и в школе. Здесь на уроках стали изучать военное дело, которое преподавал пользующийся большим авторитетом у мальчишек Александр Дмитриевич Полежаев, отставной военный, награждённый орденом Красного Знамени.

В качестве оружия использовались вырезанные из досок винтовки и набитые песком гранаты. Девочки обучались на медсестёр. Об этом времени позднее напишет Станислав Куняев: «Уроки военного дела, ребятам

в одиннадцать лет / война им в программу велела / вписать этот новый предмет».

Всем классом ежедневно горячо обсуждали военные сводки. Трудно описать ту радость, которую испытывали школьники, узнав о разгроме фашистов под Москвой. Все их переживания, гордость и ярость выплеснулись на написанных от руки полосках первого «Боевого листа», вывешенного перед входом в класс.

На уроках литературы изучался новый востребованный временем герой – Павка Корчагин из романа Николая Островского «Как закалялась сталь», который своей яростной борьбой за жизнь стал кумиром многих поколений молодёжи. «Что вам больше всего понравилось в этой книге?» – обратилась к классу Зинаида Григорьевна. «Она учит побеждать», – коротко ответила за всех Ларочка Толпегина, самая тихая и скромная девочка в классе, – «Побеждать даже в самые трудные минуты жизни, когда это невозможно», – добавила она. Тем самым Павка Корчагин занял у молодых самую высшую ступень пьедестала, на которую она уже возвела Чапаева, Андрея Болконского и Тараса Бульбу, отдавших жизнь за Родину. Нестандартную проверку этим высоким чувством в очередной раз устроил Женька Трушкин. Во время очередной вылазки в тайгу он подвернул ногу, и друзья вынуждены были около семи километров тащить его, лежащего, на лыжах домой. Перед самой деревней Женька со словами: «Испытание выдержали, с вами можно бить фрицев», – вскочил на ноги. На следующий день о случившемся знал весь класс. Обидевшись на Женьку, ребята около недели игнорировали общение с ним.

Однако подлинную проверку на прочность они получили позже, в феврале 1942 года, когда в период лютых морозов везли с хутора «Партизанский» заскирдованное там колхозное сено. Вечером в половине пути от дома перегруженные сеном огромные сани, которые с трудом тащили запряженные в них лошади, были встречены большой стаей голодных волков. Волки на одной из снежных полян сомкнули кольцо и, сев на задние лапы, огласили окрестность тяжёлым зловещим воем, отчего измученные лошади, остановившись, стали хрипеть и бить ногами о снег. Мрачная картина на фоне тусклого от мороза вечернего воздуха усугублялась треском промёрзших деревьев, горящими глазами и белым оскалом начавших приближаться волков. Отдельные выстрелы из берданки деда Матвея, который вместе с двумя колхозниками помогал при погрузке сена, лишь на некоторое время отогнали хищников. Они вновь стали сужать наступающее кольцо. Становилось не по себе. Ребята жгли выдёргиваемое с возов сено. Решение принял одноклассник Мишка Кресов, – плотный, невысокий, но очень решительный паренёк, который распряг одну из лошадей и, вскочив на неё, поскакал в сторону деревни за помощью. Часть стаи бросилась за ним. Трудно сказать, чем бы закончилась эта история, если бы помощь не оказалась рядом. Обеспокоенные затянувшимся отсутствием людей, чувствуя неладное, деревенские мужики с ружьями, на санях отправились им навстречу. Волки после первых дружных выстрелов ушли в лес. Произошедшее стало событием в жизни школы, о чём говорила выпущенная стенгазета. А на очередном колхозном собрании в клубе правление колхоза за мужество наградило учеников грамотами и вручило им новые валенки. Мишка к тому же получил привезённую из краевого центра книгу по радиоделу, чем он давно увлекался.

В истории довоенной страны остаётся одна кровоточащая и неоднозначная для нашего общества тема, связанная с врагами народа и их семьями.

В определённой мере она коснулась и Мишку, как сына кулака, сосланного далеко на Север. Пищу «в определённой», поскольку в крестьянской среде к этому вопросу, особенно к детям раскулаченных, относились проще. Главное, как говорили тогда, чтобы был человек хороший.

Мишка рос хорошим человеком. Он не обиделся на власть, не замкнулся в себе. Помня о прошлом семьи, он оставался не по годам сдержанным, стремился доказать свою востребованность. Искренне помогал товарищам, не отставал от них в учёбе, спортивных состязаниях, количестве прочитанных книг.

Он первым в школе стал изучать радиодело. Первым среди сверстников добился отправки в армию и первым погиб, выполняя ответственное задание Родины. Это случилось в октябре 1943 года на Чукотке, где в результате аварийной посадки перегоняемого на фронт американского бомбардировщика «Бостон» он, радист экипажа, и его товарищи, среди которых были выходцы из Грузии и Узбекистана, скончались от полученных увечий. Прошло много времени, когда в школу пришло из войсковой части его неоконченное письмо, найденное в лётном планшете. «Если можно, – простите меня, – писал Мишка, – Я так хотел жить, так хотел к вам вернуться после победы...».

С первых дней войны о себе заявила и прочно вошла в жизнь страны фронтовая литература. Журналы и газеты с произведениями Твардовского, Симонова, Суркова, Луконина, Дудина и многих других авторов, которые, обладая высокими нравственными ценностями, формировали у читателей образцы мужества и непокорности к врагу, были в школе нарасхват и зачитывались до дыр. Эти произведения переписывались в школьные тетради, а по вечерам многие из них вместе с произведениями классической русской литературы читали по радио известные мастера слова Качалов, Москвитин, Яхонтов. В юношеской памяти навсегда сохранились высокие чувства сопереживания за свой народ и за принадлежность к нему, вызванные пьесой Симонова «Русские люди», которую всем классом вместе с учителями они слушали по радио в школе. Потом здесь же бурно обсуждали её в один из трогательных зимних вечеров. Не забылись и волнения, связанные с подготовкой и проведением вечеров художественной самодеятельности, которые устраивала школа жителям своей и соседних деревень, где Галя Беляева с неподражаемой душевностью читала «Жди меня, и я вернусь». Женька, Витька и Аркашка под гром аплодисментов декламировали отрывки из Василия Тёркина.

Весной 1943 года в Берёзовку приехали первые шесть семей из блокадного Ленинграда. Сейчас об этом не пишут, и многое забылось. По рассказам старших, в отношении этих измождённых, много перенесших и переживших людей проявилась вся чистота, врождённая душевность и доброта сибирских характеров. После первых слёз и возмущений, «что проклятые ироды делают с людьми», все ленинградцы мигом были разобраны по домам, где стали полноправными членами семей сибиряков. До самого лета, пока им не построили отдельные дома, они были окружены семейной заботой и вниманием сибиряков, им выделялось всё лучшее в еде и нехитрой одежде. Семью из двух человек – Николая Александровича Воробьёва, пожилого профессора Ленинградского университета и его внучку Ирину – взяла к себе и Ольга Ильинична, мать Женьки, которая отпаивала их парным молоком и откармливала свежими продуктами.

Приезжие, в основном представители ленинградской интеллигенции, сразу включились в деревенскую жизнь. Работая в школе, библиотеке, клубе,

они много сделали для повышения культурного уровня жителей Берёзовки. Появились приезжие и в Женькином классе. Взамен долго болевшей Зинаиды Григорьевны литературу им стала преподавать молодая ленинградка Мария Ивановна, которая свой твёрдый, точный и полный смысла слог об изучаемых героях сопровождала синхронным движением воздушных от худобы рук, вызывая восторг у всего класса. К Женькиной радости, в их классе оказалась и Ирина, ставшая любимицей всех девчонок и мальчишек и предметом его тайных вздыханий.

Накануне окончания школы весной 1943 года большое оживление и много обсуждения в классе вызвала откуда-то возникшая и очень важная для всех идея.

Ребята понимали, что после школы их ждут серьёзные испытания. Несмотря на весь свой юношеский оптимизм, они чувствовали, что не все пройдут через них и смогут вернуться домой. Возникло естественное человеческое желание, свойственное здоровым натурам, оставить о себе память и вместе с тем каким-то особым поступком отблагодарить любимых учителей и прежде всего Зинаиду Григорьевну, которую после очередного сердечного приступа отвезли в районную больницу. Но что могли сделать юноши и девушки в возрасте 17-18 лет? Правильно, благодарный читатель, разбить сад. Однако посадить его в условиях Сибири в то время было делом невозможным. Не было в Сибири тогда фруктовых деревьев и не было фруктовых садов. Потому после долгих споров решили посадить аллею из известных сибирских деревьев берёзы или ели и посадить её за школой, где для этого имелось место. Всем классом отправились в кабинет директора школы Артура Ивановича Нацаренуса. Артур Иванович, человек большой души и обаяния, поддержал духовный порыв десятиклассников.

Руководство колхоза выделило лошадей для поездки за саженцами. В итоге вся школа приняла участие в этом благородном деле. Причём делить не стали – разбили две параллельные аллеи, берёзовую и из маленьких ёлок.

Если поступок является единственно верным мериллом нравственности человека, то Женька с Ваней относились к людям с высокими нравственными качествами. Они оба удовлетворяли принятым условиям, чтобы не пойти воевать. Оба были единственными кормильцами своих семей. И к тому же Женька, семь лет назад потерявший отца, уже имел трёх братьев, воевавших с фашистами. Однако они избрали другой путь и добились скорой отправки на фронт. «Хочу, чтобы мои младшенькие имели возможность учиться и им не помешали. Хочу, чтобы они имели возможность работать в колхозе или другом месте, чтобы были полезны людям – объяснил своё желание воевать Ваня, – тогда мои мамаша и папаша на том свете будут довольны мной».

Женька шёл воевать, потому что так была устроена его свободолюбивая натура. Она звала его туда, где имелась несправедливость, где человек нуждался в помощи. «Я боюсь не успеть, боюсь, что фашистов побьют без меня», – говорил он. Накануне отъезда в армию Женька помянул добрый русский обычай, собрал у себя своих друзей и одноклассников. Ваня, с которым они уезжали вместе, пришёл с братом, сестрёнкой и старенькой бабушкой. В большой пятистенной избе с вместительными сенями всем хватило места.

Евдокия, Женькина сестра, вместе с племянницей Зоей постарались на славу. На длинном деревянном столе приятно дымилась варёная картошка. Здесь же в больших деревянных мисках развалились в предвкушении сочного хруста громадные, как лапти, солёные грузди. Рядом – куриные яйца

с широко нарезанным салом, которое аппетитно пересекали тонкие мясные прожилки. Стол украшали два огромных пирога – один рыбный из выловленных накануне налимов, другой из ягод черёмухи, собранной минувшей осенью. Наконец подали знатные драники, блины, приготовленные из пропущенной на тёрке картошки и лука, обильно политые домашней сметаной. Ольга Ильинична подала в четвертях приготовленную по случаю прозрачно-жёлтую хлебную брагу, которая кипела и пенилась в гранёных стаканах. Николай Александрович на правах старшего открыл застолье. «Дорогие ребята, Женя и Ваня, скоро вам предстоит встретиться с наглым и коварным врагом. Много горя принёс он нашей стране. Мы это испытали в Ленинграде, где погибло, умерло от голода и холода много ни в чём не повинных людей, детей. Враг заслуживает жестокого наказания, уничтожения. Мы надеемся, что вы честно исполните свой долг и победа будет за нами». После нескольких тостов огласили слова любимой песни: «По долинам и по взгорьям...».

Утром Женьку пригласила к себе Ольга Ильинична. Она посадила его рядом на скамейку.

Своими морщинистыми от долгой физической работы руками взяла Женькину руку и долго смотрела ему в глаза. «Женя, сынок – сказала Ольга Ильинична, – самое дорогое у человека, данное ему Богом, это его совесть. Не забывай этого. Тебе будет очень трудно. Но ты живи и воюй по совести, как это делают твои старшие братья, и береги себя». Затем она перекрестила Женьку и проводила его до калитки. С этого дня в доме у Ольги Ильиничны появилась новая икона – Пресвятая Богородица. И на все вопросы отвечала: «У меня четверо сыночков воюют. Пусть она бережёт их».

Вскоре на фронте, куда после непродолжительной подготовки Женька с Ваней попали вместе в одну часть, ребята расстались со своими романтическими представлениями о войне. Уже после первых боёв пришло понимание, что война – это большой труд. Труд, который включает в себя не только умение стрелять и бросать гранату. Он связан также с умением рыть окопы, блиндажи, хорошо маскироваться, бежать, ползти, умело пользоваться другими обязательными атрибутами солдатской жизни. И у того, кто этот каждодневный труд выполняет добросовестно, есть больше шансов выжить. Наиболее тяжело досталось Ване. И тут на помощь пришло то самое солдатское братство, благодаря которому выжили сотни тысяч бойцов и командиров, а в итоге была одержана победа. В их подразделении наряду с опытными бойцами служили и молодые ребята, такие же вчерашние школьники. В редкие минуты отдыха они скучали по дому и родителям, мечтали скорее увидеть своих невест и друзей. Но всех их объединяла ненависть к врагу. Каждый вплоть до самопожертвования оказывал помощь товарищу. Такая забота со стороны сослуживцев позволила Ване быстро втянуться в суровые будни солдатской жизни. Некоторым из них он даже посвятил свои первые, где-то родившиеся глубоко внутри, стихи. Однако вместе с этим он столкнулся с невыносимым желанием на деле показать своим фронтовым товарищам, на что он, Ваня, способен в трудную минуту. И такая минута вскоре пришла. При штурме осенью 1944 года стратегически важной для предстоящей фронтовой операции одной польской деревеньки неожиданно смертельно заговорил пулемёт врага, который бил с небольшой высоты.

Удачно начавшееся наступление было сорвано, и бойцы уткнулись в осеннюю грязь. Находясь впереди у подножия высоты, Ваня видел, как огонь настаивает его товарищей, и понимал, что только он единственный может им чем-то

помочь. Однако от появившегося откуда-то чувства страха он ещё глубже втиснулся в землю, почувствовал её согревающее тепло. Секунду, которая казалась вечностью, в его душе шла жестокая и непримиримая борьба между желанием броситься вперёд и другим желанием – переждать. Что сильнее. Вдруг Ваня ощутил присутствие своих младших, которые откуда-то сверху осуждающе смотрят на него. Он машинально подготовил гранату, медленно поднялся. Тяжёлая, длинная не по размеру шинель тянула вниз, но он успел сделать рывок вперёд и, прежде чем пулемётная очередь прошила его грудь, бросил гранату. Хоронили Ванечку всем батальоном. Всегда маленький и щуплый, он лежал такой большой на расстеленной плащ-палатке, что, казалась, ни одна могила не вместит это молодое тело. И, как сказал комиссар батальона, не хватит на земле столько мрамора, чтобы поставить Ване памятник за его подвиг.

А что Женька? К сожалению, пришел черёд с ним расстаться на страницах нашего рассказа. Евгений Трушкин погиб в январе 1945 года при освобождении Варшавы. Ему шёл двадцатый год. Но до этого времени у него была ещё целая жизнь, жизнь, полная надежд и желаний. Женька был максималистом. Он искал свой путь к человеческому счастью, который прервала война. Будучи чистым, как снег, и добрым, как сама земля (так о нём говорили товарищи по разведроте, где Женьке довелось служить), он по совести исполнял свой воинский долг. Яростно дрался с врагом и за короткое время получил медаль «За Отвагу» и орден Красной звезды. Вместе с тем он хотел учиться, стать грамотным зоотехником, выращивать любимых лошадей и других животных в родной Берёзовке. Он скучал по школьным товарищам и очень горевал, когда погиб Ванечка. Он любил Ирину, с которой связывал своё семейное будущее, и часто думал о ней. Но безжалостный молох войны потребовал за всё это его личной жертвы.

Их роте предстояло разведкой боем выявить наиболее слабые места в обороне противника, необходимые для штурма Варшавы. Ночью, в белых маскировочных халатах, сливаясь со снегом, разведчики успешно разминировали полосу движения и, проделав проходы в рядах заградительной проволоки, вплотную приблизились к расположению врага, сосредоточившись для предстоящего боя. Стояла звёздная фронтовая ночь с яркими вспышками ракет, светом трассирующих пуль. Женька вспомнил минувший сон: мама, её протянутые к нему руки, которые он никак не мог поймать. Эти мысли прервала группа противника, которая буквально накатила сверху на их командира, находившегося под бруствером боевых укреплений. Следом по всему фронту атаки их накрыл плотный огонь. Женька сумел натренированным броском вмиг оказаться у командира, выстрелом и ударом автомата сбросить с него двух наседавших противников.

И всё. Вражеская пуля нашла его молодое сердце. Женькины товарищи, украинец Федя Бондаренко и Магомед Гаджиев из высокогорного дагестанского аула, под шквальным огнём с большим трудом дотащили его к своим. На груди нашли фотографию красивой курносой девушки с большими смеющимися глазами. Надпись на обороте фотографии была залита кровью. В далёкой Сибири ёкнуло сердце Ольги Ильиничны. «Женька, младшенький...», прошептала она и вся в слезах склонилась перед Иконой. Беда не приходит одна. Вскоре при налаживании понтонной переправы через Вислу погиб её средний – Ванечка.

«Не утешайте, – говорила заметно постаревшая женщина соседям, – мои дети святые. Каждый приобретает святость, кто погибает за Родину».

В Берёзовку продолжали приходить похоронки. В Бухаресте при перевязке раненного бойца пуля оборвала жизнь Ларисы Толнегиной, мечтавшей стать врачом. Добровольцем эта тихая и скромная девушка, отрезав свои красивые косы, чтобы выглядеть взрослее, прорвалась на фронт, где многим спасла жизнь. В битве за Берлин сложил свою голову Аркаша Сухатин. При освобождении Праги – Витя Симоненко. Европа в какой-то мере обязана этому классу из далёкого сибирского села своим освобождением. После двух похоронок, «всем смертям назло», израненный и на костылях вернулся Володя Сметинин, выигравший свою личную дуэль за жизнь.

Стремительно несутся годы. Берёзовка стала крупным районным центром с широкими асфальтированными улицами, украшенными красивыми кирпичными домами. На месте старой высится новая трёхэтажная школа из белого камня.

Посаженные в 1943 году аллеи разрослись. Последующие поколения школьников их расширили новыми посадками, со временем превратившимися в большой тенистый парк, являющийся гордостью всего района. Несмотря на своё красивое название: «Парк Победы», данное ему к одной из юбилейных дат, в народе он сохранил своё прежнее название – парк десятиклассников, храня память о мальчишках и девчонках, которые не вернулись с войны.

Открывая им памятник на центральной аллее парка, постаревший Артур Иванович отметил, обращаясь к молодёжи: «Всем потомкам в назидание эти юноши и девушки на деле показали, что высшим проявлением любви к Родине являются её защита в трудное военное время. Они отдали жизнь за Родину, потому что верили в её будущее и были её патриотами. А без веры в будущее трудно быть патриотом».

С каждым годом разрастается берёзовский парк. Он всей своей красотой славит землю, его кормящую, славит солнце, его согревающее, славит молодость, его создавшую.

ПОЭЗИЯ

Марина ЗАЙЦЕВА
(ГОЛЬБЕРГ)

Марина Зайцева (Марина Дмитриевна Гольберг) – Член Союза писателей России, член Содружества писателей г.Варна (Болгария). Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Публиковалась в журналах «Сахалин», «День и ночь», «Дальний Восток», «Сихотэ-Алинь», «Аврора», «Смена», «Юность». Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Отмечена наградами МГО СП России. Стихи переведены на болгарский язык.

Живёт в Москве.

«Здесь небо одно над Россией...»

Александр Невский

Над озером Чудским померк закат.
Спит после битвы русская дружина.
Тепло костров её уютно окружило.
В стан не проникнет тайно супостат.

Все супостаты подо льдом лежат,
Восстанут вновь они со дна едва ли...
Лежит ландскнехт, торосами зажат,
А выжившие – с ужасом бежали.

А князь наутро приказал собрать
Дружине павших ратников по склонам,
Чтобы с почётом их земле предать
И память вечную воздать с поклоном.

А весть летела по Руси стрелой
О ледяном побоище со шведом,
О юном князе полнилась молвой, –
Что отличился в том бою победном.

И князя-победителя нарёк
Народ, ему воздавший мерой веской,
Что Русь от верной гибели сберёг.
Средь Александров на века он – Невский.

И Александр поверженных врагов
Обвёл устало строгими очами,
И произнёс, – как в даль глядел веков:
«Погибнете, – на Русь придя с мечами».

Русь непокорённая

Не хан монгольский рыскал на просторе.
Отборные полки к Москве послав,
Мечтал о государевом престоле
Сам королевич польский – Владислав.

Заполыхали скорбными свечами
Бревенчатые избы над тобой.
Но, Русь, ты оцетинилась мечами
И бросилась на ляхов в смертный бой.

Два гражданина – Минин и Пожарский
Твой православный повели народ.
За волю и свободу в битвах жарких
Ты скинула позорный панский гнёт.

И в страхе сжалось сердце Владислава,
Скукожились заносчивость и спесь.
Ведь не ему потворствовала слава,
А русским воздала – сейчас и здесь!

И остывала чернота пожарищ,
Рассеивался едкий серый дым.
Но бездыханный мой лежал товарищ, –
Оставшийся навеки молодым...

Летели журавли в весенней сини,
И тишина простёрлась на полях.
Но зло и зависть затаил к России
Её так и не покоривший лях.

Идут века. И вороги мечтают
О землях и лесах её опять.
Но лишь гнилые зубы обломают.
Россию не рискуйте вновь пытаться!

Царские игры

Играл он.
Думали: блаженный...
А он играл себе да рос, –
Потешным грохотом сражений
Пугая матушку до слёз.
Но, сдёрнув с плеч
камзольчик детский,
Судьба промолвила:
«Пора!»

Он круто взял.
Вдруг стали тесны
Лужайки милого двора.
Боярский полз
трусливый шёпот
И дерзких недорослей ропот,
Их не забавы, не игра –
Страшили новшества Петра:
«Да лучше б он
врагов бурьянных
В атаках смелых поражал –
Единорогов деревянных
Сухим горохом заряжал!»
В смятенье бил в чело России
Набат чугунным кулаком.
Губу до крови закусили
«Гевропы»,
смяв прожекты в ком...
Да. Справедливым быть
непросто.
Но честь Державы дорога.
И он ломал на дыбе косность
Равно – и друга, и врага.
Дымилась потная рубаха.
Работал. Строил.
И... шутил.
И лёгкой шапки Мономаха
Всерьёз он тяжесть ощутил.

У картины Васнецова

Витязь встал у камня на распутье,
Молча на три стороны глядит:
Ехать вправо – козни; влево – плутни;
Прямо – в лапы смерти угодит...

Под конём шуршит песок зыбучий,
В вышине – зловеющий грай ворон.
Крадучись, как волчьи стаи, тучи
На него ползут со всех сторон.

Соловей-разбойник дико свищет,
И трёхглавый змей плюёт огнём.
Отчины глухие пепелища
Тянутся за мрачный окоём.

Ранами и шрамами измечен,
Не умея живота беречь,

Развернул в косую сажень плечи –
Поскакал судьбе извечной встречу.

Времена не изменились в сути:
Жизнь на милосердие скупа.
И как прежде – витязь на распутье,
И в траве белеют черепа.

Заложник судьбы

Ты, край мой, убогий и косный,
Судьбой обделённый с лихвой.
У нас каждый год – високосный,
Подобен године лихой.
Бедой и нуждой недобитый,
Не скаред, сердечен, не глуп
И с доброй душой открытой –
Властям и врагам ты не люб.
Всегда и всего ты виновник –
Тебе ли к тому привыкать...
И клоп всякий – алчный чиновник
Стремится тобой помыкать!
Смирен и покладист... Доколе
Сидеть на твоём им горбу?!
Не раз для свободы и воли
В неравную лез ты борьбу.
Но грозы, ненастья и вьюги
Нещадней секли и больней.
И всё возвращалось на круги
Юдоли нескладной твоей.
И вновь ты – убогий и косный,
Судьбой обделённый с лихвой,
Заложник стези високосной –
Живёшь под годиною лихой.

Аркадий Гайдар

Он родом не из детства – из поры
Годов двадцатых – огненных, крылатых.
Он был с начала до конца солдатом,
А между войн – писал для детворы.
И не вернулся никогда с войны.
И в этом нет его вины, ребята.
Он так и не сумел побыть в мальчишках,
И детством насладиться не успел.
Не потому ли в самых лучших книжках
Детей с такой любовью он воспел?!

Раз в год, в июне, к камню над Днепром,
Незримые, приходят чётким строем
Бесчисленные юные герои,
Рождённые гайдаровским пером:
Тимур, Маруся, Алька, Чук и Гек,
И Кибальчиш – живой и невредимый.
Гайдар – большой и добрый человек –
Садится на полянке посредине.
Как пионервожатый, в тишине
Он принимает рапорты-ответы.
Расспросит всех о школе, о стране
И даст простые мудрые советы.
А после стройным хором у костра
Поют они о подвигах великих.
Ночь коротка в июне и быстра.
И тают искры, голоса и лики.
...Давно тимуры и кибальчиши
Отвергнуты, оболганы, забыты.
А мишки квакины и плохиши
Зато сегодня вышли в фавориты.

Летописцы

Летописцы, иноки – поэты! –
Канувшие в сумрачных веках,
Кропотливо старины заветы
Собирали в кельях и скитах.
Под лампадой тусклой, под лучиной,
От земных страстей и гроз вдали,
Сказы, и преданья, и былины
В книги рукописные текли.
И – то «сизым соколом, то волком» –
Мысли вдохновенно в тишине
Устремлялись вольно к звёздам колким,
То сторожко стлались по стерне.
Брани зачинались и кипели,
Русичей – рекою! – кровь текла.
А в руках без усталости скрипели
Летописцев лёгкие стила.
Подвиги и жизнеописанья,
Тяжело, как в бурю корабли, –
Нас любовью к Отчине спасая, –
Сквозь столетья плыли и брели...
Эти древних гениев творенья
Сберегали на краю не раз
От гибели и от забвенья –
И в Один Народ собрали нас.

Инок

*Отцу Киприану –
последнему Герою Советского Союза*

Зачем – о том один ты знаешь –
В замшелых пасмурных лесах
О нас радеешь и страдаешь
С молитвой тихой на устах.
И под лампадой Божьи книги
Читаешь ты – глаза слепишь.
И страсготерпье, как вериги,
С извечной кротостью влачишь.
Вкруг пустыни медведи бродят
И волки воют по ночам.
К тебе же страхи не приходят,
Душе неведома печаль.
Сбираешь травы и коренья,
Они и пища, и лечьба.
Каким же таинством-знаменьем
Тебя отметила судьба?
Под сень лесов уйдя от мира
В глухую вековую тишь,
Не сотворив себе кумира, –
Хвалу Всевышнему творишь.
Жизнь иссякает понемногу...
Но что тебе в утрате той?! –
Когда ты к Вечности и к Богу
Бредёшь над брэнной суетой.

Георгий

Человечек новорождённый –
В степень внука произведённый,
Свет-Егорка – живой комочек,
А кричит, – что есть в тельце мочи!

Может, хочет ребёнок есть?
Так орёт – подаёт нам весть.
Или мокрый? «Ну где ты, мама?!»,
Сын взывает к тебе упрямо.

Три кило... а какая сила...
Есть! Есть порох в тебе, Россия!
Ты храни его славой Божьей.
Жить-расти – мы ему поможем.

Ты не будь ему мачехой злою,
Чтоб не стал он твоим изгоем,
Чтоб, обиду тая большую, –
Не любил бы страну чужую.

Будь надеждой ему, утешеньем.
Береги его для свершений.
Чтоб он в час твой, лихой и горький,
Стал заступником, как Георгий.

Обещание

Я из той стороны,
Где дубравы шумят,
Где таится орешник
В оврагах.
Где живёт мой белёсый
Неназванный брат,
Заплутавшись корнями
В варягах.
Тем Перун потрясает
Седой бородой,
От крестителей
Скрывшись в чащобах.
Там луга вешний Вад
Освящает водой,
Племя леших
Зимует в сугробах.
Там подсолнух стоит
У кривого плетня –
Словно юный и рыжий
Сварожич.
Я из той стороны.
Только нет там меня.
Но вернусь я когда-нибудь,
Может...

Ни кола. Ни двора. Ни Родины.
Ни родного нигде лица.
Сотни миль по чужбине пройдены –
Нет дороге моей конца.

Мне страна – как подачка данная –
Понял: сердце не исцелит.
А душа – эта рана рваная –
Нестерпимей по вёснам болит.

Ни кола ни двора мне не надобно
В этом сытом постылом раю.
У его я крыльца парадного
Бедным родственником стою.

Отряхнуть эти крошки хочется,
 Что прилипли к душе и к рукам –
 И припасть, чтоб отмыться дочиста,
 К серебристым твоим родникам.

Что же сердце тоскливо замерло?
 Был я сын твой, Россия.

 Был...
 Мне поднять бы крыла –
 да за море!
 Только вырваны перья из крыл.

Посреди равнины светлая
 Плавно катится река –
 Где глубокая, где мелкая,
 То узка, то широка.

Под водой невзбаламученной
 В бликах солнечных пески.
 Средь кувшинок на излучинах
 Стайкой плавают мальки.

В небе радуга высокая –
 Уползает прочь гроза.
 Вертолёт над осокою
 Зависает стрекоза.

Камышистые и низкие
 По-над речкой берега.
 Словно горы золотистые
 На лугу стоят стога.

Вот на берег тот «сажёнками»
 Брат плывёт за щавелём.
 Мы его вдвоём с сестрёнкою
 На песочке тёплом ждём.

По вечерней Москве пешком

По вечерней Москве нарядной,
 Оступаясь на каждом шагу,
 От Смоленской до Баррикадной —
 До метро в гололёд бегу.
 Мимо Новоарбатских высоток,
 По бульвару Новинскому вдоль

И сияющих окон-сотов –
 Пешехода я выбрала роль.

Проще было бы сесть в автобус,
 Мне до цели – минут пяток.
 Но верчу я Москву, как глобус,
 Бодро – с Запада на Восток.

Город стелется контурной картой.
 Я проспекты шагами черчу.
 И по синей наледи марта
 Каблучками не в такт стучу.

Москвичей дружелюбные лица
 Как спасательный круг, ловлю.
 И я каждый твой день, столица,
 В сердце, словно в копилке, коплю.

Остров Русский

В. Т.

На острове –
 Заснеженная вечность.
 В какой-то день и год
 (всё не решу...),
 Сойду лишь с электрички
 На конечной –
 Оказией на остров поспешу.
 Меня пространство
 Синее обнимет,
 Студёный бриз
 Погладит по плечам.
 Без лишних слов
 Чудную гостью примет
 Корабль мой,
 Что вмёрз в пустой причал.
 Когда-то был и дерзкий он,
 И ярый,
 Не раз
 С ветрами совершал забег.
 Теперь вот –
 На приколе вечном,
 Старый,
 Забытый всеми,
 Доживает век...
 Он ждёт меня, светясь
 Неярким светом,

Но паруса расправил –
 Как крыла!
 Я не могла
 Сюда добраться летом.
 Ведь летом
 Всё дела,
 дела,
 дела...

Домик Грина в Феодосии

Словно бриг,
 Сойдя с морских дорог,
 Дом среди акаций пенных
 Замер.
 Здесь творил, сутол и одинок,
 Сказочник
 С печальными глазами.
 По ночам
 Из моря в тишине
 Вызывал он
 Чудные виденья.
 И за ним
 Бежали по волне
 Былей феерические тени.
 Этот жизни пасынок седой,
 Самый бедный в мире
 Неудачник,
 Был владельцем
 Цепи золотой
 С бригом алопарусным
 Впридачу!
 Он –
 Мечты бессменный капитан –
 Взял на абордаж
 Сердца мальчишек.
 Пахнет морем
 Старенький секстан.
 Пахнет ветром
 Флюгерок на крыше.
 Времени оплывшая свеча
 Тихо угасает над страницей.
 Дому-бригу часто по ночам
 Капитан его
 Поныне снится.

Осенний Крым

Есть на земле заветные места,
 К которым устремляешься годами.
 И Крым – как воплощённая мечта –
 Раскрыл свои объятия перед нами.

Я заблужусь в порхающей листве.
 Мне птицы отзовутся, улетаая.
 Оранжево-карминно-золотая –
 Здесь осень в Коктебеле, как в Москве.

Сливается небесная лазурь
 С феодосийским штилем безмятежным.
 И спят пока под этим бризом нежным
 Грядущие бесчинства зимних бурь.

Нам этого уже не испытать –
 Ведь уезжаем завтра мы с рассветом.
 Октябрь нас на прощанье нежит летом,
 Над древним Крымом – мир и благодать.

Исчезнет Евпатория из глаз
 За плавными увалами седыми.
 Лишь провожать среди степной полыни
 Курганы долго-долго будут нас.

Берёзовый свет

От белых берёз по России бело –
 Как будто метелью стволы замело!

К берёзе росистый мой тянется след,
 И плещет в глаза мне берёзовый свет.

Кору шелковистую глажу рукой –
 Меня обнял негой июньский покой.

Здесь даль широка. Синева глубока –
 И как каравеллы, плывут облака.

И белые церкви парят на холмах,
 И прячутся тихие речки в лугах.

Роятся здесь грозы... Поют соловьи...
 Россия... Берёзы... Здесь корни мои.

Синева

Дождь иссяк. И меня ослепила
Нестерпимая синь-синева.
Будто небо Неву затопило,
Будто в небо вливалась Нева!

Наплывала она, надвигалась,
Обнимала, кружила меня.
Синева наводнением казалась
В эпицентре июльского дня.

Голубей легкокрылых ватаги
Кувыркалисьверху, в синеве.
А внизу – словно фантики, флаги,
Отражаясь, кружились в Неве.

Это в день Военфлота «Аврора»
Распустила свои вымпела.
Заливая пространство и город,
Синева, торжествуя, плыла.

А сегодня метельный наш остров
Поутих, взятый в плен синевой.
В январе вдруг нахлынуло остро:
Ленинград. И июль над Невой...

Я от солнца глаза прикрываю.
И кружится слегка голова.
Синева – над Россией без краю.
До Курильской Гряды – синева!

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военноморской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военнодипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, членкорреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

И снова от Бога – защитницы роль!

Минули столетья, и скрыть невозможно,
Что Русь не случайно царит на Земле,
Что ей предначертано волею Божьей
Защитницей слабых быть тысячи лет.
Хранить, защищая народы планеты
От гнёта воинственных дьявольских сил,
Что Бог помогал добиваться победы
Над силами зла полководцам Руси.

Татаро-монгольских тиранов свободы
Под знаменем Божьим бил Дмитрий Донской,
В Чудское отправил навечно под воду
Псов-рыцарей Невский – князь ныне святой.
Избавил Европу от шведского страха
Царь Пётр, под Полтавой их пыл остудив,
Кутузов унял спесь другого монарха,
Господства его над Европой лишив.

И дьявольский ужас фашистского ига,
Весь Мир защищая, развеяла Русь,
Сменив под Москвой миф победный блицкрига,
На мрачный итог – поражения груз!
И Бог поддержал в этой схватке Россию,
В союзники дав крепкий русский мороз,
Чем славно добавил защитникам силы,
Фашистам отмерив – позора до слёз.

Как видно, не раз Дьявол силой старался
 Планету под гнёт своих слуг заключить,
 Но план всякий раз на России срывался,
 Господь помогал палачей усмирить.
 Сейчас англосаксы стремятся насильно
 Внедрить на земле свой жандармский контроль,
 И вновь, как всегда, им мешает Россия,
 Опять ей от Бога – защитницы роль.

Журавли помогли

У медиков, ежедневно занятых ответственной интенсивной работой, по-особому воспринимаются командировки на съезды, конференции, симпозиумы. Конечно, предстоит определённое напряжение, связанное с прослушиванием и восприятием самых важных докладов. Хочется не упустить всё самое интересное, что пригодится в работе потом, в будущем; нарастает волнение как о предстоящем собственном выступлении, так и о необходимости отвечать после доклада на вопросы коллег. И всё-таки подобные события запоминаются атмосферой праздника и остаются в памяти надолго. А самое главное – общение с коллегами. И часто бывает так, что вне заседаний, чаще к вечеру, где-нибудь в небольшом зале или в номере, собирается компания и начинаются интереснейшие рассказы из собственного опыта жизни. В такое время лови момент и слушай, внимательно слушай. Вот тогда люди и раскрываются.

На одном из симпозиумов, проводившемся на юге нашей большой страны, собрались в номере четверо мужчин. Хозяева проявили изысканное гостеприимство. На столе стояла ваза со спелыми красными яблоками, крупные фужеры, а за стёклами буфета красовалась коллекция самых разнообразных вин, на этикетках которых неизменно присутствовал летящий журавль, несущий в клюве большую кисть винограда. Хозяева в первый день встречи с гордостью поведали, что означает этот символ. По легенде, одна из хорошо укрепленных крепостей этого народа много дней держала оборону от врагов. Нападавшим – ну никак не удавалось овладеть крепостью! Дело в том, что не только стены и башни были неприступны. Главное, что воины, оборонявшие крепость, были смелыми, решительными, отчаянными. Все попытки врагов прорваться в крепость и захватить её оказались безуспешными. И тогда враги устроили крепости осаду. Прошло несколько дней, потом несколько недель, а крепость не сдаётся!

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330ю среднюю мужскую школу, затем 2й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Но с каждым днём у защитников крепости уменьшались запасы пресной воды. Под жарким солнцем они страдали от мучительной жажды, но отыскать воду было нелегко. Это было самое тяжёлое испытание.

И вдруг, в один из дней, когда ситуация стала совсем критической, почти отчаянной, за крепостные стены опустилась стая журавлей. Каждый из них нёс в клюве большую ветку спелого винограда. Защитники крепости утолили жажду принесёнными птицами виноградинами, и к ним вернулось мужество.

Осаждавших врагов обуяла ярость, но они так и не смогли проникнуть за стены крепости и вынуждены были уйти.

С тех пор люди, живущие в этой местности, сохраняют в своей памяти благодарность и журавлям, и винограду и с гордостью передают рассказ об этом событии своим потомкам и дорогим гостям. Журавль с веткой винограда воспринимается этим народом символом стойкости и мужества. И ещё этот символ напоминает, что отчаиваться и терять надежду никогда нельзя.

Услышав рассказанное, четыре детских онколога многозначительно переглянулись и не сказали друг другу ни одного слова.

ПОЭЗИЯ

Анна МАЯКОВА

Анна Дмитриевна Маякова – родилась в Донбассе. Окончила МГИМО. Владеет несколькими иностранными языками. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Автор книги воспоминаний «Мозаика моей жизни», четырёх сборников хайку и поэтических миниатюр, книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце». Финалистка Международной ассамблеи писателей в Варне. Награждена Серебряным Крестом и медалью И.А. Бунина «За верность отечественной литературе», медалью «За мастерство и подвижничество на благо русской литературы». Печтается в различных литературных альманахах. Страница в Интернете – Проза.ру Анна Маякова.

Живёт в Москве.

«Мне не хватает простора...»

Ромашка

Написано после разговора с подругой,
живущей в Донбассе

Я – степная ромашка,
Унесённая волей судеб
На север.
Много лет я лишь вспоминала
О крае родном.
Но сестра моя душица
Прислала мне с ветром
Привет и листок обгоревший
В пламени войны.
Знать – одно. Видеть – другое.
И пошла я в поле,
И всколыхнулось ромашек поле.
И зашептались они меж собою,
Обсуждая новость да ужасаясь
Ранам обгоревшего листка.
И стали вместе мы молить богов –
Перуна, Стрибога, Дажьбога
О помощи, чтоб силы природы,
Могучие силы помогли страждущим
Братьям и сестрам пережить
Лихую годину...

Июль 2021

Осень дождями

Мне не хватает простора
 Степей и морей.
 Мне не хватает небес,
 А в них – журавлей.
 И осень дождями
 Зальёт мою жизнь,
 Не оставив надежды.
 И листья рябины
 Слетают с дерев –
 Окончен их век.
 Кукушка поёт о своём,
 И дятел стучит о своём.
 Похоже... Как прежде...

Маме прекрасной

*Композиция из первого альбома
 Николы Мельникова «Двадцать два»*

Много песен пропели певцы,
 Много сказок сказали
 Поэты про любовь,
 Что сжигает, горчит,
 Иль возносит к небесам голубым.
 Но есть чувство иное,
 Живущее в сердце матери,
 Уходящее во времена до Христовы,
 Которое пестует, лелеет, прощает
 И защищает сына иль дочь –
 Святая матери любовь.
 Она возносится к солнцу и небу.
 Не соперничает, но,
 Как свеча перед иконой,
 Освещает путь детей своих.

Домик с красной крышей

Дом мой родной. Брег расстелился у ног. Память отца...
 На другом берегу
 С красной крышей домик стоит –
 Ни кола, ни двора.
 Не дойти, не доплыть,
 Лишь мечта достигает его.

В домике прошлого
 Счастливы все – мама, папа,
 Братец и я, несмышлёныш.
 Наши окна распахнуты настежь –
 Ветер, радость входи!
 Чайки кричат над тихой водою.
 Туча-парус плывёт, задевая крылом,
 И грустная песня
 Звучит на просторе.
 О, домик с красной крышей,
 Не забыть мне тебя
 До скончания века –
 Моего...

Ещё раз про любовь

Руку твою тёплую возьму,
 Положу на грудь изболевшую.
 Сердца моего стук
 Ты узнаешь. Поймёшь ли?
 Любить без памяти трудно.
 Себя забыть страшно.
 Любовь терять горько.
 Свободу отдать жалко.
 «Инь» по Конфуцию нечто
 Холодное, пассивное.
 Это не про нас, красавиц.
 «Ян» – в противоположность –
 Тёплое, активное.
 Это тоже, увы, не про нас.
 В массе.
 Тещу себя надеждой –
 Луна и Солнце в небе
 Могут быть одним.

Картина маслом

Ах, вот он, мой домик с красной крышей!
 Парус мимо по ветру летит!
 И кучи, кучи облаков – подбрюшьё синее,
 Вершина белая. Вода озёрная уж зацвела,
 И водоросли сбились в кучу – вместе веселей.
 Не слышно чаек, уток не видно.
 Вдали блестят на солнце купола.
 Заутреня прошла, и люд, неся в груди любовь
 Христову, уходит по домам.

Пустоцвет

Её никогда не называли так, как она этого хотела. Папа, давший ей красивое имя Наталья, обращался к ней «дочка», а мама – «урод». Когда мама так говорила, Наташа чувствовала себя гадким утенком, которому никогда не суждено стать прекрасным лебедем.

Но прошли годы, исчезла угловатость, заблестели глаза. Она ушла из дома в восемнадцать. Улетела из родительского гнезда. Устроилась на работу раздатчицей в заводскую столовую и получила комнату в общежитии. Николай увидел её и влюбился. Инженер. Старше на восемнадцать лет. Женат не был. Маменькин сынок. Он звал её Наткой, что ещё больше подчёркивало разницу между ними.

Встречались недолго. На каждое свидание приносил букеты. В первый раз оборвал близлежащую клумбу с настурциями. Потом подарил чудесный букет красно-жёлтых монтебреций, так похожих на маленькие гладиолусы. А предложение сделал с великолепными сиреневыми розами. Такие цветы не могли не покорить сердце молодой женщины. Она согласилась.

Свадьбы не было. Просто расписались и приехали домой, где по-семейному выпили чай с тортом, который испекла свекровь. Вопрос о том, где жить, как-то не стоял. Николай надеялся, что, живя под одной крышей, его любимые женщины поладят. Через месяц стало понятно, что молодым нужно жить отдельно. Николай, скрепя сердце, снял комнату. Считая, что дом должен быть чистым, уютным и вкусно пахнуть едой, он настоял, чтобы Наталья ушла с работы.

Однако на этом его самостоятельность закончилась. Наталья думала, что вышла замуж. «За муж». За мужчину взрослого, умудрённого опытом, хорошо зарабатывающего. Но всё оказалось не так. Николай был совершенно беспомощным в житейских вопросах, и Наталье всё приходилось решать самой. А после того, как молодая семья съехала из родительского дома, мама Николая,

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

неизменно называющая её «невестушка», стала контролировать всё, что та делала. Вот и получалось, что жили отдельно, но были несвободны в своей семейной жизни. Свекровь проверяла, где Наталья покупала продукты, что из них готовила, какими моющими средствами убирала комнату, «ведь у Коленки аллергия».

Но самым тяжёлым оказался вопрос, связанный с ребёнком. Ребята вообще не брали в рот спиртного, потому за здоровье малыша можно было не беспокоиться. Но что-то пошло не так. Сначала у Натальи случился выкидыш. Потом мёртворождённая девочка. У женщины просто опустили руки, а семья дала трещину. Между супругами выросла стена непонимания. При каждом удобном случае муж попрекал Наталью то невкусным обедом, то не вытертой под телевизором пылью, то невниманием к его мужским физиологическим потребностям. Да и мама Николая подливала масла в огонь, говоря, что Наталья «даже наследника Николаше родить не может». Врачи действительно поставили ей неутешительный диагноз – бесплодие. В деревнях таких, как она, считали пустоцветом. Меткое определение. По весне все деревья и кустарники распускаются, но не всякие цветочки завязываются в ягоды.

Наталье было больно и обидно осознавать, что она не такая, как все. Через полгода Николай под давлением матери подал на развод и оставил свою тридцатилетнюю жену. Комнату нужно было освободить, и Наталье ничего не осталось, как вернуться к родителям.

Говорят, что характер человека не меняется. Неправда всё это. Ещё как меняется. Но к худшему. Годы и болезни делают своё чёрное дело. Вот и Наташины родители сильно изменились. Они, конечно, не могли воспрепятствовать возвращению дочери, но радости от этого не испытывали. Наталья это чувствовала, поэтому устроилась нянечкой в детский сад. Работа съедала всё её время и позволяла дома только ночевать.

По выходным она ездила на дачу. Та оказалась совершенно заброшенной. У родителей давно не было сил ухаживать за домом и за садом. Да ещё и пёс породы алабай требовал большого внимания. Что делать? Разместили объявление на столбе на станции в надежде, что хоть кто-нибудь захочет жить в их доме и присматривать за псом. Странно, но такой человек нашёлся. Им оказался угрюмый гастарбайтер из Молдовы.

Эд был необыкновенно рукастым малым и приехал в Москву, чтобы зарабатывать денег. У себя дома он считался отличным специалистом в строительном деле, но в столице найти работу оказалось сложно из-за большой конкуренции, а вот в маленьком подмосковном Можайске ему повезло. Жил он в комнате с такими же бедолагами, потому предложение жить в большом загородном доме показалось ему Манной небесной.

Когда Наталья приезжала на дачу, он старался не раздражать хозяйку своим присутствием, но она всегда приглашала его за стол выпить чаю и поговорить, так как и ей не хватало собеседника. Эти чаепития постепенно стали теми кирпичиками, которые выстроили Наташино семейное счастье. Эд ласково называл её «солнце», а ей так хотелось, чтобы он звал её Натусей.

Как только их общение переросло в серьёзные отношения, Эд попросил у Натальи разрешение привезти из Молдовы сына. Валере было пять лет, и он воспитывался родителями Эда. Маму мальчика давно лишили родительских прав из-за пристрастия к алкоголю. Женщину дважды принудительно лечили от алкоголизма, но всё было бесполезно. Она не могла остановиться, и

в конечном итоге умерла – сердце не выдержало длительных запоев. Так, не смотря на свой довольно молодой возраст, Эд стал вдовцом.

Наталья с пониманием отнеслась к просьбе Эда и сразу приняла участие в судьбе Валерки. Тому нужно было готовиться к школе, поэтому она устроила его в свой детский садик на пятидневку, а в выходные они вместе уезжали на дачу. Так что приезд этого весёлого сорванца, который сразу назвал её Татой, не нарушил уклад жизни родителей Натальи.

Вскоре Наталья и Эд поженились. Жизнь постепенно вошла в нормальное русло. Будучи человеком жадным до новых знаний, Наталья окончила педагогические курсы и устроилась в группу продлённого дня в школе в Можайске, куда в семь лет пошёл и Валерка. Ленивый от природы, учился он из-под палки, потому что присутствие железной руки и в школе, и дома стало основным стимулом к учёбе.

Одиннадцать лет пролетели, как миг. Поступление парня в вуз пришлось на самый сложный год, пандемийный. Эду удалось заработать денег, чтобы подстраховать сына – они с Натальей не были уверены, что Валерка поступит «на бюджет». Но тот каким-то чудом смог. Однако эйфория по поводу поступления сына в один из престижных Московских вузов скоро сменилась тревогой. Глава семьи заразился коронавирусом, и его, здорового мужика, положили в больницу. Он слал свои фотки, шутил и смеялся по видеосвязи, стараясь их подбодрить. Но болезнь оказалась для него смертельной. Когда позвонили из больницы, Наталья не поверила своим ушам. Она так привыкла к Эду за эти годы (всё-таки тринадцать лет – немалый срок), что уже не представляла жизни без него.

На прощании были только Наталья, Эд и друзья Эда из бригады. Хоронили его в закрытом гробу с соблюдением всех санитарных норм. Когда всё закончилось, Валерка подошёл к Наталье, обнял её за плечи и сказал: «Пошли домой, мама!» И от этих слов на душе у Натальи сразу стало светлей – наконец-то её назвали так, как она этого хотела.

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального дома литераторов, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014-2020), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литератур» (2018 и 2019), Международной Бунинской премии (2017). Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

Моя страна великая...

Прости, Россия

Россия, милая Россия,
Ты – многогранна и проста,
Тебе б стать родиной Мессии
И жить «за пазухой Христа».

Но мы, твои родные дети,
Тебе покоя не даём,
Своим безбожным поведением
Отчизну часто предаём.

Прости все наши прегрешенья.
Что мы, не чувствуя вины
И поддаваясь искушеньям,
Заветы предков не храним.

Прости, что храмы разрушали,
Твоих святынь не берегли,
И потому свои печали
Преодолеть мы не смогли.

Прости, что позволяем бесам
Пустить в глаза соблазнов дым,
Не служим высшим интересам –
Тельцом пленились золотым.

Прости, что мы не ценим рая,
Любовь твою не бережём:
Лишь разрушая и теряя,
Осознаём и слёзы льём.

От наших действий днём и ночью
Ты раскалялась докрасна.
Такой пожар опасно очень
Держать «за пазухой Христа».

Как в детстве из костра картошку
Пытались быстро остудить,
Тебя с ладошки на ладошку
Кидает Бог – чтоб сохранить.

Театр коварства

Жизнь современная – театр коварства,
Где правят алчность, беспринципность, ложь.
Идёт борьба не за богатства,
Идёт борьба за нашу молодёжь.

Как завещал когда-то недруг Даллес,
Её пытаются унижить и растлить.
Лишить истории врагам на радость,
Заставить русские традиции забыть.

Поправ мораль, «кропают» жизни повесть,
Сомнительный всем предлагая путь:
Забудь про честь, достоинство и совесть
И «делай деньги», всех богаче, круче будь.

Как отогнать беду на расстоянье,
И коррумпированность душ нам одолеть?
Отвергнутое властью воспитание
Как возродить, как зло преодолеть?

Как научить нам молодых не пресмыкаться,
Не лгать, не льстить, не воровать?
Чинуш и бюрократов не бояться
И перед культом денег не дрожать?

А может каждому с себя начать?

Плацкарт

Под мерный колёсный стук
Плацкартный вагон не спит,
Хотя тишина вокруг,
И свет давно не горит.

И лишь на мгновение всполох
От встречно летящих огней
На нижних и верхних полках
На миг освещает людей.

Хоть едут в одном направлении,
У каждого – свой маршрут:
Везут малыша на лечение,
Студента родители ждут.

Девчонка в нарядном уборе
Мечтает актрисою стать,
А рядом у женщины горе –
Внезапно скончалась мать.

Вот парочка тихих влюблённых
Не спит, и в руке рука,
Завидует им разведённый,
Ведь жизнь без Неё нелегка.

За стенкой торговец считает
В уме свои барыши,
О пенсии бабка вздыхает:
«Как жить на такие гроши?»

От разных забот обессилен,
Притих на полках народ.
Как будто саму Россию
Плацкартный вагон везёт.

Над поездом звёзды сияют,
И в снах растворяется боль.
Семь смертных грехов побеждают
Вера, Надежда, Любовь.

Злопыхателям России

Моя страна великая оболгана,
Замарана вся санкциями грязными,
Изранена и на куски разодрана,
И в шрамах всё лицо её прекрасное.

Вокруг враги кружат, как стаи воронов,
Шакалий визг подняли лже-историки:
«Россия – зло, агрессор, вся порочная...»,
Напрасно, не сломить вам нашей стойкости!

Когда рванёт у вас, как в «Йеллоу стоуне»,
И отзовется в Англии, Японии,
Куда вы кинетесь с мольбой и стонами,
Кто сможет защитить вас от агонии?

Учите русский, он вам пригодится.
Оставьте ложь, мы на Земле – соседи.
Бросайте свои глупые амбиции
И не дразните русского медведя!

